

Как ненасилие защищает государство

Питер Гелдерлоос

2014

Оглавление

Невошедшее введение (перевод введения англоязычного издания)	4
Введение	8
I. Ненасилие неэффективно	11
II. Ненасилие имеет расистский характер	29
III. Ненасилие этатично	50
IV. Ненасилие патриархально	71
V. Ненасилие ущербно тактически и стратегически	85
VI. Ненасилие обманывается	116
VII. Альтернатива: возможности революционного активизма	133

Говорят, что на улицах красиво, но стоит оглядеться вокруг — это больше похоже на поражение.

«Defiance Ohio»

Эта книга посвящается Сью Дэниэлс (1960–2004 гг.), прекрасному экологу, смелой феминистке, страстной анархистке, красивому и заботливому человеку, воспитывавшему окружающих, бросая им вызов. Твоя храбрость и мудрость продолжают вдохновлять меня, и в этом смысле твой дух по-прежнему непокорим...

...и Грегу Майклу (1961–2006 гг.), воплощавшему здоровье даже в самых нездоровых обстоятельствах целостностью своего бытия и неутомимой борьбой против ядов, отравляющих наш мир. От пакета изюма, украденного с тюремной кухни, до пробуждения моей памяти на вершине горы, твои подарки остаются для меня целебным бальзамом и оружием, и они пребудут со мной до тех пор, пока последняя тюрьма не превратится в груды щебня.

Особое спасибо Меган, Патрику, Карлу, Гопалу и Сью Д. за вычитывание и обратную связь, а Сью Ф., Джеймсу, Айрис, Марку, Эди, Александру, Джессике, Эстер и всем приходившим на семинары — за критику, имевшую ценность при подготовке настоящего второго издания.

Невошедшее введение (перевод введения англоязычного издания)

В августе 2004 г. на Съезде североамериканских анархистов в Афинах, штат Огайо, я принял участие в заседании рабочей группы, обсуждавшей ненасилие как антипод насилия. Дискуссия, как и следовало ожидать, превратилась в непродуктивные и соревновательные дебаты. Я надеялся, что каждому члену группы во избежание обмена избитыми шаблонными аргументами будет поочередно предоставлено достаточное время для выступлений и подробного представления наших идей. Но координатор, выступавший одновременно организатором конференции и, вдобавок ко всему, участником обсуждения, отказался от такого подхода.

Из-за давления, оказываемого гегемонией сторонников ненасилия, его критика исключается из основной периодики, альтернативных СМИ и других дискуссионных площадок, посещаемых противниками авторитаризма¹. Ненасилие является основой веры движения и ключиком для полного приобщения к нему. Противники авторитаризма и капитализма, предлагающие или практикующие воинственный подход, внезапно оказываются покинутыми теми самыми пацифистами, с которыми только что шагали рядом на недавней акции протеста. Попав в изоляцию, воинствующие активисты теряют доступ к ресурсам, теряют защиту: СМИ делают их козлами отпущения, правительство преследует как преступников. В этой ситуации, вызванной автоматической изоляцией несогласных с ненасильственным подходом, нет места для здорового критического дискурса, позволяющего оценить выбранные нами стратегии.

Мой опыт говорит о том, что большинство людей, вовлечённых в радикальные движения, никогда не слышали хороших — или даже плохих — доводов против ненасилия. Даже тогда, когда человек значительно углубился в другие проблемы движения. Зато активист быстро привыкает к атмосфере табу, окутывающей воинственную часть движения. Он впитывает страх и пренебрежение, поддерживаемые корпоративными СМИ, по отношению к людям, готовым в буквальном смысле слова сражаться

¹ Некоторые периодические издания, ограниченные строго анархистской средой, такие как «Anarchy: A Journal of Desire Armed», вовсе не придерживаются пацифизма. Однако влияние этих изданий, как и их аудитории, даже в сферах, где анархисты являются определяющей силой, носит явно маргинальный характер. На массовых акциях антивоенного и антиглобалистского движений, ключевыми организаторами которых являются анархисты, критика пацифизма даже не принимается к рассмотрению; в лучшем случае некоторые участники могут успешно заявлять, что смягчённые формы прямого действия можно квалифицировать как ненасильственные. Многочисленные прогрессивные СМИ, существующие вне анархистских кругов, вполне объяснимо склоняются к господствующей тенденции и занимают почти исключительно пацифистские позиции — даже тогда, когда многие волонтеры, благодаря которым эти СМИ существуют, являются антиавторитаристами, поддерживающими использование разнообразных тактик.

против капитализма и государства. И, наконец, привыкает путать изоляцию, которой воинственные активисты подвергаются насильственно, с той самостоятельно поддерживаемой изоляцией, которая является неотъемлемой частью воинственной формы протеста. Большинство поборников ненасилия, с которыми я обсуждал эту проблему, — а их было много, — подходили к беседе так, будто неправильность и вредность насилия в социальных движениях является давно доказанным фактом (по крайней мере, по отношению к событиям в радиусе 1000 миль от них). Хотя напротив, есть множество серьёзных аргументов против ненасилия, на которые пацифисты в своей литературе попросту не смогли ответить.

Наша книга покажет, как ненасилие, в его сегодняшних проявлениях, основано на фальсифицированной истории борьбы. Оно имеет скрытые и явные связи с манипуляциями белых над освободительными движениями цветных. Его методы впе­таются в авторитарное поведение, а результаты приспособляются к тому, чтобы служить в первую очередь правительственным, а не народным целям. Оно маскирует и даже поддерживает патриархальную аксиоматику и существующую расстановку сил. Стратегии ненасилия неизбежно ведут в тупик, и его адепты обманывают себя по целому ряду ключевых вопросов.

Исходя из этих выводов, если наши движения, как минимум, ищут возможности уничтожить системы угнетения, такие, как капитализм и господство белой расы, и построить свободный и здоровый мир, нам нужно распространить эту критику и сорвать с дискурса железную хватку ненасилия, разрабатывая наиболее эффективные формы борьбы.

Отметим, что цель беседы — убеждать и быть убеждаемым, в то время как цель дебатов — выиграть и таким образом заткнуть рот своему оппоненту. Один из первых шагов к успеху в любых дебатах — контролировать терминологию, чтобы получить преимущество и поставить оппонентов в невыгодное положение. Именно так поступили пацифисты, сформулировав противоречие между нами как противопоставление ненасилия насилию. Критики ненасильственного подхода обычно принимают это искусственное противопоставление, с которым большинство из нас категорически не согласны, и настаивают только на расширении границ понятия ненасилия, чтобы тактики, поддерживаемые нами, такие как уничтожение собственности, могли быть приняты в рамках ненасильственной системы координат. Это показывает, насколько мы бессильны и лишены права голоса.

Я не знаю на сегодняшний день ни одного активиста, революционера или теоретика движения, который поддерживал бы только насильственные тактики и противостоял бы любому использованию ненасильственных. Мы — сторонники разнообразных методов (и их эффективных комбинаций), выбранных из полного спектра тактик, которые способны привести к освобождению от всех компонентов системы угнетения: господства белой расы, патриархата, капитализма и государства. Мы

² Быть может, это преувеличение — называть революционерами тех, кто не вовлечён в открытый конфликт с государством, поэтому я определяю революционного активиста как человека, по крайней мере,двигающегося к точке, когда такой конфликт становится реален. У некоторых слово «активист» вызывает отторжение или ассоциации с реформистскими типами активизма. Чтобы избежать чрезмерной тщательности в использовании слов и терминологии, попрошу читателей воспринимать это понятие в лучшем из возможных смыслов.

считаем, что тактики следует подбирать, исходя из конкретной ситуации, а не заимствовать из заранее определённого морального кодекса. Мы также склонны считать, что средства отражаются на конечной цели, и не хотели бы действовать так, чтобы неизбежным результатом этого стала диктатура или другая форма общественного устройства, не уважающая жизнь и свободу. Поэтому было бы точнее называть нас сторонниками революционного или воинственного активизма, а не насилия².

Я буду называть сторонников ненасилия их собственным определением «ненасильственные активисты» или равнозначным термином «пацифисты». Многие практикующие ненасильственные методы могут предпочитать ту или другую формулировку, а некоторые даже проводят различие между ними, но, исходя из моего опыта, в объяснении ими этих различий нет единой логики. Наконец, что важнее всего, пацифисты или ненасильственные активисты действуют сообща, независимо от выбранного ими термина, так что разница в их обозначении для данной книги не существенна. Используя термин «пацифизм» или «ненасилие» в широком смысле, они подразумевают образ жизни или тип социального активизма, избегающий, трансформирующий или исключаящий насилие при попытке изменить общество с целью создания более спокойного и свободного мира.

Теперь логично было бы дать ясное определение насилия, но один из принципиальных аргументов этой книги заключается в том, что насилию невозможно дать точное определение. Но я сейчас проясню ряд других часто употребляемых терминов. Слово «радикальный» я использую буквально, с целью обозначения критики, действия или личности, обращённой к источникам конкретной проблемы, а не сосредоточенной на поверхностных решениях, навязанных предубеждениями и ключевыми действующими силами. Этот термин не является синонимом «экстремального» или «экстремистского», в чём, по невежеству или умышленно, пытаются нас заверить СМИ. (На всякий случай, кстати, напомним: анархист — это не любитель хаоса, а сторонник полного освобождения мира путём изживания капитализма, правительств и всех других форм угнетающей власти, на смену которым должны прийти любые другие социальные структуры, доказанные или утопические.) С другой стороны, я использую слово «революция» не для буквального обозначения свержения правителей новой группой правителей (что сделало бы «антиавторитарную революцию» оксюмороном), но только для обозначения социального сдвига с широким трансформирующим эффектом. Я использую это слово исключительно из-за его удобных устоявшихся коннотаций и ещё потому, что более точный альтернативный термин — освобождение — неудобен при употреблении в форме прилагательного.

Вновь подчеркну принципиально важный момент: критика ненасилия в этой книге направлена не против определённых действий, далеких от насильственного поведения, таких как мирный пикет, и не направлена против отдельных активистов, решивших посвятить себя мирной работе, такой как лечение или формирование сильных местных гражданских объединений. Когда я говорю о пацифистах и поборниках ненасилия, я имею в виду только тех, кто стремится навязать свою идеологию всему движению и отговорить других активистов от воинственных форм деятельности (включая использование насилия), или тех, кто отказывается другим активистам в поддержке лишь из-за их воинственности. Аналогичным образом, идеальный революционный активист — это не тот, кто одержимо сосредоточен на сражении

с копами или тайных актах саботажа, но тот, кто принимает и поддерживает эти виды деятельности, когда они эффективны, как часть широкого спектра действий, необходимых для свержения государства и построения лучшего мира.

Хотя я сосредоточен на развенчивании пацифизма в революционной деятельности, в эту книгу я включаю цитаты пацифистов, стремящихся к умеренным реформам, наряду с цитатами людей, ставящих своей целью полную трансформацию общества. С первого взгляда может показаться, что я искажаю аргументы оппонентов, замалчивая часть из них, но я упоминаю слова и действия пацифистов-реформистов только в связи с теми кампаниями, где они тесно сотрудничали с революционными пацифистами, и когда цитируемый материал имеет отношение ко всем вовлечённым сторонам; или по отношению к социальным конфликтам, на которые ссылаются в качестве примера эффективности ненасилия при достижении революционных целей. Трудно разделить революционных и умеренных пацифистов, поскольку сами они в своей деятельности не склонны к такому разделению: они сотрудничают между собой, совместно посещают акции протеста и часто используют одинаковые тактики на одних и тех же акциях. Поскольку приверженность ненасилию, разделяемая всеми ими, и конечная революционная цель, разделяемая не всеми, становятся главными критериями для ненасильственных активистов в принятии решения, с кем из двух направлений сотрудничать, в своей критике я буду учитывать эту грань между ними.

Введение

«Как ненасилие защищает государство» отражает ситуацию в анархическом движении Восточного побережья США 2004 г. Движение столкнулось с «Войной против терроризма», продолжающейся до сих пор, и с раздуванием «Зелёной угрозы» — несколькими волнами жестоких правительственных репрессий с применением нового антитеррористического законодательства против радикальных экозащитников и анархистов — и продолжало свою борьбу в момент краха антиглобалистского и антивоенного движений. Без прочной исторической преемственности анархическое движение этого региона, лишь начиная возрождаться и будучи ещё достаточно молодым, хранило весьма смутные воспоминания о прежней истории борьбы. Что касается общества, окружавшего нас, оно и вовсе забыло об этой борьбе. В тогдашней обстановке общей амнезии и упадка царило ненасилие — то в виде самодовольного прагматизма, то как моралистическое прославление покорности.

В то время мои товарищи и я вновь открывали для себя забытые страницы истории, содержавшие коллективный опыт, способный указать путь к другим, более достойным, реалистичным и радикальным методам борьбы.

Я бы многое изменил в этой книге (почему и написал в 2013 г. некое продолжение, «Поражение ненасилия: от „Арабской весны“ к движению „Оккупай“»). В связи с личными обстоятельствами и жизненным опытом, я писал первую книгу на языке активизма, используя термины «радикалы» и «революционные активисты» (анархическая критика многих практик, сваливаемых в кучу под общим названием «активизм», тогда лишь начинала распространяться в наших краях). Слово «радикальный» я использовал буквально, с целью обозначения критики, действия или личности, обращённой к источникам конкретной проблемы, а не сосредоточенной на поверхностных решениях, навязанных предубеждениями и ключевыми действующими силами. Этот термин не является синонимом «экстремального» или «экстремистского», в чём, по невежеству или умышленно, пытаются нас заверить СМИ. С другой стороны, я использовал слово «революция» не для буквального обозначения свержения правителей новой группой правителей (что сделало бы «антиавторитарную революцию» оксюмороном), но только для обозначения социального сдвига с широким трансформирующим эффектом. Я использовал это слово исключительно из-за его удобных устоявшихся коннотаций и ещё потому, что более точный альтернативный термин — освобождение — неудобен при употреблении в форме прилагательного. И хотя в этом смысле моя терминология была неточной, тем не менее, безусловно, изложенное в книге видение революции противоположно ме-

¹ В данном случае имеются в виду люди, которые преобразуют инакомыслие, конфликтность или даже революционность в деятельность, направленную на изменение какой-то части системы, вместо её разрушения в целом. — *прим. ред.*

тодам профессиональных активистов, НКО, борцов за точечные решения и других рекуператоров¹ сопротивления.

Кроме того, исторические примеры более радикальных методов, приводимые мной, страдают от существенного ограничения. Многие анархисты тогда увязли в «обелении» и романтизации передовых групп 60-х и 70-х гг. Собственно, большинство книг о борьбе предыдущих поколений, доступных на английском языке, были сосредоточены на авторитарных левых группах, таких как «Красные бригады», «RAF», «Чёрные пантеры» или «Синоптики», и многие из нас не знали о существовании антиавторитарных течений в социальной борьбе тех лет. К счастью, в последние годы появлялось всё больше и больше свидетельств, восполняющих этот пробел.

Хочу подчеркнуть принципиально важный момент: критика ненасилия в этой книге направлена не против определённых действий, далёких от насильственного поведения, таких как мирный пикет, и не направлена против отдельных активистов, решивших посвятить себя мирной работе, такой как лечение или формирование сильных местных гражданских объединений. Когда я говорю о пацифистах и поборниках ненасилия, я имею в виду только тех, кто стремится навязать свою идеологию всему движению и отговорить других активистов от воинственных форм деятельности (включая использование насилия), или тех, кто отказывает другим активистам в поддержке лишь из-за их воинственности. Аналогичным образом, идеальный революционный активист — это не тот, кто одержимо сосредоточен на сражении с копами или тайных актах саботажа, но тот, кто принимает и поддерживает эти виды деятельности, когда они эффективны, как часть широкого спектра действий, необходимых для свержения государства и построения лучшего мира.

За девять лет, прошедших после написания мной «Как ненасилие защищает государство», широкий набор практик, единогласно позиционирующих себя как «ненасильственные», сконцентрировался вокруг сравнительно новой ненасильственной методики, адаптированной к XXI веку. Это метод, популяризованный Джином Шарпом — широко известным автором, номинированным на получение Нобелевской премии мира, чьи изыскания по ненасильственной смене режимов финансировались Министерством обороны. Методика Шарпа нашла своё яркое выражение в «цветных революциях» — «бульдозерной революции» в Сербии, «оранжевой революции» в Украине, «революции роз» в Грузии и т. д. Эти движения, направляемые СМИ и лишённые политического содержания, имеют очень мало общего с историческими кампаниями Мартина Лютера Кинга или Ганди, но, вне сомнения, они представляют собой новое лицо ненасилия. Крайне удобные для смены режима и приведения к власти новых правительств, лояльных к их спонсорам, эти движения оказались абсолютно неспособными достигнуть сколько-нибудь глубоких изменений в обществе. Ведь подобные изменения неизбежно приводят к противоречию между лидерами и низшими классами общества, интересы которых противоположны, и это является причиной насильственного конфликта, которого не найти в оптимистичных революциях Шарпа.

Если финансирование «цветных революций» правительством США само по себе недостаточно красноречиво, то недавно открывшаяся информация о том, что лидер сербского «Отпора» — организации, стоящей за «бульдозерной революцией» 2000 г., — тайно работал в зловещей разведывательной организации «Stratfor», доказывает,

что ненасилие действительно является инструментом государства. Как выразилось одно из должностных лиц «Stratfor»: лидер «Отпора» и сторонник ненасилия, «будучи верно применён, оказался мощнее ударной группы целого авианосца».

Книга «Как ненасилие защищает государство» широко осуждалась сторонниками ненасилия в США и Европе, но её отправные точки ни разу не были опровергнуты серьёзными аргументами, основанными на фактах. Пацифисты продолжают использовать всё те же формулы и ораторские приёмы, которые уже изобличались как пустые, противоречивые, ложные и даже сопряжённые с расизмом и сексизмом.

Сторонники ненасилия избегали прямых дебатов. Они обращались к средствам массовой информации, осуждая тех из нас, кто использует агрессивные методы борьбы. Они обращались к крупным корпорациям, публикуя миллионы экземпляров книг, убеждающих всех в том, что пацифизм — единственный возможный путь. Они даже обращались к полиции, подвергая нас репрессиям и арестам.

Ненасилие — рука Государства, проникшая в движение за лучший мир. Нам нужно всё яснее показывать, что ненасилие — как единственная практика — не метод борьбы, а попытка умиротворения, поддержанная теми, чья работа заключается в подавлении сопротивления. Нужно продолжать исследовать методы борьбы, признающие неизбежную реальность социального конфликта, чтобы найти эффективный баланс между всеми возможными формами участия в нём — от актов разрушения, саботажа и самозащиты до создания проектов, позволяющих нам поддерживать себя, исцелять своё сознание и общаться с остальным обществом.

I. Ненасилие неэффективно

Я мог бы долго говорить о поражениях ненасильственного подхода. Но вместо этого, возможно, было бы полезнее поговорить об успехах ненасилия. Пацифизм едва ли был бы привлекателен для его сторонников, если бы эта идеология не имела в активе ни единой победы за всю историю. Типичными примерами являются обретение Индией независимости от колониального правления Британии, прекращение гонки ядерных вооружений, движение за гражданские права 1960-х гг. и движение за мир во время войны во Вьетнаме.¹ Обширные акции протеста в 2003 г. против вторжения США в Ирак, хотя их ещё не провозгласили полной победой, вызвали бурные аплодисменты ненасильственных активистов.²

В каждой победе, о которой заявляют ненасильственные активисты, видна склонность к манипулированию историей и попыткам «обеления». Позиция пацифистов требует приписывания успеха только и исключительно пацифистским тактикам, в то время как остальные из нас верят в то, что к изменениям ведёт весь спектр тактик, доступных в любой революционной ситуации, при условии их эффективного применения. Поскольку ни один крупный социальный конфликт не универсален по своей тактической и идеологической составляющим (другими словами, все такие конфликты включают в себя как пацифистские, так и определённо насильственные тактики), пацифистам приходится стирать часть истории, противоречащую их позиции, или же, как вариант, обвинять в своих неудачах параллельно ведущую насильственную борьбу.³

В Индии, как нам говорят, народ, ведомый Ганди, за несколько десятилетий создал массовое ненасильственное движение, которое практиковало тактики протеста, несотрудничества, экономического бойкота, голодовку и акты неповиновения, чтобы британский империализм перестал работать. Они терпели массовые убийства, ответив всего несколькими бунтами, но в целом движение было ненасильственным, и, десятилетиями добиваясь своего, индийский народ получил независимость, что

¹ Этот список опубликован в статье, написанной Спрюзом Хаузером (Spruce Houser, «Domestic Anarchist Movement Increasingly Espouses Violence», Athens News, August 12, 2004), активистом за мир и самозванным анархистом. Я многократно наблюдал, как и другие пацифисты заявляют об этих мнимых победах.

² Hello NYC, «2/15: The Day the World Said No to War» (Oakland, CA: AK Press, 2003). Книга даёт почувствовать, как активисты за мир празднуют эти акции протеста.

³ Например, когда один пацифист, участвовавший в дискуссии комитета на Съезде анархистов, был вынужден признать, что движение за гражданские права не достигло победоносного завершения, он, не моргнув глазом, перевёл стрелки и обвинил в провале борьбы воинствующие освободительные движения, сказав, что, как только движение *стало* насильственным, оно начало терять поддержку. Этот аргумент игнорирует тот факт, что сопротивление рабству и расовому угнетению прибегало к насилию крайне длительный период до конца 1960-х гг., а также исключает любые попытки анализа, который, например, выявил бы связь между ростом насилия и уменьшением поддержки движения. Такой связи попросту не существует.

стало неоспоримым признаком победы пацифистов. Реальная история сложнее в том смысле, что на решение британцев отступить повлияли многие факторы силового давления, которым они подвергались. Англичане утратили возможность поддерживать колониальную власть, потеряв миллионы военных и большое количество других ресурсов в двух крайне жестоких мировых войнах, вторая из которых стала особенно опустошительной для «метрополии». Ожесточённая борьба арабских и еврейских вооружённых формирований в Палестине с 1945 по 1948 гг. привела к дополнительному ослаблению Британской империи и показала ей, как велика вероятность того, что индусы оставят гражданские протесты и в массовом порядке возьмутся за оружие, если их долго игнорировать. Нельзя сбрасывать со счетов этот фактор, повлиявший на решение англичан отказаться от прямого колониального управления.

Реальность такого поворота событий становится очевидной, если учесть, что пацифистская история индийского движения за независимость выборочна и неполна — не вся Индия склонялась к ненасилию. Сопrotивление британскому колониализму включало в себя вооружённую борьбу в достаточных масштабах, чтобы рассматривать метод Ганди как одну из нескольких конкурирующих форм народного сопротивления. Пацифисты, следуя своей неприятной универсальной методике, стирают из истории другие формы сопротивления и помогают распространять ложную историю о том, что лишь Ганди и его ученики стояли у руля индийского сопротивления и были его лицом. При этом игнорируются важные лидеры вооружённого сопротивления, такие как Чандрашекхар Азад,⁴ ведший борьбу с британскими колонизаторами, и революционеры, такие как Бхагат Сингх, получивший массовую поддержку населения благодаря организованным взрывам и убийствам, составлявшим часть борьбы за «свержение иностранного и индийского капитализма».⁵ Пацифистская история индийской борьбы за освобождение не может объяснить тот факт, что Субхас Чандра Бос, сторонник вооружённой борьбы, был дважды избран президентом Индийского национального конгресса, в 1938 и 1939 годах.⁶ Хотя Ганди был наиболее влиятельной и популярной из всех фигур индийского освободительного движения, обретенное им лидерство не всегда последовательно поддерживалось массами. Ганди потерял настолько значительную часть поддержки со стороны индийцев, призвав к «прекращению движения» после беспорядков 1922 г., что, когда англичане после этого

⁴ Чандрашекхар Азад, погибший в перестрелке с британцами, является центральным героем фильма «Последний революционер» индийского режиссёра Приядаршана (этот фильм так и не был выпущен, но существуют другие тематические фильмы об индийских революционерах: «Легенда о Бхагате Сингхе» / «The Legend of Bhagat Singh», 2002; «Цвет шафрана» / «Rang de Basanti», 2006 — прим. пер.)

⁵ Reeta Sharma, «What if Bhagat Singh Had Lived?», The Tribune of India, March 21, 2001; важно отметить, что по всей Индии люди умоляли Ганди ходатайствовать о смягчении смертного приговора, вынесенного Бхагату Сингху за убийство британского чиновника, но Ганди из стратегических соображений решил не просить об отмене смертной казни, которую, как верили многие, он вполне мог предотвратить. Так соперник-революционер был устранён с политического горизонта.

⁶ Бос ушёл со своего поста после конфликта с другими индийскими политическими лидерами, противодействовавшими ему из-за оппозиционного отношения Ганди к методам Боса, поскольку последний не поддерживал ненасилие. Более подробно о борьбе внутри индийского освободительного движения см.: Sumit Sarkar, «Modern India: 1885–1947» (New York: St. Martin's Press, 1989).

посадили его в тюрьму, в Индии не было «ни тени протеста против его ареста».⁷ Важно отметить, что история запомнила Ганди лучше других не потому, что он представлял общий голос всей Индии, а из-за внимания, уделённого ему английской прессой, и значения, которое он получил, став приглашённым на серьёзные переговоры с британским колониальным правительством. Историю пишут победители, что является одной из причин мифологической завесы, окутывающей историю индийского освободительного движения.

Статуи революционеров Бхагата Сингха, Шиварама Раджгуру и Сухдева Тапара на индийско-пакистанской границе, около Хусаинивала.

Самое печальное в заявлении пацифистов о том, что независимость Индии является победой ненасилия, — это его историческая сфабрикованность, служащая интересам расистских империалистических государств, колонизовавших Третий мир. Индийское освободительное движение проиграло. Англичанам не пришлось оставить Индию. Они предпочли трансформировать колониальное управление территорией в неоколониальное.⁸ Какая победа позволяет проигравшей стороне дикто-

⁷ Профессор Гопал К, e-mail, сентябрь 2004 г. Гопал также пишет: «У меня есть друзья в Индии, до сих пор не простившие Ганди за это».

⁸ Хотя консерватизм, свойственный любой политической элите, долгое время не давал европейским и американским государствам разглядеть это, неоколониальное правление гораздо эффективнее

вать победителям время и метод их прихода к власти? Англичане написали новую конституцию и передали власть в руки тщательно отобранных преемников. Они раздули пламя религиозного и этнического сепаратизма, чтобы Индия осталась раздроблённой, далёкой от мира и процветания, зависимой от военной помощи и другой поддержки европейских государств и США. Индия по-прежнему эксплуатируется европейскими и американскими корпорациями (хотя несколько новых индийских корпораций, по большей части дочерних, также присоединились к её разграблению) и по-прежнему предоставляет свои ресурсы и рынки империалистическим государствам.⁹ Во многих отношениях нищета её народа усилилась, а эксплуатация стала эффективнее. Независимость от колониального правления дала Индии больше автономии в ряде сфер и, безусловно, позволила горстке индийцев сесть в кресла правителей, но для широких слоёв общества степень эксплуатации и модификации только возросла. Более того, Индия потеряла реальную возможность осмысленного освобождения от легко различимого иноземного господства. Теперь на пути любого освободительного движения встанет ещё и местный капитализм, а также более развитое правительство, причём в борьбе с ними придётся соревноваться с отвлекающими от первоначальной цели проявлениями национализма и этнического/религиозного соперничества. Подытожим: освободительное движение в Индии в XX в., безусловно, проиграло.

Заявление о победе пацифизма в прекращении гонки ядерных вооружений звучит несколько странно. Опять же, движение не было полностью ненасильственным: оно включало в себя группы, ведущие партизанскую борьбу и совершившие ряд взрывов и другие акты саботажа.¹⁰ И опять-таки победа весьма сомнительна. Договоры о нераспространении ядерных вооружений, действующие во многом только на бумаге, были подписаны лишь тогда, когда гонка вооружений была уже выиграна, и США стали неоспоримым ядерным лидером с объёмом ядерного арсенала, выходящим за рамки разумного или полезного. При этом очевидно, что распространение ядерного вооружения до сих пор продолжается по мере необходимости. Сегодня это приняло форму разработки тактических ядерных боеголовок и новой волны проектирования атомных электростанций. В итоге похоже, что властям удалось свести всю проблему к своей внутренней компетенции, уйдя от парадигмы противостояния между социальным движением и правительствами. Чернобыльская катастрофа и ряд ситуаций в США, почти доведших до подобной аварии, показали, что ядерная энергия (важный компонент развития ядерного оружия) по сути стала тяжкой обузой; даже

обогащает колонизатора, чем колониальная администрация, и намного успешнее удерживает власть с тех пор, как прямой колониализм успешно добился необходимой политической и экономической реорганизации колоний. Либералов в империалистических государствах зря обвиняли в нелояльности или недостатке патриотизма за отстаивание независимости колоний — в денежном плане они как раз не прогадали. О фискальной неэффективности колониализма более подробно писали, например, Джордж Оруэлл и Хо Ши Мин (см. Ho Chi Minh, «The Failure of French Colonization», в сборнике «Ho Chi Minh on Revolution», ed. Bernard Fall (New York: Signet Books, 1967).

⁹ Неоколониальный статус Индии обширно освещается постоянно растущей массой анти- и альтерглобалистских исследований. См.: Arundhati Roy, «Power Politics» (Cambridge: South End Press, 2002) и Vandana Shiva, «Stolen Harvest» (Cambridge: South End Press, 2000).

¹⁰ В качестве примеров приведу группу «Прямое действие» в Канаде и швейцарского партизана Марко Камениша.

если правительство сосредоточено на завоевании мира, протестующему нетрудно поставить вопрос о полезности направления гигантских ресурсов на развитие ядерного вооружения, когда мы и так располагаем достаточным количеством бомб для уничтожения всей планеты, притом что все войны и тайные операции после 1945 г. велись с использованием других технологий.

Движение за гражданские права в США — один из наиболее важных эпизодов в пацифистской истории. Во всём мире люди видят в этой борьбе образец ненасильственной победы. Но, как и другие примеры, обсуждавшиеся здесь, этот не исключение: борьба не была ни победной, ни ненасильственной. Движению удалось добиться отмены сегрегации де-юре и расширить тонкую, мизерную прослойку чёрной буржуазии, но большинство участников движения хотели не только этого.¹¹ Они хотели полного политического и экономического равенства, многие также хотели освобождения чернокожих в виде чёрного национализма, конфедерации чёрных общин или какой-либо другой формы независимости от белого империализма. Ни одна из потребностей не была реализована: ни равенство, ни тем более освобождение.

Цветные по-прежнему имеют в среднем более низкие зарплаты, меньший доступ к возможности решения жилищных проблем и к медицинской помощи, и большие проблемы со здоровьем, чем белые люди. Де-факто сегрегация по-прежнему существует.¹² Политического равенства по-прежнему нет. Миллионы избирателей, в большинстве своём чернокожих, лишаются права голоса, когда это удобно интересам правящих кругов, и за весь период — от Гражданской войны и по сей день — лишь четверо чернокожих стали сенаторами.¹³ Мифические плоды обретения гражданских прав не достались и другим расам. Латинские и азиатские иммигранты особенно уязвимы для злоупотреблений полномочиями со стороны официальных лиц, депортации и отказа в социальной помощи, за которую они платят налоги. Они вынуждены идти на вредные и изнурительные работы в подпольных потогонных цехах или в качестве мигрантов-батраков в сфере сельского хозяйства. Мусульмане и арабы испытывают всю тяжесть репрессий после 11 сентября, пока общество, объявившее себя «не различающим цветов», не видит в этом никакого лицемерия. Коренные народы находятся настолько низко по социоэкономической лестнице, что остаются вообще невидимыми, кроме как во время периодических манифеста-

¹¹ См.: Robert Williams, «Negroes with Guns» (Chicago: Third World Press, 1962); Kathleen Cleaver and George Katsiaficas, «Liberation, Imagination, and the Black Panther Party» (New York: Routledge, 2001); а также: Charles Hamilton and Kwame Ture, «Black Power: The Politics of Liberation in America» (New York: Random House, 1967).

¹² «Партия чёрных пантер», «Historical Context of the Founding of the Party». В 1994 г. доктор Кеннет Кларк, психолог, чьё свидетельство было принципиальным для победы в судебном разбирательстве 1954 года между Оливером Брауном и Советом по образованию г. Топпики, заявил, что уровень сегрегации стал выше, чем был 40 лет назад. Также см.: Suzanne Goldberg, «US wealth gap grows for ethnic minorities», The Guardian (UK) October 19, 2004. Исследовательский центр Pew Hispanic Center, анализируя данные Переписи населения США, недавно обнаружил, что средняя белая семья имеет доход в 11 раз выше, чем средняя латиноамериканская семья, и в 14 раз выше, чем средняя чернокожая семья, и что разрыв в доходах продолжает расти (см. подробнее: <http://www.pewsocialtrends.org/2011/07/26/wealth-gaps-rise-to-record-highs-between-whites-blacks-hispanics>). — прим. пер.

¹³ Mick Dumke, «Running on Race», ColorLines, Fall 2004, 17–19. Эта статья была написана до избрания Барака Обамы, так что я обновил цифру.

ций американского мультикультурализма, где их ежедневную реальность заслоняет фигурка гавайской танцовщицы — символ спортивных соревнований.

Образ движения против расового угнетения, принятый в первую очередь у белых прогрессивистов, пацифистов, просветителей, историков и чиновников, выставляется ими ненасильственным. Однако, хотя пацифистские группы, такие как «Конференция южного христианского руководства» (SCLC) Мартина Лютера Кинга, имели заметную власть и влияние, народная поддержка движения, особенно среди бедных чернокожих, всё больше тяготела к воинственным революционным группам, таким как «Партия чёрных пантер».¹⁴ В соответствии с опросом общественного мнения Харриса в 1970-м году, 66% афроамериканцев сказали, что действия «Партии чёрных пантер» придают им чувство гордости, и 43% сказали, что партия представляет их собственные взгляды.¹⁵ Фактически вооружённая борьба уже долгое время была формой сопротивления чернокожих господству белой расы. Мумия Абу-Джамаль смело описывает создавшуюся ситуацию в своей книге 2004 года «Мы хотим свободы». Он говорит: «Корни вооружённого сопротивления лежат глубоко в истории афроамериканцев. Только игнорирующие этот факт считают „Партию чёрных пантер“ чем-то чуждым нашему историческому наследию».¹⁶ В реальности невозможно вычленишь и отделить ненасильственные сегменты от революционных элементов движения (хотя между ними часто существовали отчуждение и неприязнь, подогреваемые государством). Чернокожие пацифисты, принадлежащие к среднему классу, включая Кинга, получили значительную часть своего влияния благодаря различным группам чёрного сопротивления, в том числе вооружённым чёрным революционерам.¹⁷

Весной 1963 г. кампания Мартина Лютера Кинга в Бирмингеме обещала стать повторением уныло провалившейся акции в Албании, штат Джорджия (где 9 месяцев кампании гражданского неповиновения в 1961 г. продемонстрировали бессилие ненасильственно протестующих против правительства, обладавшего, казалось, бездонными тюрьмами, и где 24 июля 1962 г. бунтующая молодёжь захватила на ночь целые кварталы и вынудила полицию убраться из гетто, продемонстрировав тем самым, что после кампании 1961 г. чёрное население Албании целый год продолжало

¹⁴ «Они (движение за гражданские права и чёрное освободительное/антиколониальное движение) стремительно развивались в сторону вооружённой борьбы, от самообороны к вооружённым организациям. Антиправительственное насилие сопровождалось поддержкой и участием масс». E. Tani and Kae Sera, «False Nationalism, False Internationalism» (Chicago: A Seeds Beneath the Snow Publication, 1985), 94. Также см.: Mumia Abu-Jamal, «We Want Freedom» (Cambridge: South End Press, 2004), 32, 65.

¹⁵ Flores Alexander Forbes, «Point Number 7: We Want an Immediate End to Police Brutality and the Murder of Black People; Why I Joined the Black Panther Party», в сборнике: «Police Brutality: An Anthology», ed. Jill Nelson (New York: W. W. Norton and Company, 2000), 237.

¹⁶ Abu-Jamal, «We Want Freedom», 31.

¹⁷ «Если сдерживаемые эмоции угнетённого народа не будут выпущены ненасильственно, они найдут насильственный выход. Так дайте негру провести своё шествие... Ведь, если его разочарованиям и отчаянию позволят копиться дальше, миллионы негров обратятся за утешением и защитой к идеологиям чёрного национализма». Мартин Лютер Кинг, цит. по: Tani and Sera, «False Nationalism», 107. Мартин Лютер Кинг играл на угрозе чёрного революционного насилия как вероятном результате непринятия государством его реформистских требований, и его соратники часто с удобством ссылались на волнения, устроенные воинственными чёрными активистами, чтобы выставить лидеров чёрных пацифистов в более выгодном свете. См. особенно: Ward Churchill, «Pacifism as Pathology» (Winnipeg: Arbeiter Ring, 1998), 45.

бороться с расизмом, уже утратив вкус к ненасилию). Но вот, 7 мая, в Бирмингеме после продолжительного полицейского насилия три тысячи чернокожих решили дать сдачи, начав закидывать полицию камнями и бутылками. Всего через два дня Бирмингем — до той поры несокрушимый бастион дискриминации — согласился десегрегировать магазины в центре города и президент Кеннеди подкрепил договорённость гарантиями со стороны государства. На следующий день после взрыва белыми расистами дома и офиса, принадлежавших чёрным, тысячи чернокожих снова устроили беспорядки, захватили участок из 9 кварталов: они уничтожали полицейские машины, жгли заведения для белых, а также покалечили несколько копов (включая главного инспектора). Через месяц и один день президент Кеннеди обратился к Конгрессу для принятия Акта о гражданских правах, положившего конец стратегии нескольких предыдущих лет, направленной на удержание гражданского движения в стойле.¹⁸ Возможно, крупнейшая из ограниченных, если не пустых, побед движения за гражданские права была одержана тогда, когда чёрные продемонстрировали, что они не готовы вечно оставаться мирными. Из двух возможных вариантов белая правящая верхушка выбрала переговоры с пацифистами; результаты мы видели.

Бирмингем, штат Алабама, 1963 г.

¹⁸ Tani and Sera, «False Nationalism», 96–104. Как отмечал сам Кинг: «Грохот взрыва в Бирмингеме дошёл до самого Вашингтона».

Заявление о том, что движение за мир в США положило конец войне против Вьетнама, содержит ряд обычных ошибок. Его раскритиковали Уорд Черчилль и другие,¹⁹ так что я лишь суммирую результаты. С непростительной уверенностью в своей праведности мирные активисты игнорируют тот факт, что от 3 до 5 миллионов индокитайцев погибли в борьбе с армией США; что десятки тысяч американских военных были убиты, а сотни тысяч ранены; что остальные войска, деморализованные всей этой мясорубкой, стали крайне неэффективны и склонны к мятежу²⁰; и что США теряли политический капитал (и двигались к финансовому банкротству) с такой скоростью, что даже провоенные политики стали призывать к стратегическому отступлению (особенно после того, как Тетское наступление показало, как многие тогда выражались, «безвыигрышность» войны). Правительство США вынудили отступить не мирные протесты — оно было побеждено в политическом и военном отношении. В качестве подтверждения этого Черчилль говорит о победе республиканца Ричарда Никсона и отсутствии антивоенного кандидата со стороны Демократической партии на выборах 1968 г., почти самом пике антивоенного движения. К аргументам, показывающим бессилие движения за мир в «говорении истины царям» можно добавить и переизбрание Никсона в 1972-м, после четырёх лет эскалации конфликта и геноцида во Вьетнаме. В действительности единое движение за мир распалось при выводе американских войск (завершившемся в 1973 г.). Оно уже не так беспокоилось по поводу масштабнейшей военной кампании бомбардировок, направленной на гражданское население и усилившейся после вывода войск, его уже мало смущало и продолжение в оккупированном Южном Вьетнаме военной диктатуры, подготовленной и финансируемой США. Другими словами, движение ушло на покой (наградив Никсона переизбранием) после того, как американцы, а не вьетнамцы оказались вне опасности. Американское движение за мир не сумело принести мир. Империализм США ничуть не ослабел, и, хотя избранная военная стратегия потерпела поражение от вьетнамцев, Штаты в итоге всё же добились своих конечных политических целей именно потому, что движение за мир не сумело добиться никаких изменений у себя дома.

Чтобы спасти какую-то видимость ненасильственной победы, некоторые пацифисты указывают на огромное количество «сознательных отказников», не согласившихся воевать. Но должно быть очевидным, что увеличение числа отказников и уклонистов от призыва не оправдывает пацифистские тактики. Вероятность отказа солдат сражаться, особенно в нашем милитаристическом обществе, прямо пропорциональна их ожиданию отчаянного сопротивления противника, способного убить их или искалечить. Без ожесточённой борьбы со стороны вьетнамцев массовый призыв в США был бы не нужен, а без призыва ненасильственное сопротивление в Северной Америке, служащее собственным интересам, едва ли существовало бы. Гораздо важнее пассивных сознательных отказов были растущие мятежи в армии, особенно со стороны чёрных, латиноамериканцев и выходцев из коренных народов.

¹⁹ Ward Churchill, «Pacifism as Pathology». Также, например: Tani and Sera, «False Nationalism», гл. 6.

²⁰ Пацифист, участник дебатов на Съезде североамериканских анархистов, отвергая идею о том, что сопротивление вьетнамцев, а не движение за мир, победило США, временно перепутал свою моральную/тактическую позицию с расовой, указав, что убийство солдатами США своих офицеров также вело к завершению войны.

План, разработанный правительством США в ответ на городские волнения чёрных, призванный забрать безработных чернокожих молодых людей с улиц и поставить под ружьё, привёл к обратному эффекту.²¹

«Чиновники из Вашингтона, посещавшие военные базы, были шокированы развитием „чёрной военной культуры“... Ошеломлённое начальство смотрело, как местных (белых) офицеров-интендантов заставляют отдавать ответную честь Новым Африканцам (чёрным солдатам), показывая „жест силы“ (поднятый кулак)... Никсону приходилось как можно скорее выводить войска из Вьетнама, в противном случае он рисковал потерей армии».²²

Антивоенная демонстрация, США, 1967 г.

Фрэггинг,²³ саботаж, отказы сражаться, волнения в военных тюрьмах и помощь врагу — эта деятельность американских солдат внесла существенный вклад в решение

²¹ Tani and Sera, «False Nationalism», 124–125. «Проект 100 000» был начат в 1966 г. по предложению советника Белого дома Дэниэля Патрика Мойнихана, который, между прочим, предполагал, что безработные мужчины, предназначенные для военной службы, были «неадекватными» из-за «семейной жизни, дезорганизованной и построенной вокруг матери», в то время как Вьетнам представлял собой «мир без женщин». (Что интересно, образ сильной чернокожей женщины постепенно проникал в движение за власть чёрных.) Полковник Уильям Коул, командир военного призывного округа, сказал: «Президент Джонсон хотел забрать этих ребят с улиц».

²² Tani and Sera, «False Nationalism», 127.

²³ «Фрэггинг» — убийство командира осколочной гранатой (англ. «fragmentation grenade»), позволявшее убийце остаться анонимным, выдать случившееся за несчастный случай или списать смерть командира на боевые действия противника. — *прим. пер.*

правительства США вывести наземные войска из Вьетнама. Как заявил полковник Роберт Д. Хейнль в июне 1971 г.:

«По всем видимым признакам наша армия, находящаяся во Вьетнаме, пребывает в состоянии, приближающемся к развалу: отдельные подразделения избегают боевых действий или отказываются от них, убивают свой офицерский и сержантский состав, погрязли в наркотиках и деморализованы, а то и близки к прямому бунту. За пределами Вьетнама ситуация почти так же серьезна».²⁴

Пентагон подсчитал, что 3% из числа погибших в период с 1961 по 1972 г. во Вьетнаме офицеров и сержантского состава были убиты своими же путём фрэггинга. Эта оценка, кстати, не включает в себя убийства, совершённые холодным и ручным огнестрельным оружием. Известны случаи, когда солдаты подразделения скидывались на награду тому, кто убьёт непопулярного офицера. Мэтью Ринальди называет армейских «чёрных и латиносов из рабочего класса» главными фигурами вооружённого сопротивления, сломившего армию США во время Вьетнамской войны, и теми, кто опередил движение за гражданские права, хотя не был склонен к «тактике пацифизма любой ценой», характерной для этого движения.²⁵

Пусть и не настолько значимые, как общее сопротивление армии, взрывы на территории белых учебных заведений, включая большинство элитных университетов, и другие акты насилия, направленные против войны, также не должны игнорироваться в угоду пацифистскому «отбеливанию» истории. За 1969–1970 учебный год (с сентября по май) консервативный обозреватель насчитал 174 антивоенных взрыва на территории гражданских учебных заведений, а за их пределами не менее 70 взрывов и нападений, нацеленных в первую очередь на здания системы офицерской подготовки, правительственные здания и офисы корпораций. Кроме того, 230 акций протеста в высших учебных заведениях прошли с применением физического насилия, а в результате 410 была повреждена собственность.²⁶

Подводя итоги, можно сказать, что весьма ограниченная победа — вывод наземных войск после многих лет войны — может быть ясно отнесена к двум основным факторам: успешное и упорное сопротивление вьетнамцев, заставившее лидеров американской политики понять, что победа невозможна; и воинствующее, зачастую смертоносное, сопротивление самих наземных войск США, порождённое деморализацией — результатом как эффективного насилия со стороны врага, так и привнесения в армию воинствующего политического протеста из чёрного освободительного движения того времени. Внутреннее антивоенное движение, безусловно, заботило руководство США,²⁷ но с уверенностью можно сказать, что в целом оно не имело достаточной власти, чтобы «заставить» правительство что-либо изменить. При

²⁴ Matthew Rinaldi, «Olive-Drab Rebels: Subversion of the US Armed Forces in the Vietnam War», rev. ed. (London: Antagonism Press, 2003), 17.

²⁵ Matthew Rinaldi, «Olive-Drab Rebels: Subversion of the US Armed Forces in the Vietnam War», rev. ed. (London: Antagonism Press, 2003), 11–13.

²⁶ Tani and Sera, «False Nationalism», 117–118.

²⁷ Поучительно взглянуть, как сама элита воспринимала антивоенное движение. Ценное свидетельство исходит от министра обороны Роберта МакНамары в его документальном фильме «Fog of War: Eleven Lessons from the Life of Robert S. McNamara», снятом Эрролом Моррисом в 2003 г. МакНамара ясно выражает неудовольствие, которые испытывал из-за акций протеста, часто проводимых возле министерства, но с типичным высокомерием бюрократа заключает, что общественность знала недо-

Убийство пленного вьетконговца, Южный Вьетнам, 1968 г.

этом в любом случае его наиболее эффективные направления использовали формы протеста, сопряжённые с насилием, взрывами и повреждением собственности.

Возможно, запутавшись в собственноручно фальсифицированной истории движения за мир в период Вьетнамской войны, пацифисты США в XXI веке, стремясь остановить вторжение в Ирак, видимо, ожидали повторения победы, которой никогда не было. 15 февраля 2003 г., в тот момент, когда правительство готовилось к войне с Ираком, «протесты миллионов антивоенных активистов по всему миру в выходные дни дали резкий отпор Вашингтону и его союзникам... Невиданная волна демонстраций... спутала военные планы США». Так, по крайней мере, написано в статье на сайте ненасильственной антивоенной группы «Объединение за мир и справедливость».²⁸ Статья, ликующая «широкому проявлению пацифистских чувств», заходит настолько далеко, что в ней предполагается, будто «Белый дом... похоже, поколеблен волной сопротивления в ответ на его призывы к стремительной военной операции». Протесты были крупнейшими за всю историю; за исключением нескольких мелких потасовок, они были совершенно спокойными, и организаторы тщательно подчеркивали их массовость и мирный характер. Некоторые группы, такие как «Объединение за мир и справедливость», даже предполагали, что протесты смогут предотвратить

статочно для того, чтобы предлагать политические решения. Он считал, что тоже хочет мира, работая в качестве ведущего правительственного эксперта в интересах протестующих.

²⁸ «Millions Give Dramatic Rebuff to US War Plans», новость сайта United for Peace and Justice, изначально опубликована: «Agence France-Presse», February 16, 2003.

войну. Разумеется, они оказались совершенно неправы, а протесты — совершенно неэффективны. Вторжение произошло, как и планировалось, несмотря на то, что миллионы людей номинально, мирно и бессильно протестовали против него. Антивоенное движение ничего не сделало для того, чтобы изменить распределение власти в Соединенных Штатах. Буш получил достаточный политический капитал для вторжения в Ирак, и ему удавалось избегать негативных последствий до тех пор, пока в войне и попытках оккупации страны *из-за эффективного вооружённого сопротивления иракского народа* не проявились признаки поражения. Так называемая оппозиция на официальной политической сцене даже не сделала заявления. Единственный возражавший против войны кандидат от Демократической партии,²⁹ Деннис Кусиниш, ни на секунду не воспринимался как серьёзный соперник; позже он, как и его сторонники, оставил прежнюю высокоморальную позицию, согласившись с мнением Демократической партии, поддержавшей оккупацию Ирака.

Хрестоматийный пример для оценки степени эффективности ненасильственного протеста — участие Испании в оккупации, возглавленной США. Испания, предоставившая 1300 военных, была одним из крупнейших младших партнёров среди «международных коалиционных сил», вторгшихся в Ирак. Более миллиона испанцев протестовали против вторжения, 80% испанского населения были настроены против него,³⁰ но их стремление к миру на том и закончилось — они не сделали ничего, чтобы реально предотвратить военную поддержку Испанией вторжения и оккупации. Поскольку они остались пассивными и ничего не предприняли для того, чтобы лишить правительство власти решать за них, они оказались так же бессильны, как и граждане любой демократической страны. Испанский премьер-министр Азнар не только позволил себе вступить в войну, но и рассчитывал, по всем прогнозам, быть повторно переизбранным — так было до терактов. 11 марта 2004 г., за считанные дни до открытия избирательных участков, на пригородных вокзалах Мадрида были взорваны многочисленные бомбы, заложенные ячейкой, связанной с «Аль-Каидой», в результате чего погибли 191 человек и тысячи получили ранения. Именно из-за этого Азнар и его партия проиграли на выборах, а социалисты, основная партия с антивоенной программой, прошли во власть.³¹ Военная коалиция, возглавляемая США, лишилась 1300 военных — Испания вывела свои войска, — а вскоре понесла новые потери, когда Доминиканская республика и Гондурас также отозвали свои войска из Ирака. В то время, как миллионы мирных активистов, протестующих на улицах, как послушные овечки, нисколько не ослабили насильственную оккупацию, несколько десятков террористов, готовых убивать нонкомбатантов, смогли добиться вывода более тысячи солдат оккупационной армии.

Действия и заявления ячеек, связанных с «Аль-Каидой», не означали, что совершившие их хотят осмысленного мира в Ираке; они не столько пеклись о благополучии

²⁹ Кроме Эла Шарптона, к которому, как обычно, отнесли как к изгою.

³⁰ Sinikka Tarvainen, «Spain's Aznar Risks All for a War in Iraq», Deutsche Presse-Agentur, March 11, 2003.

³¹ Не только комментаторы почти единодушно связали смену власти с терактами, но и само испанское правительство признало влияние терактов, попытавшись скрыть причастность «Аль-Каиды» и обвиняя вместо неё басков-сепаратистов из «ЭТА». Члены правительства знали, что если теракты будут связаны в общественном понимании с участием Испании в оккупации Ирака, то они проиграют выборы. Так и произошло.

иракского народа (многих представителей которого они взорвали на части), сколько заботились об организации иракского общества в соответствии с определёнными взглядами, крайне авторитарными, патриархальными и фундаменталистскими. И, без сомнения, лёгкость принятия ими решения о том, чтобы убить и искалечить сотни безоружных людей, каким бы стратегически необходимым это действие ни казалось, связано с их авторитарностью и жестокостью, а больше всего с культурой интеллектуализма, в которой воспитаны большинство террористов (хотя это уже совсем другая тема).

Демонстрация против войны в Ираке, США.

Оценка степени моральности ситуации становится сложнее, если провести параллель с масштабными бомбардировками ВВС США, в ходе которых были намеренно убиты сотни тысяч мирных граждан Германии и Японии во время Второй мировой войны. Хотя эти бомбардировки были гораздо более жестокими, чем теракты в Мадриде, их обычно признают приемлемыми. Наблюдаемое нами противоречие между осуждением мадридских террористов (что легко) и осуждением американских пилотов, ещё сильнее запятнанных кровью (что не так легко, быть может, потому, что среди них мы можем найти своих родственников — например, моего дедушку), должно поставить перед нами вопрос, имеет ли в реальности наше осуждение терроризма что-либо общее с уважением к жизни. Поскольку мы не боремся за авторитарный мир или за мир, в котором проливают кровь в соответствии с математическими обоснованиями, теракты в Мадриде представляют собой не пример для подражания, но, скорее, важный парадокс. Кто больше заботится о человеческой жизни: люди,

придерживающиеся мирных тактик, не приведших к прекращению войны против Ирака, или мадридские террористы? В конце концов на каждые 1300 солдат оккупационных сил было убито гораздо больше мирных жителей Ирака, чем 191. Если кто-то должен умирать (и вторжение США делает эту трагедию неизбежной), то ответственность испанских граждан больше, чем иракских (так же, как ответственность граждан Германии и Японии выше, чем других жертв Второй мировой войны). До сего момента альтернатив терроризму, как способу поразить сравнительно уязвимое брюхо чудовища, чтобы существенно ослабить оккупацию, ещё не изобретено. Таким образом, единственное реальное сопротивление оккупации сейчас происходит в Ираке, где США со своими союзниками лучше всего подготовлены к борьбе с ним, стоящей многих жизней как партизанам, так и мирному населению.

О победах пацифизма сказано достаточно.

Было бы также полезно понять, насколько он бесперспективен. Противоречивым, но обязательным примером является Холокост.³² На протяжении практически всего времени «всесождения» воинствующее сопротивление почти отсутствовало, так что мы можем увидеть действенность пацифистского сопротивления, так сказать, в чистом виде, как оно есть. Пацифисты перекладывают вину за насилие власти на дерзость угнетаемых, посмеявшись предпринять прямые насильственные действия против этой власти, однако Холокост является одним из немногих феноменов, когда обращение к жертве как к виновнице того, что с ней произошло, рассматривается как поддержка или симпатия к угнетателю, поэтому редкие случаи сопротивления евреев нельзя использовать как оправдание угнетения и геноцида. Некоторые пацифисты настолько смелы, что берутся использовать такие примеры сопротивления нацистам, как гражданское неповиновение датчан, чтобы заявить, что ненасильственное сопротивление работает даже в самых худших условиях.³³ Надо ли объяснять, что датчане как представители арийской нации имели дело с несколько другим набором последствий своего сопротивления, чем основные жертвы нацистов? Холокосту был положен конец только сокрушительными насильственными действиями правительств Союзников, уничтожившими нацистское государство. (Хотя, скажем честно, они гораздо больше заботились о перекраивании карты Европы, чем о спасении жизней цыган, евреев, гомосексуалистов, левых активистов, советских военнопленных и других; а Советский Союз был склонен проводить «чистки» освобождённых военнопленных, боясь, что те, даже если и неповинны в дезертирстве или капитуляции, то уж точно идеологически запятнаны контактами с иностранцами в концлагере.)

Жертвы Холокоста, однако, не были полностью пассивны. Многие из них предпринимали действия для спасения жизней и саботажа нацистской машины смерти. Иегуда Бауэр, изучающий исключительно историю еврейских жертв Холокоста, вы-

³² Уорд Черчилль, используя пример Холокоста для демонстрации патологии пацифизма перед лицом угнетения, цитирует Рауля Хилберга / Raul Hilberg, «The Destruction of the European Jews», (Chicago: Quadrangle, 1961) и Исаяю Транка / Isaiah Trunk, «Judenrat: The Jewish Councils in Eastern Europe Under Nazi Occupation» (New York: Macmillan, 1972). Вклад Черчилля в обсуждение этой темы, который я также нашёл полезным, можно найти в: Churchill, «Pacifism as Pathology», 31–37. Он также рекомендует предисловие Бруно Беттльхейрри к изданию: Miklos Nyiszli, «Auschwitz» (New York: Fawcett Books, 1960).

³³ Пример датчан в период Холокоста был использован пацифистом-анархистом Колманом МакКарти на его семинаре «Пацифизм и анархизм» на Национальной конференции по организованному сопротивлению в Американском университете (Вашингтон) 4 февраля 2006 г.

разительно описывает это сопротивление. До самого 1942 г. «раввины и другие лидеры... советовали не братья за оружие», но они не призывали к пассивности — скорее, «сопротивление было ненасильственным».³⁴ Разумеется, такое поведение не замедлило ход геноцида и не ослабило нацистов сколько-нибудь ощутимым образом. С 1942 г. евреи начали насильственную борьбу, хотя по-прежнему сохраняется много примеров и ненасильственного сопротивления. В 1943 г. народ Дании помог большинству из восьми тысяч евреев страны бежать в нейтральную Швецию. В тот же год правительство, церковь и народ Болгарии остановили депортацию евреев из этой страны.³⁵ В обоих случаях, спасённые евреи были надёжно защищены вооружённой силой и содержались в безопасности в стране, не находящейся под прямой немецкой оккупацией, в то время когда военные перспективы нацистов стали меркнуть. (Из-за жестокой борьбы с Советами нацисты временно закрыли глаза на небольшой срыв их планов в Швеции и Болгарии.) В 1941 г. обитатели гетто в литовском Вильнюсе устроили массовую сидячую забастовку, когда нацисты и местные власти готовились их депортировать.³⁶ Этот акт гражданского неповиновения, возможно, ненадолго задержал депортацию, но не спас ни одной жизни.

Многие главы юденратов, еврейских советов, организованных Третьим Рейхом для управления гетто в соответствии с указаниями нацистов, оказывали нацистам услуги, пытаясь не раскачивать лодку и надеясь, что к концу войны выживет максимально возможное количество евреев. (Это уместный пример, поскольку сейчас многие пацифисты в США также верят, что, если ты раскачиваешь лодку или создаёшь конфликт, ты делаешь что-то плохое.³⁷) Бауэр пишет: «В конечном счёте эта стратегия провалилась, и пытавшиеся ей следовать с ужасом обнаружили, что стали соучастниками спланированного нацистами убийства».³⁸ Другие члены еврейских советов были смелее и открыто отказались сотрудничать с нацистами. Например, в польском Львове первый глава совета отказался сотрудничать, после чего был убит и заменён. Его преемники, как отмечает Бауэр, были гораздо покладистее (хотя повиновение не спасло их, поскольку всем были уготованы лагеря смерти; в рассматриваемом примере города Львова послушный преемник главы юденрата всё равно был убит, всего лишь по подозрению в сопротивлении). В польском Борщёве староста отказался повиноваться приказам нацистов и был увезён в лагерь смерти «Белжец».³⁹

³⁴ Yehuda Bauer, «They Chose Life: Jewish Resistance in the Holocaust» (New York: The American Jewish Committee, 1973) 32, 33.

³⁵ Там же, 21.

³⁶ Bauer, «They Chose Life», 36.

³⁷ Например, в информационной рассылке бывших узников совести из «Организации надзора за Школой Америк» (SOA Watch) — группы, ведущей одну из самых долгих кампаний ненасильственного гражданского неповиновения против внешней политики США, — один ветеран пацифистского движения заявил, что, если военные введут больше ограничений на протесты перед военной базой, являвшейся целью демонстраций, то значит, мы что-то делаем не так и нужно сделать шаг назад. Тот же самый человек, представляя позицию, распространённую в пацифистских кругах США, возражал против того, чтобы называть акцию протеста «маршем» вместо прогулки (заявляя тем не менее, что поддерживает наследие Кинга и Ганди).

³⁸ Bauer, «They Chose Life», 45.

³⁹ Там же, 39–40.

Другие члены советов использовали разнообразные тактики, явно оказавшиеся более эффективными. В литовском Ковно они делали вид, что выполняют приказы нацистов, тайно участвуя при этом в движении Сопротивления. Они успешно прятали детей, которых должны были депортировать, и тайно выводили молодых мужчин и женщин из гетто, чтобы те могли присоединиться к вооружённой борьбе в партизанских отрядах. Во Франции «обе секции (юденрата) принадлежали к подполью и были в постоянной связи с Сопротивлением... и внесли значительный вклад в спасение большинства выживших евреев страны».⁴⁰ Даже тогда, когда они не принимали личного участия в вооружённом сопротивлении, они приносили огромную пользу, оказывая поддержку его участникам.

Кроме того, среди евреев были участники городской герильи и партизаны, ожесточённо сражавшиеся против нацистов. В апреле-мае 1943 г. евреи в варшавском гетто восстали с тайно пронесённым, украденным и самодельным оружием в руках. Семьсот молодых мужчин и женщин сражались неделями, до смерти, связывая руки тысячам нацистских солдат и оттягивая на себя другие ресурсы, столь необходимые немцам на рушившемся в этот момент Восточном фронте. Они знали, что будут убиты независимо от того, останутся они мирными или нет. Подняв ожесточённое восстание, они прожили последние несколько недель своих жизней в свободе и сопротивлении и замедлили нацистскую военную машину. Другое вооружённое восстание произошло в гетто польского Белостока 16 августа 1943 года, и та борьба также продолжалась неделями.

Городские партизаны, такие как краковский отряд, состоявший из еврейских сионистов и коммунистов, успешно взрывали поезда с припасами и железнодорожные пути, саботировали военные фабрики и убивали представителей оккупационной администрации.⁴¹ Еврейские и другие партизанские группы в Польше, Чехословакии, Белоруссии, Украине и странах Прибалтики также проводили акты саботажа против немецких линий снабжения и уничтожали отряды СС. Как пишет Бауэр: «В восточной Польше, Литве и на западе Советского Союза не менее 15000 еврейских партизан сражались в лесах и ещё не менее 5000 безоружных евреев жили там под их постоянной или временной защитой».⁴² В Польше группа партизан под руководством братьев Бельских спасла более 1200 еврейских мужчин, женщин и детей частично путём совершения убийств тех, кто задерживал или выдавал беглецов. Аналогичные партизанские группы во Франции и Бельгии саботировали военную инфраструктуру, убивали представителей нацистской администрации и помогали людям бежать из лагерей смерти. Отряд евреев-коммунистов в Бельгии спустил с рельсов поезд, вёзший людей в Освенцим, и помог нескольким сотням из них бежать. Во время восстания в лагере смерти Собибор в октябре 1943 г. узники рабочего лагеря убили несколько нацистских офицеров и дали возможность четырёмстам из шестиста заключённых бежать.⁴³ Большинство из них были быстро перебиты, но около шестидесяти выжили и присоединились к партизанам. Через два дня после восстания лагерь Собибор был закрыт. Восстание в Трешлинке в августе 1943 г. уни-

⁴⁰ Там же, 39 (о Ковно), 41 (о Франции).

⁴¹ Bauer, «They Chose Life», 47–48.

⁴² Там же, 50.

⁴³ Там же, 52–53.

чтожило этот лагерь смерти, и он не был отстроен. Участники другого выступления в Освенциме в октябре 1944 г. уничтожили один из крематориев.⁴⁴ Все эти ожесточённые схватки замедлили Холокост. С другой стороны, ненасильственные тактики (как и правительства Союзников, чьи бомбардировщики легко могли долететь до Освенцима и других лагерей) не сумели закрыть или уничтожить ни одного лагеря смерти до самого конца войны.

Партизанский отряд евреев, возглавляемый Аббой Ковнером, 1944 г.

При Холокосте и в менее экстремальных случаях, от Индии до Бирмингема, ненасилие не смогло дать необходимые силы своим адептам, в то время как разнообразные тактики с применением насилия оказывались результативными. Проще говоря, если движение не является угрозой, оно не может изменить систему, основанную на централизованном принуждении и насилии,⁴⁵ и, если движение не осознаёт и не использует силу, делающую его угрозой, оно не может уничтожить такую систему. В современном мире правительства и корпорации имеют почти полную монополию на власть, важной частью которой является насилие. Если мы не изменим отношения,

⁴⁴ Там же, 53–54.

⁴⁵ Одним из примеров того, как простая угроза народной расправы порождает изменения, является случай с Движением американских индейцев (АИМ) в Гордоне, штат Небраска, в 1972 г. Человек из племени Оглала, Раймонд Жёлтый Гром, был убит белыми, которых полиция отказалась арестовать (что было довольно обычным делом). Его родственники, по горло сытые апатией правительства, обратились к АИМ. Тысяча триста разъярённых индейцев заполнили город Гордон на три дня, угрожая: «Сегодня мы пришли в Гордон, чтобы обеспечить справедливость для американских индейцев и вернуть Гордон»

построенные на иерархии (желательно также уничтожить инфраструктуру и культуру централизованной власти, чтобы сделать невозможным подчинение нескольких одному), то те, кто выгодно использует всепроникающее структурное насилие, те, кто сейчас контролирует войска, банки, бюрократии и корпорации, будут по-прежнему всем заправлять. Элиту нельзя уговорить воззваниями к их совести. Отдельных людей, готовых задуматься и прийти к лучшей системе ценностей, — уволят, сместят, заменят, отзовут, убьют.

Снова и снова люди, сражающиеся не за фетиш отдельной реформы, а за полное освобождение — за возврат контроля над нашими собственными жизнями и возможность самостоятельно определять свои отношения с людьми и окружающим миром, — будут убеждаться, что ненасилие не работает, что мы имеем дело с правящей структурой, упорно держащейся за власть, игнорирующей обращения к совести и достаточно сильной, чтобы перемолоть непокорных и несговорчивых. Нам нужно вернуть себе истинную историю сопротивления, чтобы понять, почему мы проигрывали в прошлом и как именно нам удавалось добиваться своих скромных успехов. Нам также нужно понять, что все виды социальной борьбы, кроме организуемых абсолютно мирным и поэтому бессильным народом, включают в себя разнообразные тактики. Осознание того, что ненасилие никогда за всю историю не приводило к победам на пути к революционным целям, открывает нам дверь для рассмотрения других важных недостатков ненасилия.

на карту... и если справедливость не придёт немедленно, мы вернёмся и согрём Гордон с карты» (Ward Churchill and Jim Vander Wall, «Agents of Repression: The FBI's Secret Wars Against the Black Panther Party and the American Indian Movement» (Cambridge: South End Press, 1990), 122.). Оба убийцы были быстро арестованы, полицейский уволен, а местные власти предприняли попытки прекращения дискриминации индейцев.

II. Ненасилие имеет расистский характер

Я не хочу обмениваться оскорблениями, поэтому использую термин «расистский» только после тщательного анализа. Ненасилие является в современном контексте изначально привилегированной позицией. Помимо того факта, что типичный пацифист, как известно, является белым представителем среднего класса, пацифизм как идеология происходит из привилегированной среды. Он игнорирует то, что насилие уже здесь, то, что насилие является неизбежной, неотъемлемой структурной частью существующей социальной иерархии, и то, что подвержены ему, в первую очередь, именно цветные. Пацифизм предполагает, что белые обыватели, не знающие нужды в удовлетворении всех своих базовых потребностей, могут советовать угнетённым, многие из которых имеют другой цвет кожи, терпеливо страдать от насилия, невыносимого для «советчиков», — до тех пор, пока Большой Белый Отец не снизойдёт до рассмотрения требований движения или пацифисты не достигнут, наконец, пресловутой «критической массы».

Цветные во внутренних колониях США не могут защищать себя от полицейского насилия или экспроприировать жизненно необходимые ресурсы, чтобы освободиться от экономического рабства. Они должны подождать, пока достаточное количество экономически привилегированных цветных («домашних рабов» в терминологии Малькольма Икса¹) и сознательных белых людей соберутся вместе, возьмутся за руки и споют песни. Тогда, как они верят, конечно же, произойдут перемены. Народы Латинской Америки должны молча страдать, как настоящие мученики, пока белые активисты в США «свидетельствуют» и пишут в Конгресс. Народ Ирака не должен сопротивляться. Только если они останутся мирным населением, их смерти будут сосчитаны и оплаканы белыми активистами движения за мир, которые когда-нибудь созовут настолько большую акцию протеста, что она остановит войну. Коренным народам нужно ещё немного подождать (скажем, ещё лет 500) под гнётом геноцида, постепенно вымирая на периферии, куда они вытеснены, до тех пор, пока... ну, правда, сейчас они не в приоритете, так что, возможно, им нужно организовать митинг-другой, чтобы привлечь внимание и сострадание власть имущих. Или, может быть, им устроить забастовку, выбрать тактику несотрудничества по рецепту Ганди? Но погодите-ка, большинство из них и так безработны, и так не сотрудничают с системой, и полностью исключены из её функционирования.

Сторонники ненасилия заявляют, что индейцы могли отбиться от Колумба, Джорджа Вашингтона и других мясников геноцида сидячими забастовками; что Бешеный

¹ См., например, Malcolm, X, «Twenty Million Black People in a Political, Economic, and Mental Prison» в «Malcolm X: The Last Speeches», ed. Bruce Perry (New York: Pathfinder, 1989), 23–54.

Конь,² используя насильственное сопротивление, стал частью цикла насилия и был «таким же плохим», как генерал Кастер.³ Ненасилие утверждает, что африканцы могли остановить работорговлю голодовками и петициями и что восставшие были ничуть не лучше захватчиков; что восстание как форма насилия вело к большему насилию и, таким образом, сопротивление вело к большему порабощению. Ненасилие отказывается понять, что оно работает только для привилегированных людей, чей статус защищён насилием, поскольку они являются виновниками насильственной иерархии и получают от неё выгоду.

Пацифисты, очевидно, догадываются, хотя бы подсознательно, что ненасилие является абсурдно привилегированной позицией, поэтому они часто манипулируют расовой проблематикой, избирательно вырывая подходящих цветных активистов из целого исторического контекста и используя их как проповедников ненасилия. Ганди и Мартин Лютер Кинг превращаются в представителей всех цветных. К их числу причисляли и Нельсона Манделу, пока до белых пацифистов не дошло, что Мандела использовал ненасилие точно и что в реальности он был вовлечён в такие виды освободительной деятельности, как взрывы и подготовка вооружённого восстания.⁴ Даже Ганди и Кинг соглашались, что необходимо поддерживать вооружённые освободительные движения (в данном случае палестинское и вьетнамское соответственно) там, где нет ненасильственной альтернативы, явно ставя цели выше конкретной тактики. Но преимущественно белые пацифисты наших дней стирают эту часть истории, создавая для себя тот образ ненасилия, который соответствует их уровню комфорта, не стесняясь при этом «примерять мантию» Кинга и Ганди.⁵

² Бешеный Конь, или Неистовый Конь (1840 или 1845–1877) — вождь племени Оглала, входившего в союз семи племён Лакота, воевал с Федеральным правительством США и нанёс ему ряд поражений. Убит в Форт-Робинсоне в 1877 г.; с 1948 г. ему возводится мемориал в штате Южная Дакота, см.: <http://crazyhorsememorial.org>. — *прим. пер.*

³ Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) — американский кавалерийский офицер, участвовал во многих кампаниях против индейцев и расправах над нонкомбатантами — *прим. пер.*

⁴ В одной моей беседе с пацифистом тот приводил в пример Манделу как образцового цветного и отказался от своих слов сразу же, как только я упомянул участие Манделы в вооружённой борьбе. Подробнее см. автобиографию Манделы: Nelson Mandela, «Long Walk to Freedom: The Autobiography of Nelson Mandela» (Boston: Little, Brown, 1995).

⁵ Jack Gilroy, e-mail, 23 января 2006 г. Этот конкретный e-mail был кульминацией довольно грязной беседы в информационной рассылке с группой белых пацифистов, во время которой участники обсуждали предлагавшийся марш в духе гражданских прав через самое сердце чёрного юга США. Один из участников предложил назвать его «прогулкой» вместо «марша», поскольку «марш» — это «агрессивная терминология». Гилрой заявил: «Да, мы примеряем мантию доктора Кинга!» Это заявление было ответом на критическое замечание чёрного активиста, что проведением такого марша (который должен был начаться в Бирмингеме или аналогичном по символическому значению городе), они присваивают наследие Кинга, что может оскорбить и оттолкнуть чёрных (с учётом того, что организация была преимущественно белой, приуменьшала расовые проблемы в своём анализе и концентрировалась на проблеме угнетения за рубежом, забывая, например, тот факт, что движение за гражданские права продолжается дома). Белый ветеран борьбы за мир ответил на критику крайне покровительственным и оскорбительным тоном, даже назвал чёрного активиста «мальчиком» и заявил, что пацифистское движение такое белое потому, что цветные «не слушали, не учили и не учились, не проповедовали со своей кафедры... не сумели присоединиться к нашему движению, чтобы принести справедливость всем людям Латинской Америки — включая миллионы цветных». Он закончил этот e-mail заверением в том, что война с несправедливостью «не имеет цветовой шкалы».

Складывается впечатление, что если бы Кинг, изменив внешность, пробрался на один из этих пацифистских митингов, его лишили бы слова. Как он подчёркивал:

«Не только среди расистов и ретроградов, но даже среди тех белых, кто считает себя „просвещёнными“, похоже, распространилась болезнь. Прежде всего, я имею в виду странное поведение советующих „погодите!“ и уверяющих в том, что они сочувствуют нашим целям, но не могут поддержать методы прямого действия, которыми мы добиваемся своих целей. Меня удивляют люди, относящиеся с непонятной отеческой покровительностью и смеющиеся чувствовать себя вправе устанавливать время для освобождения другого человека.

В последние годы, должен отметить, я ужасно разочаровался в таких „умеренных“ белых. Я склонен думать, что они являются бóльшим камнем преткновения для изменения положения негров, чем члены „Совета белых граждан“ (sic) или ку-клукс-клановцы».⁶

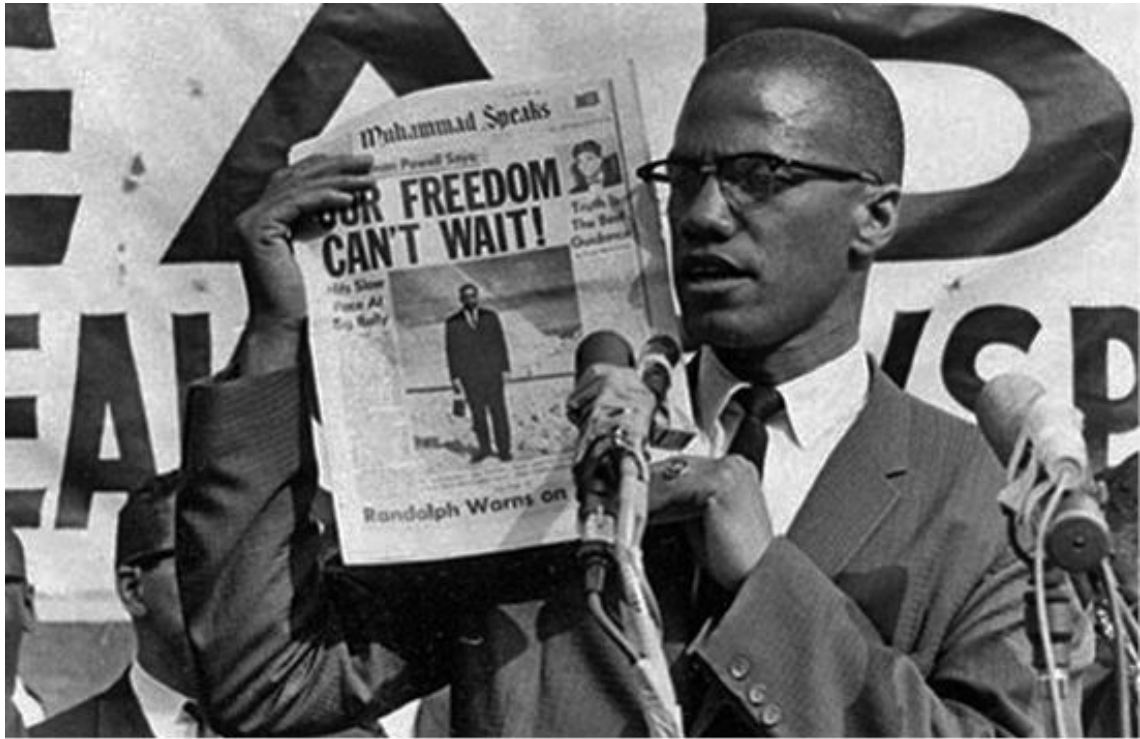
Необходимо добавить, что привилегированные белые люди сыграли ключевую роль в придании таким активистам, как Ганди и Кинг, лидерских позиций на национальном уровне. Среди белых активистов и, по неслучайному совпадению, среди расистского правящего класса «Марш на Вашингтон» эпохи борьбы за гражданские права ассоциируется прежде всего и в основном с речью Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта». Концепция Малькольма Икса, чуждая сознанию большинства белых, но имевшая, как минимум, не меньшее влияние на чёрных, прозвучала в его критике руководства марша.

«Улица была заполнена простыми людьми, это было стихийное движение. Оно до смерти напугало белого человека, напугало белую правящую структуру в Вашингтоне; я был там. Когда они поняли, что эта чёрная лавина идёт на столицу, они позвали... тех национальных негритянских лидеров, которых вы уважаете, и сказали им: „Отмените это“. Кеннеди сказал: „Слушайте, это у вас далековато зашло“. А Старина Том⁷ в ответ: „Босс, я не могу это остановить, потому что не я это начал“. Я говорю вам то, что они сказали. Они отвечали: „Я тут вообще ни при чём и уж точно не во главе всего этого“. Они говорили: „Эти негры действуют сами по себе. Они забегают впереди нас“. И старый хитрый лис ответил: „Если вы тут ни при чём, я вас выдвину. Я поставлю вас во главе этого. Я это согласую. Я буду это приветствовать...“.

Вот что они сделали с «Маршем на Вашингтон». Они присоединились к нему... стали его частью, взяли под свой контроль. И когда они подмяли его под себя, он утратил свою воинственность. Он перестал быть злым, перестал быть жарким, перестал быть бескомпромиссным. Он даже перестал быть маршем. Он стал пикником, цирком. Цирк и не более, с клоунами и всем прочим... Нет, это было предательство. Это был слив... Они так чётко всё контролировали: они говорили этим неграм, когда заходить в город, когда устанавливаться, какие знаки нести, какую песню петь, какую речь

⁶ Rev. Dr. Martin Luther King Jr., interview by Alex Haley, Playboy, January 1965.

⁷ Дядюшка Том — это имя литературного персонажа из книги Гарриет Бичер-Стоу «Хижина Дяди Тома». Стариной (Дядюшкой) Томом называют чёрных, которые не желают восставать против своих белых хозяев и делают всё, чтобы избежать наказания. В 60-е годы радикальные чёрные активисты часто называли таким образом реформистов и реакционеров.

Малькольм Икс осудил марш, назвав его «фарс на Вашингтон».

говорить можно, а какую нельзя, и наконец приказали им убраться из города до захода солнца».⁸

Конечным результатом марша стало инвестирование значительных ресурсов движения в абсолютно миролюбивое событие — и это в критически важный момент. По выражению Баярда Растина, одного из главных организаторов марша, «организация марша начинается с некрасивого предположения. Нам приходится принять как данность, что каждый участник обладает умом трёхлетнего ребенка».⁹ Демонстрантам выдали заранее сделанные таблички с лозунгами, заранее одобренными правительством; речи нескольких лидеров протеста, включая главу Студенческого координационного комитета ненасильственных действий (SNCC) Джона Льюиса, были подвергнуты предварительной цензуре, изъявшей из них угрозы вооружённой борьбы и критику правительственного закона о гражданских правах; а в конце, как и описывал Малькольм Икс, всей толпе было приказано как можно скорее убраться.

Хотя в общепринятой истории ему уделяется сравнительно мало внимания, Малькольм Икс был крайне влиятелен в среде чёрного освободительного движения, что признавалось как самим движением, так и правительственными силами, получившими задание это движение уничтожить. Во внутренней служебной записке ФБР в рамках своей «контрразведывательной программы» указывает на необходимость

⁸ Малькольм Икс, цит. по: Abu-Jamal, «We Want Freedom», 41. Другие важные наблюдения Малькольма Икса см. в George Breitman, ed., «Malcolm X Speaks» (New York: Grove Press, 1965).

⁹ Tani and Sera, «False Nationalism», 106.

Мартин Лютер Кинг на «Марше на Вашингтон».

предотвратить явление чёрного «мессии». По заявлению ФБР, именно Малькольм Икс «мог бы стать таким „мессией“; на сегодняшний день он является мучеником движения». ¹⁰ Тот факт, что Малькольм Икс был выделен ФБР как главная угроза, ставит вопрос о возможности участия государства в его убийстве; ¹¹ бесспорно, что других чёрных активистов из непацифистской среды, определённых ФБР как «особенно эффективные организаторы», планировали устранить способами, включавшими в себя убийство. ¹² В то же время Мартину Лютеру Кингу позволялись признание и влияние до тех пор, пока он не стал радикальнее, заговорил об антикапиталистической революции и стал выражать солидарность с вооружённой борьбой вьетнамцев.

Фактически, белые активисты, особенно заинтересованные в минимизации роли насильственной и вооружённой борьбы, помогают государству в убийстве Малькольма Икса и подобных революционеров. Они делают чистую половину работы, сводя на нет память о нём и стирая его из истории. ¹³ И, несмотря на свои заявления об

¹⁰ Abu-Jamal, «We Want Freedom», 262.

¹¹ Утверждения об участии правительства в убийстве Малькольма Икса убедительно представлены в книге George Breitman, Herman Porter and Baxter Smith, «The Assassination of Malcolm X» (New York: Pathfinder Press, 1976).

¹² Ward Churchill and Jim Vander Wall, «The COINTELPRO Papers: Documents from the FBI's Secret Wars Against Dissent in the United States» (Cambridge: South End Press, 1990).

¹³ Я знаю, что и сам, несмотря на свой интерес к истории и изучение углублённой программы по истории США в одной из лучших частных школ страны, после её окончания знал о Малькольме Иксе немногим более того, что он был «экстремистом» и чёрным мусульманином. Но уже в младших

абсурдно преувеличенном почитании Мартина Лютера Кинга (хотя в движении за гражданские права было вообще-то ещё несколько других людей), они похожим образом помогают убивать и его. Хотя в случае Кинга скорее используется оруэлловский метод: убить, переформулировать и поглотить. Даррен Паркер, чёрный активист и консультант низовых групп самоорганизации, чья критика помогла и моему пониманию ненасилия, пишет:

«Частота, с которой цитируют Кинга — одна из самых неприятных вещей для большинства чёрных, потому что они знают, насколько его жизнь была сосредоточена на расовой борьбе... и когда ты сам читаешь Кинга, ты удивляешься, почему места, где он критикует белых, составляющие основную часть его речей и работ, никогда не цитируются».¹⁴

Так наиболее неприятная (для белых людей) критика Кингом расизма тщательно избегается,¹⁵ а его шаблонные рекомендации по оптимистичному, ненасильственному активизму повторяются до тошноты. Это позволяет белым пацифистам путём формального ассоциирования себя с «непротиворечивым» чёрным лидером извлекать выгоду из последнего, чтобы поднять авторитет своего ненасильственного активизма и избежать осознания расизма, присущего их позиции. Пересмотр пацифистами истории с целью изъятия из неё примеров вооружённой борьбы против белого господства нельзя отделить от расизма, изначально свойственного пацифистской позиции. Невозможно заявлять о своей поддержке и, тем более, солидарности с цветными в их борьбе, когда неоспоримо важные группы, такие как «Партия чёрных пантер», «Движение американских индейцев», «Коричневые береты» и «Вьетконг», активно игнорируются в пользу гомогенной картинки антирасистской борьбы, признающей только те элементы, которые не противоречат сравнительно комфортному видению революции, предпочтительному для большинства белых радикалов. Заявления о поддержке и солидарности становятся особенно претенциозными, когда белые пацифисты разрабатывают правила приемлемых тактик и распространяют их на всё движение, отрицая важность расового и классового происхождения, а также других факторов, обуславливающих контекст.

Я не имею в виду того, что белые активисты, чтобы быть антирасистами, должны некритически поддерживать любую возникающую азиатскую, латинскую, туземную или чёрную группу сопротивления. Тем не менее идея того, что мы все являемся частью единой однородной борьбы и белые люди в сердце Империи могут указывать цветным и жителям (нео)колоний, как лучше сопротивляться, содержит евроцен-

классах я много знал о Мартине Лютере Кинге. Скажем честно, Малькольм Икс — не менее, если не более важная фигура движения за гражданские права и за освобождение чёрных, чем Кинг. За последующие годы моё политическое образование в прогрессивных белых кругах так и не смогло помочь мне избавиться от «стирающего» подхода к Малькольму Иксу и обманчивой агиографии Кинга. Только после прочтения работ чёрных активистов о важности Малькольма Икса мне удалось провести необходимую аналитическую работу.

¹⁴ Darren Parker, e-mail, 10 июля 2004 г.

¹⁵ Оцените, например, популярность следующей цитаты: «Чего не понимают эти белые, так это того, что восстающие негры поставили крест на Америке. Когда для облегчения их страданий ничего не делается, это всего лишь подтверждает убеждённость негров в том, что в Америке — безнадежно прогнившее общество». Martin Luther King Jr., «A Testament of Hope» in James Melvin Washington, ed., «A Testament of Hope: The Essential Writings of Martin Luther King, Jr.» (San Francisco; Harper & Row, 1986), 324.

тристский универсализм. Люди, которых сильнее затрагивает система угнетения, должны быть на передовой линии борьбы против этого конкретного угнетения.¹⁶ Но пацифизм снова и снова порождает организации и движения белых людей, ведущих цветных вперёд к спасению и освещающих им путь, поскольку императив ненасилия подавляет элементарное уважение, заставляющее доверять людям освободить себя самим. Каждый раз, когда белые пацифисты сталкиваются со случаем угнетения цветных и восставшие среди этих цветных не разделяют используемую концепцию ненасилия, белые активисты ставят себя в положение учителей и поводырей, создавая ситуацию, от которой отчётливо веет колониализмом. Естественно, это во многом является следствием «белизны» (результатом общественного мировоззрения, широко пропагандируемого всем людям, определяемым обществом как «белые»). Воинственные белые активисты рискуют столкнуться с аналогичными проблемами и часто сталкиваются с ними, выражая неуважение к цветным союзникам тем, что указывают им надлежащие, со своей точки зрения, ортодоксальные методы борьбы.

«Синоптики» и другие воинственные белые группы 1960-х и 70-х годов совершили ужасную ошибку, заявив о своей поддержке чёрному освободительному движению, но отказывая в любой материальной помощи отчасти из-за того, что считали себя авангардом движения, а чёрные группы — идеологическими соперниками. Другие белые организации, такие как «Движение в поддержку освобождения», использовали свою помощь для контроля над антиколониальными освободительными движениями, с которыми они, по собственным заявлениям, действовали солидарно,¹⁷ — что уже весьма напоминает работу правительственной гуманитарной организации.

Интересно, что даже среди воинственных белых активистов расизм порождает пассивность. Одной из проблем «Синоптиков» было то, что они заявляли о своей борьбе плечом к плечу с чёрными и вьетнамцами, но это было лишь позёрство: они совершали безвредные, символические взрывы и воздерживались от акций, которые могли бы подвергнуть риску их собственные жизни. Сегодня ветераны этого движения не мертвы и не заключены в тюрьмы (кроме трёх жертв случайного взрыва во время изготовления бомб, а также тех, кто оставил «Синоптиков», чтобы сражаться вместе с членами «Чёрной армии освобождения»); они ведут комфортную жизнь университетских работников и квалифицированных специалистов.¹⁸ Действия сегодняшних воинствующих белых анархистов в Северной Америке демонстрируют схожие тенденции. Многие из их наиболее шумных представителей смотрят свысока на освободительную борьбу своих современников, осуждая тех

¹⁶ Это мнение высказывалось многими людьми. Я вычитал его в Roger White, «Post Colonial Anarchism» (Oakland: Jailbreak Press, 2004). Р. Уайт в первую очередь указывает на частую тенденцию, присущую белым анархистам, избегать национально-освободительных движений за их несоответствие определённой анархистской идеологии. Эта динамика аналогична динамике пацифистского движения, которую я описываю, и обе в большей мере являются производными «белизны», нежели какой-либо конкретной идеологии. Пацифизм — камень преткновения, позволяющий белым радикалам контролировать или саботировать освободительные движения, хотя, конечно, не единственный. Книгу Р. Уайта стоит прочесть именно потому, что воинствующие белые анархисты сталкиваются со множеством тех же проблем, что и белые пацифисты.

¹⁷ Tani and Sera, «False Nationalism», 134–137.

¹⁸ Там же, 137–161.

за неанархичность вместо того, чтобы поддержать их наиболее антиавторитарные элементы. Получается, что эти закалённые (и диванные) анархисты не могут найти настоящего (и опасного) сопротивления, достойного их поддержки, продолжая заниматься воинственным позёрством и беспощадной идеологической казуистикой.

Система господства белой расы карает сопротивление цветных гораздо жёстче, чем сопротивление белых. Даже мы, белые активисты, осознавшие динамику расизма, находим трудным отказаться от предоставленной ей привилегии — гарантированной обществом безопасности. И, соответственно, те, кто бросает прямой вооружённый вызов белому господству, пугают нас. Мумия Абу-Джамаль пишет:

«Восхваления и почести борцам за освобождение чёрных конца XX в. воздали ветеранам движения за гражданские права, символом которых стал мученик — преподобный доктор Мартин Лютер Кинг. Вознесённый белыми и чёрными элитами до высоты общественной приемлемости, призыв доктора Кинга к христианскому терпению и его доктрина „подставления другой щеки“ успокаивали психику белых. Для американцев, выросших в комфорте, доктор Кинг был, прежде всего, безопасен. „Партия чёрных пантер“ была антитезой доктору Кингу.

Она не была группой активистов за гражданские права... но осуществляла человеческое право на самооборону... „Партия чёрных пантер“ вызывала у (белых) американцев множество разных чувств, но безопасность не была одним из них».¹⁹

Белые пацифисты (и даже буржуазные чёрные пацифисты) боятся полного крушения системы, основанной на господстве капитализма и белых. Они проповедуют ненасилие людям, живущим на дне расовой и экономической иерархии именно потому, что ненасилие неэффективно и любая революция, устроенная «этими людьми», при условии её ненасильственности, не сможет полностью лишить белых и богачей их привилегированных позиций. Даже то крыло ненасильственного движения, которое стремится ликвидировать государство, пытается это сделать путём его трансформации (и перевоспитания людей, находящихся у власти). Получается, что ненасилие требует попыток активистов повлиять на структуру власти, а для этого необходимо с ней контактировать; благодаря такой необходимости привилегированные люди, имеющие лучший доступ к власти, всегда сохраняют контроль над любым движением, исполняя роль привратников и посредников, позволяющих массам «говорить истину царям».

В ноябре 2003 г. активисты «Организации надзора за школой Америк» (SOA Watch) устроили дискуссию, посвящённую проблеме угнетения, на своём ежегодном пацифистском митинге перед военной базой в Форт-Беннинг (где размещается Школа Америк — школа военной подготовки, тесно связанная с нарушением гражданских прав в Латинской Америке). Организаторы дискуссии с трудом сумели заставить участников — белых представителей среднего класса (статистика показывает, что таков контингент на очевидно ненасильственном митинге), сосредоточиться на динамиках угнетения (таких как расизм, классовое неравенство, сексизм и трансфобия) внутри организации и среди активистов, связанных с антивоенной деятельностью SOA Watch. Вместо этого участники дискуссии, особенно старшие белые самопровозглашённые борцы за мир, продолжали обращаться к формам угнетения, практикуе-

¹⁹ Abu-Jamal, «We Want Freedom», 7.

мым некой внешней силой, — полицией, наблюдающей за митингом, или военными, подавляющими народ в Латинской Америке. Было очевидно, что самокритика (и самосовершенствование) нежелательны; предпочтительнее было сосредоточиться на чужих грехах, подчеркивая этим свою уязвимость (и моральное превосходство) перед силами государственной власти. В конечном счёте несколько старых цветных активистов, посетивших дискуссию, смогли привлечь внимание к проблеме расизма в среде самого движения противников Школы Америк, из-за которой оно не может рассчитывать на большую поддержку со стороны непривилегированных групп населения. Возможно, самой острой критикой замеченного ими проявления расизма стало обвинение организации в исповедуемом ей пацифизме. Речь шла о привилегированном, комфортном активизме белых пацифистов; был подвергнут резкой критике несерьёзный, развлекательный, праздничный характер протеста, его претензии на революционность и вообще на то, чтобы быть протестом.

Одна чёрная женщина была особенно возмущена случаем, произошедшим с ней, когда она садилась в автобус, едущий на митинг к Форт-Беннинг, вместе с другими активистами — противниками Школы Америк. В разговоре с белым активистом она заявила, что не поддерживает практику ненасилия. Собеседник ответил ей, что она «ошиблась автобусом» и не принадлежит к протесту. Когда я сослался на эту историю и на другую критику со стороны цветных во время дискуссии в рассылке бывших заключённых, связанных с SOA Watch (абсолютно добровольно отсидев тюремные сроки, не превышающие шести месяцев, они взяли себе гордый титул «узников совести»), одна белая пацифистка написала мне в ответ, что была удивлена, как это чёрная женщина может быть идеологически против ненасилия, несмотря на Мартина Лютера Кинга и наследие движения за гражданские права.²⁰

Прикрываясь частым и манипулятивным использованием в качестве номинальных лидеров «прирученных» цветных представителей, пацифисты следуют тактическим и идеологическим стандартам, сформулированным почти исключительно белыми теоретиками. Хотя революционному активисту не так-то просто найти у белых теоретиков что-нибудь о методах насильственной борьбы, учителя пацифизма, наоборот, по преимуществу белые (например, Дэвид Деллинджер, братья Берриганы, Джордж Лэйки, Джин Шарп, Дороти Дэй и А. Дж. Маст). Статья в поддержку пацифизма, опубликованная в подходящем для этого месте, журнале «The Nation», размахивает именем Ганди как флагом, но для обозначения чёткой стратегии цитируются в первую очередь белые учёные и активисты.²¹ Другая статья по ненасилию, рекомендованная пацифистским борцом против Школы Америк всем непацифистским активистам, сомневающимся в стратегической глубине пацифизма, опирается исключительно на белые источники.²² Книга, популярная среди пацифистов США,

²⁰ Личный e-mail автору, декабрь 2003 г.

²¹ David Cortright, «The Power of Nonviolence», The Nation, February 18, 2002. В этой статье цитируется всего одно слово Сесара Чавеса (американского правозащитника мексиканского происхождения — прим. пер.), но именно белым пацифистам поручается объяснять смысл и пути применения ненасильственных стратегий.

²² Bob Irwin and Gordon Faison, «Why Nonviolence? Introduction to Theory and Strategy», Vernal Project, 1978.

заявляет, что «Америка чаще выступала в роли учителя, чем в роли ученика ненасильственного идеала».²³

Пацифистам неплохо было бы присмотреться к цвету насилия. Когда мы говорим о беспорядках, кого мы себе представляем? Белые активисты, уничтожающие собственность в рамках гражданского неповиновения, ещё могут втиснуться в этот образ, обычно не теряя при этом защитного покроя «ненасилия». Напротив, цветные, вовлечённые в политически мотивированное уничтожение собственности, если не удерживаются в строгих рамках протеста, организованного белыми активистами, то изгоняются в мир слепого насилия — их отказываются рассматривать как активистов и признавать их сознательность.

Расизм судебной системы, важного насильственного компонента нашего общества, который, однако, пацифисты редко избирают целью своих протестов, оказал глубочайшее влияние на психику американцев. Насилие и преступление являются почти взаимозаменяемыми понятиями (представьте, насколько пацифистам комфортно использовать терминологию статической морали — например, «правосудие» — как свою собственную), и основной целью обеих концепций является возложение вины. Как преступники заслуживают подавления и наказания, так и люди, использующие насилие, заслуживают неизбежных кармических последствий — это основа позиции пацифистов. Они могут отрицать свою веру в то, что каждый заслуживает быть объектом насилия, но неизменным аргументом, обычным для пацифистов, является тот, что революционеры не должны использовать насилие, поскольку тогда у государства появится возможность «легитимизировать» насильственные репрессии. Хорошо, а против кого легитимизируются эти насильственные репрессии, и почему те, кто заявляет, что они против насилия, не пытаются их делегитимизировать? Почему ненасильственные активисты пытаются изменить общественную мораль и её взгляд на военное угнетение, но принимают мораль репрессий как естественную и неприкосновенную?

Эта идея неизбежных репрессивных последствий воинственного подхода переходит от лицемерия к прямому обвинению жертв и одобрению репрессивного насилия. Цветным, ежедневно угнетаемым полицией и системным насилием, советуют не отвечать тем же, поскольку это оправдывает насилие государства, и так уже направленное против них. Обвинение жертвы было ключевой частью пацифистского дискурса и даже стратегии в 1960-х и 70-х гг., когда многие белые активисты помогали оправдать действия государства и нейтрализовать то, что могло стать антиправительственным взрывом в ответ на жестокое подавление государством чёрного и других освободительных движений — например, убийство полицией организаторов «Пантер», Фреда Хэмптона и Марка Кларка. Вместо поддержки и помощи «Пантерам» среди белых пацифистов было модно заявление о том, что погибшие сами «спровоцировали насилие» и «сами это заслужили».²⁴

Через десятилетия, на вышеупомянутом Съезде анархистов, я заявил, что антивоенное движение США из-за своего приспособленчества к государственной власти

²³ Staughton Lynd and Alice Lynd, «Nonviolence in America: A Documentary History» (Maryknoll, New York: Orbis Books, 1995).

²⁴ Цитаты белых лидеров того времени см. в: Ward Churchill, «Pacifism as Pathology», 60–62.

должно разделить ответственность за смерть трёх миллионов вьетнамцев. Пацифист, анархист и христианский миротворец ответил на моё обвинение, заявив, что вина также лежит на (я ожидал, что он скажет просто «армии США», но нет!) Хо Ши Мине и вьетнамских лидерах из-за осуществления ими вооружённой борьбы.²⁵ (Или этот пацифист считает, что вьетнамский народ не мог сам сделать весьма популярный шаг к вооружённому сопротивлению, или же он обвиняет и народ наравне с лидерами.) Создаётся впечатление, что если бы большее количество цыган, евреев, геев и др. насильственно сопротивлялись бы Холокосту, то пацифисты сочли бы удобным возложить вину за всю катастрофу на недостаточно мирный характер сопротивления.

Проповедуя ненасилие и отдавая на расправу государству тех, кто их не слушается, белые активисты, считающие себя обеспокоенными проблемой расизма, на самом деле устанавливают патерналистические отношения и выполняют «полезную» роль успокоителей угнетённых. Желание умиротворить цветных через ненасилие сочетается со стремлением к тому, чтобы власть, основанная на господстве белых, разоружила угнетённых. Хвалёные лидеры движения за гражданские права, включая Кинга, были орудием стратегии «выстрелов и выборов», проводимой государством для изоляции и уничтожения воинственных чёрных активистов и манипулирования оставшимися, чтобы поддержать ослабленную проправительственную повестку дня, сосредоточенную вокруг регистрации избирателей. Действительно, услуги Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и Конференции южного христианского руководства были оплачены правительством.²⁶ А «Студенческий координационный комитет ненасильственных действий» сильно зависел от взносов богатых либеральных спонсоров, прекратившихся, когда он занял более воинственную позицию, что способствовало его падению.²⁷

Веком ранее одним из основных видов деятельности Ку-Клукс-Клана в годы после Гражданской войны было разоружение всего чёрного населения Юга: отбиралось любое оружие, которое можно было найти у недавно «освобождённых» чернокожих, часто это делалось при содействии полиции. Фактически, для государства Клан во многом был вспомогательной военизированной силой в беспокойные годы; Клан, как и современная полиция США, восходит своими корнями к рабовладельческим патрулям, распространённым до гражданской войны. Организация регулярно терроризировала чёрное население, всячески контролируя его, то есть осуществляла классическую политику расовой дискриминации.²⁸ Сегодня, когда расовая иерархия вне опасности, Клан ушёл в подполье, полиция сохраняет своё оружие, а белые пацифисты, считая себя союзниками чёрных, уговаривают их не вооружаться снова и подвергают остракизму тех, кто это делает.

Поколение спустя после того, как движение за гражданские права потерпело поражение, чёрное сопротивление породило хип-хоп, покупаемый и продаваемый основ-

²⁵ Art Gish, «Violence/Nonviolence» (panel discussion, North American Anarchist Conference, Athens, OH, August 13, 2004).

²⁶ Tani and Sera, «False Nationalism», 101–102.

²⁷ Belinda Robnett, «How Long? How Long? African-American Women in the Struggle for Civil Rights» (Oxford: Oxford University Press, 1997), 184–186.

²⁸ Kristian Williams, «Our Enemies in Blue» (Brooklyn: Soft Skull Press, 2004), 87.

ными двигателями массовой культуры, такими как звукозаписывающая индустрия, производители одежды и коммерческие СМИ (то есть предприятия, принадлежащие белым). Эти капиталистические культурные силы, защищённые разоружением чёрных и обогатённые их прогрессирующей зависимостью, записывают пацифистскую лирику и принижают значение произведений об (ответной) стрельбе в копов. Артисты хип-хопа, связанные с основными звукозаписывающими лейблами, по большому счёту отказываются от прославления антигосударственного насилия и заменяют его описанием более модного насилия над женщинами. Феномен ненасилия, притом что чернокожие не вооружаются и не отстаивают борьбу с полицией, по сути, отражает победу насилия прежней расистской эпохи.

Широкомасштабное межличностное насилие со стороны Клана породило существенные последствия, поддерживаемые систематическим и менее заметным полицейским насилием. В то же время культурная власть белых элит, и так полученная и сохраняемая через все мыслимые виды экономического и правительственного насилия, используется для поглощения чёрной культуры, чтобы культивировать некоторые из идеологических конструктов, изначально оправдывавших похищение, порабощение и линчевание чернокожих. При этом гнев, вызванный столетиями издевательств, выливается в циклическое насилие внутри чёрных гетто вместо того, чтобы насилию подверглись заслуживающие его власти. В динамике власти, прослеженной в этом кратком историческом очерке, как и во многих других историях расового угнетения, люди, настаивающие на ненасилии среди угнетаемых (если у них получается сыграть какую-то роль), в итоге выполняют задачу белой правящей верхушки — хотят они этого или нет.

Роберт Уильямс стал альтернативой этому замкнутому кругу. К сожалению, его история выпадает из основного нарратива школьных учебников, одобренных государством, а также изъята движением из своей собственной истории, что лишает его понимания своих корней; интересно, что об этом скажут сторонники ненасилия. Начиная с 1957 г., Роберт Уильямс вооружал отделение Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАACP) в Монро, штат Северная Каролина, для осуществления защиты от нападений Ку-Клукс-Клана и полиции. Уильямс повлиял на формирование других групп вооружённой самообороны, в том числе «Священников за защиту и справедливость», разросшейся до пятидесяти отделений по всему Югу, защищавших чёрные общины и борцов за гражданские права.²⁹ Именно эти истории обретения реальной силы белые пацифисты игнорируют или стирают.

Ненасилие в руках белых было и остаётся колониальным предприятием. Белые элиты учат туземцев, как организовывать свои экономики и правительства, а белые оппозиционеры учат туземцев, как сопротивляться. 20 апреля 2006 г. сооснователь «Еды вместо бомб» (FNB), антиавторитарной группы, преимущественно белой по составу, раздающей бесплатную еду в общественных местах через сто своих отделений (расположенных главным образом в Северной Америке, Австралии и Европе), выпустил воззвание о поддержке нового отделения FNB в Нигерии.

²⁹ Kristian Williams, «Our Enemies in Blue» (Brooklyn: Soft Skull Press, 2004), 266.

Роберт и Мейбел Уильямс.

«В этом марте сооснователь „Еды вместо бомб“ Кейт МакГенри и местный нигерийский волонтер Йинка Дада посетили людей, страдающих из-за работы нигерийских нефтеперерабатывающих заводов. Условия в регионе ужасны, и „бомбы“ едва ли смогут их улучшить. Кризис в Нигерии способствовал повышению цен на нефть до рекордных \$72 за баррель. Людей, естественно, раздражает то, что прибыли от их ресурсов обогащают иностранные компании в то время, как их собственная природа загрязняется и они живут в нищете. „Еда вместо бомб“ предлагает ненасильственное решение».³⁰

Призыв о помощи «Еды вместо бомб» осудил действия антиправительственных повстанцев из «Движения за освобождение дельты Нигера» (MEND), стремящихся к автономии местного народа Иджо и сворачиванию разрушительной нефтяной индустрии (в то время как FNB «приветствовали заявление нигерийского президента Олусегуна Обасанджо о создании новых рабочих мест в районе дельты» с нефтяных доходов). MEND похитили несколько иностранных сотрудников нефтяных компаний (американцев и европейцев), требуя прекращения правительственных репрессий и корпоративной эксплуатации (заложников отпустили невредимыми). Странно, что, осудив это похищение, «Еда вместо бомб» забыла упомянуть бомбардировку нигерийской армией под командованием президента Обасанджо нескольких деревень Иджо, которые, как считалось, поддерживают MEND. Хотя нет доказательств того, что «предлагаемое» FNB «ненасильственное решение» как-либо поможет освободить нигерийцев от эксплуатации и угнетения, которым они подвергаются, но, если бы среди нигерийцев действительно практиковалось ненасилие, это явно предотвратило бы «кризис» правительства и снова сбило цены на нефть, чего, полагаю, и нужно Северной Америке для спокойной жизни.

Перед лицом тотального угнетения со стороны системы белого господства, очевидной бесполезности политического процесса и бесстыжих попыток оппозиционной элиты эксплуатировать и контролировать гнев угнетённых нам вовсе не кажется странным или противоречивым то, что «колонизированный человек находит свободу в насилии и через насилие».³¹ Эта формулировка принадлежит Францу Фанону, доктору из Мартиники, написавшему одну из важнейших работ о борьбе против колониализма. Большинство белых имеют достаточно прав и привилегий, так что мы можем путать эти комфортабельно длинные, подбитые бархатом цепи со свободой, и поэтому комфортабельно с удобством агитируем в рамках демократического общества (рамках, составленных из насильственно установленных расовых, экономических, сексуальных и правительственных структур). Некоторые из нас заходят ещё дальше в своих ошибках, полагая, что все люди сталкиваются с одинаковыми обстоятельствами, и ожидают от цветных использования привилегий, которыми те фактически не располагают. Мы уже не говорим о стратегической необходимости атаковать государство всеми доступными нам способами, но интересно, понимают ли те из нас, кто не сталкивался с ежедневным унижением со стороны полиции, с деградацией и подчинением, каков воодушевляющий эффект от нанесения успешного ответного удара? Франц Фанон пишет о психологии колониализма и насилия

³⁰ Keith McHenry, e-mail, международная рассылка «Food Not Bombs», 20 апреля 2006 г.

³¹ Frantz Fanon, «The Wretched of the Earth» (New York: Grove Press, 1963), 86.

Повстанцы из «Движения за освобождение дельты Нигера».

в освободительной борьбе: «На уровне личности насилие (как часть освободительной борьбы) является очищающей силой. Оно освобождает туземца от комплекса неполноценности... от отчаяния и бездействия; оно делает его бесстрашным и восстанавливает самоуважение».³²

Но поборники ненасилия, происходящие из привилегированных слоёв, чей материальный и психологический комфорт гарантируется и защищается насильственным порядком, не получают в процессе развития насильственно вбитого комплекса неполноценности. Высокомерие, с которым пацифисты полагают себя вправе диктовать людям, выросшим в совсем других, куда более жестоких обстоятельствах, какие формы борьбы нравственны и эффективны, просто шокирует. Белые горожане, читающие лекции по сопротивлению детям из лагеря для беженцев Дженин или проповедующие посреди колумбийских «полей смерти», поразительно схожи, например, с экономистами Мирового банка, диктующими «хорошие» способы земледелия индийским фермерам, унаследовавшим вековые традиции возделывания земли. Вообще вполне спокойное отношение представителей привилегированного класса к системе глобального насилия заставляет сомневаться в искренности привилегированных, в данном случае белых людей, отстаивающих ненасилие. Снова процитируем Даррена Паркера: «Ненасильственного образа мыслей, как минимум, гораздо легче достигнуть, когда ты не являешься прямой мишенью несправедливости и можешь просто психологически дистанцироваться. В конце концов гораздо легче „возлюбить врага твоего“, когда это, в общем-то, не твой враг».³³

³² Frantz Fanon, «The Wretched of the Earth» (New York: Grove Press, 1963), 94.

³³ Darren Parker, e-mail, 10 июля 2004 г.

Да, цветные, бедные и жители Третьего мира практиковали ненасилие (хотя обычно такие пацифисты происходят из более привилегированных слоёв внутри их социума), но только через призму сильнеею чувства собственного превосходства белые активисты могут осуждать угнетённых, пошедших другим путём. Безусловно, вне зависимости от степени привилегированности, мы должны доверять собственному анализу ситуации, но когда этот анализ основан на сомнительной позиции морального превосходства и удобно-избирательной трактовке того, что считать насилием, то наша самокритика, скорее всего, уснёт, не справившись со своей задачей. Когда мы понимаем, что привилегированные люди извлекают материальные выгоды из эксплуатации угнетённых, а значит, нам выгодно насилие, используемое для их подавления, мы не можем искренне осуждать их за насильственное восстание против системного насилия, наделяющего нас привилегиями. (Тем, кто когда-либо осуждал насильственное сопротивление народов, выросших в более угнетённых условиях, стоит задуматься в следующий раз, когда они будут есть банан или пить чашку кофе.)

Надеюсь, всем хорошо понятно, что правительство использует более жестокие формы угнетения к сопротивляющимся цветным, чем к белым. Когда традиционалисты из племени Оглала и «Движения американских индейцев» восстали в резервации Пайн-Ридж в 1970-х гг., чтобы отстоять свою скромную независимость и объединиться против распространившейся травли со стороны навязанного им «племенного руководства», Пентагон, ФБР, Служба федеральных маршалов и Бюро по делам индейцев устроили настоящую карательную кампанию, результатом которой стали ежедневное насилие и десятки смертей. Цитируя Уорда Черчилля и Джима Вандер Уолла: «Принцип вооружённой самозащиты стал для инакомыслящих необходимым средством выживания».³⁴

Единственные проповедники ненасилия, которых мне доводилось слушать, отвергающие даже легитимность самообороны, были белыми. Хотя они и могут демонстрировать своих Оскаров Ромеро,³⁵ ни жизни их самих, ни их семьи не подвергались прямой угрозе в результате их активизма.³⁶ Мне пришлось изрядно помучиться прежде, чем я смог поверить в то, что их отвращение к насилию так же связано с их принципами, как и с их привилегиями и невежеством. Возможность людей столкнуться с необходимостью насильственного отпора для выживания (не учитывая ситуацию применения обычной самообороны) или улучшения своих жизней во многом зависит от цвета их кожи и их места в различных локальных и глобальных иерархиях угнетения. Именно это ненасилие игнорирует, относясь к насилию как к чисто моральной дилемме или к личному выбору.

³⁴ Churchill and Vander Wall, «Agents of Repression», 188.

³⁵ Оскар Ромеро (1917–1980) — архиепископ Сальвадора и правозащитник, осуждавший правящую хунту. Убит проправительственными неофашистскими боевиками. — прим. пер.

³⁶ Некоторые из наиболее убеждённых американских ненасильственных активистов подвергались пыткам и даже были убиты из-за их совместной солидарной деятельности с латиноамериканцами. Но это не то же самое, чему цветные активисты подвергаются в США, учитывая, что эти белые активисты столкнулись с насилием в ситуации, к которой стремились сами, а не в положении, навязанном внешней силой им самим, их семьям и общинам. В конце концов, гораздо легче самому иметь комплекс мученика, чем желать того же своей семье (не хочу тем самым сказать, что все эти активисты были движимы данным комплексом, хотя я действительно встречал нескольких, кто хватался за этот риск, чтобы заявлять, что подвергались угнетению, сравнимому с испытываемым цветными).

«Движение американских индейцев», события в Вундед-Ни, 1972-74 гг.

Альтернативное направление внутри пацифистского движения, внимательное к культурным различиям, позволяет привилегированным активистам допускать или даже поддерживать воинственное сопротивление в странах Третьего мира и, возможно, во внутренних колониях европейских/американских государств и призывает к ненасилию только выходцев из своей же привилегированной среды. Такая позиция представляет собой новый расизм, предполагающий, что биться и умирать должны цветные в открыто-репрессивных государствах Третьего мира, в то время как привилегированные граждане центров империй могут довольствоваться более подходящими для их условий жизни формами сопротивления, такими как митинги и сидячие забастовки.

Антирасистский анализ требует, наоборот, чтобы белые люди поняли, что насилие, от которого цветные вынуждены защищаться, берёт начало в белом «Первом мире». Поэтому адекватным сопротивлением режиму, ведущему войну против колонизованного народа на другой стороне глобуса, является перенесение войны домой: построение антиавторитарной, кооперативной и антирасистской культуры среди белых людей, нападение на институты империализма и оказание помощи угнетённым сражающимся людям без подрывания суверенитета их борьбы. Между прочим, недеспотические пацифисты, допускающие небольшой культурный релятивизм, как правило, менее склонны поддерживать вооружённую революцию, когда сражения подбираются ближе к дому. Ход их мысли примерно такой: далёкие палестинцы, например, могут участвовать в вооружённой борьбе потому, что живут под властью

насильственного режима, а вот доведённым до скотского состояния жителям соседнего городского гетто было бы «неправильно» или «безответственно» формировать партизанские отряды. Эта тенденция называется «не в моём дворе», её подпитывает признание того, что революция *там* будет восхитительной, но революция *здесь* лишит привилегированных активистов привычного нам комфорта. Здесь присутствует и латентный страх перед расовым восстанием, притихающий лишь тогда, когда им руководит туземец, исповедующий ненасилие. Марширующие чернокожие фотографичны. Чернокожие с огнестрельным оружием заставляют вспомнить кровавые криминальные репортажи из вечернего выпуска новостей. Индейцы, устраивающие пресс-конференцию, — это похвально. Индейцы, готовые, желающие и способные забрать свою землю обратно, — это уже немного тревожно. Поэтому поддержка белыми цветных революционеров на домашнем фронте, как и знание о них, ограничивается вялыми мучениками — мёртвыми и заточёнными.

Противоречием якобы революционного пацифизма является то, что революция никогда не безопасна, но большинство адептов и пропагандистов пацифизма хочет всё и сразу: остаться в безопасности, не получить травм, избежать чьего-либо отчуждения, не давать никому горького лекарства. Устанавливая связь между пацифизмом и саморепрезентацией привилегированных активистов, Уорд Черчилль цитирует пацифистского лидера времен войны во Вьетнаме, осудившего революционную тактику «Партии чёрных пантер» и «Синоптиков», потому что эти тактики были «реально опасны для нас всех... они вполне реально рискуют навлечь на всех нас такую же жестокую расправу (как проявившаяся в убийстве полицейскими Фреда Хэмптона)». ³⁷ Или процитируем Дэвида Гилберта, сидящего пожизненно за то, что, являясь одним из «Синоптиков», он поддержал «Чёрную армию освобождения»: «Белым было что защищать. Было комфортно находиться на пике морально престижного движения за перемены, когда чёрные несли основные потери за своё участие в борьбе». ³⁸

Желание пацифистами безопасности сохраняется и в наши дни. В 2003 г. ненасильственная активистка завершила газету Сиэтла в мирном характере планируемых протестов: «Я не говорю, что мы не поддержим гражданское неповиновение, — сказала Вольдт. — Это всегда было частью движения за мир, в котором участвовало духовенство, но мы не будем участвовать в повреждении собственности или в чём-либо, что создаст для нас негативные последствия». ³⁹

В другом случае, в рассылке по радикальной кампании за окружающую среду 2004 г., студент юридического факультета и активист, призвав к открытому обсуждению планируемых тактик, уговаривал прекратить упоминание непацифистских методов и требовал строгого следования ненасилию на основании того, что непацифистские группы «уничтожаются». ⁴⁰ Другая активистка (по совпадению тоже студент юридического факультета) согласилась, добавив: «Я считаю, что обсуждать в этой

³⁷ Churchill, «Pacifism as Pathology», 60–61.

³⁸ David Gilbert, «No Surrender: Writings from an Anti-Imperialist Political Prisoner» (Montreal: Abraham Guillen Press, 2004), 22–23.

³⁹ Элис Вольдт, цит. в: Chris McGann, «Peace Movement Could Find Itself Fighting Over Tactics», Seattle Post-Intelligencer, February 21, 2003.

⁴⁰ E-mail автору, октябрь 2004 г. Тот же самый активист отечески переписал историю чёрного

рассылке насильственные тактики — игра с огнём, ставящая всех под угрозу». Она также выражала дополнительную обеспокоенность: «Нам двоим скоро предстоит отчитываться перед закрытым комитетом по этике Адвокатской палаты».⁴¹

Конечно, сторонники воинственного подхода должны понимать, что осторожность очень нужна при обсуждении тактик, особенно по электронной почте, и что перед нами стоит трудная задача организации поддержки для действий, за которые нас, вероятно, затаскают по судам или посадят, даже если мы не идём дальше обсуждений. Но в данном примере два студента-юриста не говорили, что группе следует обсуждать только легальные или гипотетические тактики — они заявляли, что группа должна обсуждать только ненасильственные тактики. Поскольку дискуссия была начата для того, чтобы помочь группе создать общую идеологическую позицию, то этот их призыв можно считать манипулятивным способом использования угрозы правительственных репрессий для того, чтобы не дать всем участникам даже рассматривать что-либо, кроме явно ненасильственной философии.

Из-за сильной заинтересованности белых в предотвращении восстаний у себя во дворе и существует длительная история предательства белыми пацифистами революционных групп, осуждения их и оставления на расправу государственному насилию. Вместо того, чтобы «заслонить собой», защитить активистов чёрного, латиноамериканского и краснокожего освободительных движений (защита, которую их привилегии вполне могли бы предоставить, поскольку правительству обошлось бы слишком дорого убийство влиятельных белых людей на фоне всего недовольства, вызванного тяжкими потерями во Вьетнаме), сознательные пацифисты игнорировали жестокое обращение, заключение и убийства, которым подвергались «Чёрные пантеры», активисты «Движения американских индейцев» и другие. Хуже того, они поощряли государственные репрессии и заявляли, что революционеры заслужили это своим участием в воинственном сопротивлении. (Сегодня же они заявляют, что полное поражение этого революционного движения, нанесённое ему с помощью пацифистов, доказывает неэффективность его тактик.) Легендарный пацифист Дэвид Деллинджер признаёт, что «один из факторов, благодаря которому серьёзные революционеры и разочарованные жители гетто не рассматривают пацифизм как пригодный метод борьбы, это склонность пацифистов в моменты конфликта вставать на сторону статуса-кво».⁴² Дэвид Гилберт заключает, что «неспособность развить солидарность с чёрным и другими освободительными движениями в США (индейцами, мексиканцами, пуэрториканцами) является одним из нескольких факторов, из-за которых наше движение развалилось в середине 70-х».⁴³ Мумия Абу-Джамаль

освобождения, заявив, что «Чёрные пантеры» не были сторонниками насилия. В том же самом письме он процитировал «Искусство войны» Сунь Цзы, чтобы усилить свою позицию, придав себе тактической искушённости. Сомнительно, что Сунь Цзы согласился бы с использованием своих теорий в качестве аргумента за эффективность пацифизма.

⁴¹ E-mail автору, октябрь 2004 г.

⁴² David Dellinger, «The Black Rebellions» в: «Revolutionary Nonviolence: Essays by David Dellinger» (New York: Anchor, 1971), 207. В том же эссе Деллинджер признаёт, что «бывают случаи, когда те, кто сам действует ненасильственно, должны стать неохотными союзниками или критическими приверженцами тех, кто прибегает к насилию».

⁴³ Gilbert, «No Surrender», 23.

ставит вопрос о том, были ли белые радикалы «действительно готовы вступить в революцию, не придававшую исключительного значения белизне?».⁴⁴

На первый взгляд ненасилие выглядит ясной моральной позицией, мало связанной с расой. Эта позиция основана на упрощённом предположении, что насилие прежде всего и в основном является чем-то, что мы выбираем. Но какие народы в нашем мире имеют привилегию выбирать насилие, а какие живут среди насилия, хотя бы они того или нет? В целом ненасилие является привилегированной практикой, происходящей из опыта белых людей, и не всегда имеет смысл для людей, лишённых белых привилегий, или для белых людей, стремящихся разрушить систему привилегий и угнетения.

Многие цветные также использовали ненасилие, которое в определённых обстоятельствах эффективно позволяло оставаться невредимыми перед лицом жестокой дискриминации, стремясь к ограниченным реформам, принципиально не меняющим распределение власти в обществе. Использование цветными ненасилия обычно было компромиссом с системой белого господства. Понимая, что система белого господства предпочитает, чтобы угнетённые избегали насилия, некоторые народы избрали ненасильственные тактики, чтобы избежать крайних репрессий, массовых убийств и даже геноцида.

Движения цветных, мирно преследующие революционные цели, склонны к использованию ненасилия в не столь рафинированном виде, в каком оно сохраняется в современной Северной Америке, а, скорее, в более вызывающих и опасных формах. Но даже в этих движениях практика ненасилия часто спонсируется белыми, стоящими у власти,⁴⁵ используется белыми правозащитниками или правительственными чиновниками для манипулирования движением ради собственного комфорта и обычно в итоге отвергается большей частью низовых групп в пользу более воинственных тактик. Использование ненасилия для сохранения белых привилегий внутри движения или общества в целом на сегодня остаётся обычной практикой.

Мы видим, что ненасилие тесно связано с динамиками расы и власти. Расовый аспект принципиален для накопленного опыта угнетения и сопротивления. Предположение, что европейцы или европейские поселенцы на других континентах знали, что лучше для народов, которые они считали «менее цивилизованными», является устойчивым компонентом расизма. Люди, сражающиеся против расиз-

⁴⁴ Abu-Jamal, «We Want Freedom», 76.

⁴⁵ Белинда Робнетт указывает, что радикализация ранее ненасильственных групп, таких как SNCC, и принятие ими идеологии власти чёрных, «привели к прекращению жертвований от либеральных спонсоров (вероятно, в основном белых)». Эта потеря основного финансирования способствовала падению организации (Robnett, «How Long?», 184–186). Робнетт тем не менее уравнивает отказ от ненасилия с мачизмом. Демонстрируя свой академический статус (профессор социологии в системе Университета Калифорнии), она размывает черту между оплаченными ФБР провокаторами, проповедовавшими в движении сексизм (например, Роним Каренгой), и легитимными активистами, отстаивавшими радикализацию, а также другими легитимными активистами, которые действительно путали воинственность с мачизмом. Она также упоминает, что Анджела Дэвис жаловалась на обвинения со стороны чёрных воинствующих националистов в том, что она «делает мужскую работу» (Robnett, «How Long?», 183), но забывает упомянуть, что Дэвис была крайне влиятельна в отстаивании вооружённой борьбы. Робнетт также, похоже, забыла упомянуть, насколько сложна ситуация, когда группы с такой радикальной повесткой дня, как расовое равенство, не имеют финансовой независимости и вынуждены опираться на поддержку федерального правительства и белых спонсоров.

ма, должны безошибочно покончить с этой традицией и осознать, что принцип, дающий каждому обществу возможность определять свою форму сопротивления, оставляет позади любые приоритеты, отданные пацифизму. Более того, тот факт, что значительная часть насилия, которому подвергаются цветные по всему миру, берёт начало в структуре власти, дающей белым привилегии, должен подстегнуть белых людей к тому, чтобы расширить границы приемлемого уровня воинственности в своём обществе. Другими словами, для тех из нас, кто имеет белый цвет кожи, становится обязанностью построение собственной воинственной культуры сопротивления, и, в противовес роли учителя, которую белые люди исторически сами себе назначили, нам предстоит многому научиться у борьбы цветных. Белым радикалам следует объяснять другим белым людям, почему цветные имеют право насильственно восставать и почему нам тоже нужно использовать все варианты тактик для своего освобождения, и бороться в солидарности со всеми, кто отказался от места лакеев или рабов элиты, чтобы покончить с глобальными системами угнетения и эксплуатации.

III. Ненасилие этакично

Говоря прямо, ненасилие обеспечивает монополию государства на насилие. Государства — централизованные бюрократии, защищающие капитализм, охраняющие строй, основанный на превосходстве белых и патриархате, и претворяющие в жизнь империалистическую экспансию, — существуют за счёт присвоения им роли единственного легитимного поставщика грубой силы на своей территории. Любая борьба с угнетением делает конфликт с государством неизбежным. Пацифисты выполняют работу государства, заранее успокаивая оппозицию.¹ Государства, со своей стороны, подавляют воинственный подход внутри оппозиции и поощряют пассивность.

Некоторые пацифисты прикрывают эти отношения, заявляя, что правительство было бы счастливо, если бы они отказались от своей мирной доктрины и предались насилию, что правительство даже поощряет насилие со стороны оппозиции и что многие активисты, ратующие за насилие, на самом деле, правительственные провокаторы.² Поэтому, уверяют они, именно воинственные активисты играют на руку государству. Хотя в некоторых случаях правительство США действительно использовало внедрённых агентов, чтобы побудить группы сопротивления тайно хранить оружие или планировать насильственные действия (например, в случае с «Молли Магвайрс»³ и с попыткой захвата здания суда Джонатаном Джексон⁴), нужно сделать

¹ 9 февраля 2006 г. член ненасильственной «Организации надзора за Школой Америк» (поддерживаемой членами различных групп, от прогрессистов до анархистов) предложил в почтовой рассылке, что, поскольку полиция в последние годы агрессивнее реагирует на ежегодные демонстрации перед Форт-Беннинг в Джорджии, организации следует перенести демонстрацию в какое-нибудь общественное место подальше от военной базы, чтобы избежать конфронтации. Он написал: «Несмотря на происходящую поляризацию, на мой взгляд, мирной кампании пора переоценить свои тактики. В основе миротворчества лежат отношения. Позиция „Мы“ и „Они“ в конечном счёте может привести к войне. Понятие „Мы все“ имеет больший шанс привести к подлежащим возможному обсуждению (ненасильственным) решениям и может в итоге привести к культуре мира».

² Недавний пример: на акциях протеста против съезда «Партии республиканцев» в 2004 г. тысячи активистов раздавали листовки, заявляющие, что любой сторонник насилия, скорее всего, агент полиции.

³ «Молли Магвайрс» (штат Пенсильвания, США) — тайная организация угольных рабочих, преимущественно выходцев из Ирландии, существовавшая в XIX в. Активно участвовала в местном профсоюзном и стачечном движении 1870-х гг. На основании показаний детектива из частного агентства Алана Пинкертон, внедрённого по заказу владельца рудников и железнодорожного магната Франклина Гоуэна, была обвинена в террористической деятельности и убийствах. Сам Гоуэн лично выступал на суде в качестве государственного обвинителя. По приговору суда в 1877–1879 гг. 19 лидеров рабочего движения были повешены. — *прим. пер.*

⁴ Churchill and Vander Wall «Agents of Repression», 64–77, 94–99. В случае с Джонатаном Джексон, похоже, ФБР и полиция организовали целый заговор с целью убийства наиболее радикальных «пантер» Калифорнии. Они организовали захват заложников в здании суда округа Марин, поскольку имели наготове большую команду снайперов, готовых нейтрализовать захватчиков. Но «отказ проглотить наживку» (используем эту фразу, ведь якобы все сторонники силовой борьбы являются провокаторами) никого не спас. Агент ФБР Уильям О’Нил уговаривал иллинойских «Пантер», в ряды которых он

принципиальное различие. Правительство поощряет насилие только тогда, когда уверено, что насилие удастся сдержать и оно не выйдет из-под контроля. В конечном счёте, провокация группы вооружённого сопротивления на преждевременные действия или завлечение её в ловушку лишает её потенциала насилия, гарантируя её членам пожизненные сроки или позволяя властям обойти судебный процесс и убить радикалов, не допуская до суда. В большинстве же случаев, власти умиротворяют население и отговаривают его от насильственного восстания.

Этому есть очевидная причина. Вопреки бесосновательным заявлениям пацифистов, будто, отказываясь от полного разнообразия тактик, они якобы получают некую особенную силу, правительства повсеместно понимают, что ничем не сдержанный революционный активизм гораздо больше угрожает изменить распределение власти в обществе. Хотя государство всегда оставляет за собой право репрессировать всех, кого захочет, современные «демократические» правительства относятся к ненасильственным социальным движениям с революционными целями скорее как к потенциальной, чем как к реальной угрозе. Они шпионят за такими движениями, чтобы быть в курсе их развития, используя метод «кнута и пряника», чтобы направить их в полностью мирное, легальное и неэффективное русло. Ненасильственные группы могут подвергаться избиениям, но не становятся мишенью для уничтожения (разве что со стороны регрессивных правительств, а также режимов, находящихся в шатком положении, угрожающем их стабильности).

С другой стороны, государство относится к воинственным группам (тем самым, которые пацифисты находят неэффективными) как к действительной угрозе и пытается нейтрализовать их тщательно организованными карательными операциями из арсенала гражданских войн. Сотни профсоюзных деятелей, анархистов, коммунистов и вооружённых крестьян были убиты в антикапиталистической борьбе конца XIX — начала XX вв. Во время освободительной борьбы последнего поколения поддержанные ФБР вооружённые формирования убили шестьдесят активистов и сторонников «Движения американских индейцев» только в резервации Пайн-Ридж, при этом ФБР, местная полиция и платные агенты убили десятки членов «Партии чёрных пантер», «Республики Новая Африка», «Чёрной армии освобождения» и других групп.⁵

В эпоху «Контрразведывательной программы» (COINTELPRO) для инфильтрации и уничтожения вооружённых революционных организаций были мобилизованы огромные ресурсы. Любой намёк на организацию насильственной борьбы со стороны пуэрториканцев и других народов, колонизованных США, по-прежнему влечёт за собой жестокие репрессии. До 11 сентября ФБР называло саботажников и поджигателей из «Фронта освобождения Земли» (ELF) и «Фронта освобождения животных» (ALF) величайшими внутренними террористическими угрозами, несмотря на то, что обе эти группы убили ровно ноль человек. Даже после взрывов самолётов, направлен-

внедрился, принять участие в таких диких планах, как кража нервно-паралитического газа или захват самолёта для бомбардировки здания мэрии. Когда они отказались, ФБР это не остановило, и лидер «Пантер» Фред Хэмптон всё равно был ими убит.

⁵ Две хорошие книги о репрессиях в рамках «Контрразведывательной программы» (COINTELPRO): «Agents of Repression» Черчилля и Вандер Уолла и «We Want Freedom» Абу-Джамала. Об аналогичных репрессиях США за рубежом см.: William Blum «Killing Hope: US Military and CIA Interventions since World War II» (Monroe, Maine: Common Courage Press, 1995).

Мемориал «Молли Магвайрс», штат Пенсильвания, США.

ных на Всемирный торговый центр и Пентагон, ELF и ALF остались приоритетными целями для правительственных репрессий. Это видно из арестов более дюжины лиц, которым вменяют членство в ELF/ALF, согласия многих из них стать доносчиками после того, как один из них умер от подозрительного самоубийства, а остальным угрожали пожизненными сроками, и ареста нескольких членов другой группы борцов за права животных за их агрессивный бойкот компании, прибегающей к вивисекции, — что правительство назвало «терроризмом в отношении животноводческой отрасли».⁶ И, когда левое движение было шокировано тем, что полиция и военные шпионили за мирными группами, гораздо меньшее внимание было уделено продолжающимся репрессиям правительства по отношению к освободительному движению пуэрториканцев, включая убийство ФБР лидера «Мачетерос» Филиберто Охеда Риоса.⁷

Но необязательно судить о мнениях и приоритетах государственного аппарата безопасности по действиям его агентов. Можно положиться на их собственные слова. Документы ФБР по «COINTELPRO», ставшие достоянием гласности только потому, что некоторые активисты в 1971 г. проникли в офис ФБР в Пенсильвании и украли их, ясно показывают, что приоритетной целью ФБР является сохранение пассивности возможных революционеров. В число пяти целей, поставленных в отношении чёрных националистов и групп освободительной борьбы в 1960-е гг., ФБР включает следующую:

«Предотвращать насилие со стороны чёрных националистических групп. Это представляет особую важность и, безусловно, является целью нашей разведывательной деятельности; это также должно быть целью контрразведывательной программы (в терминологии документа данная фраза относится к конкретной операции, одной из тех, что проводились тысячами, а не к общей программе). Контрразведывательная

⁶ Репрессии против ELF, прозванные «Зелёной угрозой», и арест активистов движения «Остановите жестокость к животным в Хантингдоне» (SHAC) были широко освещены в радикальных и экозащитных СМИ. См., например: Brian Evans «Two ELF Members Plead Guilty to 2001 Arson», Asheville Global Report, no.404 (October 12, 2006); и «The SHAC 7», <http://www.shac7.com/case.htm>

⁷ Поиск 3 мая 2006 г. по архивам двух сайтов левых независимых СМИ мирного характера, «Common Dreams» и «AlterNet», обнаружили предсказуемую диспропорцию. Я искал по двум фразам: «Thomas Merton Center» и «Filiberto Ojeda Rios». Первый раз, когда я искал «Центр мира и справедливости Томаса Мертона», ставший мишенью сравнительно неагрессивной кампании ФБР по наблюдению за мирными группами, что выяснилось в расследовании «Американского объединения за гражданские права» (ACLU) в начале 2006 г., я наткнулся на 23 статьи на ресурсе «Common Dreams» и на 5 — на «AlterNet». Поиск по имени Филиберто Охеда Риоса, бывшего лидера «Мачетерос», группы, входящей в движение за независимость Пуэрто-Рико, убитого ФБР 23 сентября 2005 г., вывел одну статью на «Common Dreams» и ноль — на «AlterNet». Хотя на континенте это почти никого не встревожило, десятки тысяч пуэрториканцев прошли маршем в Сан-Хуане, протестуя против этого убийства. Эти два сайта содержали гораздо меньше статей по волне жестоких рейдов ФБР против активистов за независимость Пуэрто-Рико, проведённых в феврале 2006 г., чем по опубликованной в тот же период информации, что ФБР Техаса шпионило за преимущественно белой группой «Еда вместо бомб» в рамках своей контртеррористической деятельности. Освещение слежки за белыми пацифистами см. в: «Punished for Pacifism», Democracy Now, Pacifica Radio, March 15, 2006. Освещение убийства, совершённого сотрудниками ФБР, и последующих рейдов в Пуэрто-Рико см. в новостях за 30 сентября 2005 г. и 28 февраля 2006 г. на сайте SignalFire. Оба события были освещены by Indymedia Puerto Rico (напр., CMI-PR, «Fuerza Bruta Imperialista Allana Hogar de Compañera, Militantes Boricuas le Dan lo Suyo», Indymedia Puerto Rico, February 10, 2006).

работа должна дать возможность установления и нейтрализации потенциальных нарушителей общественного порядка до того, как они осуществят свой потенциал насилия».⁸

Определяя смысл успешной «нейтрализации», в других документах ФБР использует этот термин в отношении активистов, которые были убиты, посажены, подставлены, дискредитированы или затравлены до такой степени, что перестали быть политически активны. Эта инструкция также упоминает важность предотвращения явления чёрного «мессии». Самодовольно отметив, что Малькольм Икс мог выполнить эту роль, но вместо этого стал мучеником движения, инструкция называет трёх чёрных лидеров, имеющих потенциал для того, чтобы стать таким мессией. Один из трёх «может стать вполне реальным претендентом на эту позицию, если отбросит свою предположительную „покорность“ по отношению к „белым либеральным доктринам“ (ненасилию)» (скобки употреблены в оригинале). Инструкция также объясняет необходимость продолжения дискредитации воинственных чёрных в глазах «ответственной части негров» и «белого общества». Из этого видно, как государство полагается на автоматическое осуждение пацифистами насилия, а также то, как пацифисты эффективно делают грязную работу государства, отказываясь использовать своё культурное влияние, чтобы сделать «респектабельной» воинственную борьбу с тиранией. Вместо этого пацифисты заявляют, что воинственность отталкивает людей, и ничего не делают для противодействия этому феномену.

Другая инструкция ФБР, посвящённая уже Джону Труделлу, активисту «Движения американских индейцев», показывает понимание со стороны государственной тайной полиции: пацифисты являются маловажной разновидностью оппозиции, пока не представляющей угрозы установленному порядку. «Труделл способен, встретив группу пацифистов, за короткий срок убедить их, соглашаясь с ним, кричать: „Точно!“ . Говоря кратко, он очень эффективный агитатор».⁹

Правительство постоянно демонстрирует тот неувидительный факт, что оно предпочитает иметь дело с мирной оппозицией. Гораздо более поздняя памятка ФБР, направленная местным правоохранительным органам по всей стране и затем «слитая» журналистам, ясно показывает, кого правительство идентифицирует как экстремистов и ставит приоритетными целями для нейтрализации.

«На 25 октября 2003 г. в Вашингтоне и Сан-Франциско назначены массовые марши и митинги против оккупации Ирака... Существует возможность того, что элементы активистского сообщества могут предпринять попытки совершения насильственных, разрушительных или подрывных действий...

Традиционные тактики демонстраций, которыми протестующие привлекают внимание к волнующей проблеме, включают в себя марши, транспаранты и формы *пассивного* (выделено мной — прим. авт.) сопротивления, такие как сидячие забастовки. Экстремистские элементы могут применять более агрессивные тактики, которые могут включать в себя вандализм, физическое оскорбление делегатов, прорывы, формирование живых цепей или заслонов, импровизированные баррикады, устрой-

⁸ Abu-Jamal, «We Want Freedom», 262–263.

⁹ Churchill and Vander Wall, «Agents of Repression», 364.

ства, мешающие действиям конной полиции, и использование оружия — такого, как метательные снаряды и самодельные бомбы».¹⁰

Основная часть памятки сосредоточена на этих «экстремистских элементах», ясно определённых как активисты, использующие широкий спектр тактик, и чётко противопоставленных активистам-пацифистам, которые не характеризуются как серьёзная угроза. Если верить памятке, экстремисты обладают следующими характерными чертами:

«Экстремисты могут быть готовы к самозащите против сил правопорядка в ходе демонстрации. Ими могут использоваться маски (противогазы, очки, шарфы, плавательные маски, респираторы и солнечные очки) для минимизации эффекта от слезоточивого газа и перцовых аэрозолей, а также для сокрытия своей идентичности. Экстремисты могут также использовать щиты (крышки от урн, листы оргстекла, автомобильные диски и т. д.) и средства защиты тела (одежда в несколько слоёв, каски и шлемы, спортивная экипировка, спасательные жилеты и т. д.) для самозащиты в ходе маршей. Активисты могут также использовать техники запугивания, такие как видеосъёмка и окружение сотрудников полиции, чтобы помешать аресту других демонстрантов.

После демонстраций активисты, как правило, избегают сотрудничества с силами правопорядка. Они редко носят с собой удостоверение личности и часто отказываются выдавать информацию о себе и других протестующих...

Силы правопорядка должны знать об этих возможных признаках протестной активности и сообщать о любых потенциально противоправных действиях в ближайшую Объединённую группу ФБР по борьбе с терроризмом».¹¹

Как жаль, что безусловным признаком «экстремиста» является готовность защищаться от нападения полиции. Насколько пацифисты ответственны за создание такой ситуации? В любом случае, отрекаясь от активистов, использующих различные тактики, и даже выдавая их властям, пацифисты делают таких «экстремистов» уязвимыми для репрессий, которые полицейские учреждения, безусловно, стремятся к ним применять.

Как будто жестокого подавления непокорных недостаточно для того, чтобы отвратить оппозицию от насильственного сопротивления и заставить её использовать ненасилие, правительство привносит пацифизм в освободительные движения и более прямыми путями. Через два года после вторжения в Ирак армия США попала на том, что снова вмешалась в деятельность иракских СМИ (прежнее вмешательство включало в себя бомбардировки недружественных СМИ, выпуск дезинформации и создание совершенно новых арабоязычных медиа-организаций, таких как Аль-Хурия, руководимых Министерством обороны в рамках его пропагандистской деятельности). На сей раз Пентагон оплачивал размещение в иракских газетах статей, взывающих к единству (против повстанцев) и ненасилию.¹² Статьи были написаны от лица иракцев с целью сдержать вооружённое сопротивление и склонить ирак-

¹⁰ Федеральное бюро расследований, FBI Intelligence Bulletin No. 89 (October 15, 2003). Доступно онлайн: <http://www.signalfire.org/resources/FBImemo.pdf>

¹¹ Там же.

¹² Greg White, «US Military Planting Stories in Iraqi Newspapers», Asheville Global Report, no. 360 (December 7, 2005).

цев путём манипулирования к дипломатическим методам ведения оппозиционной борьбы, которые будет легче кооптировать и контролировать.

Избирательное использование Пентагоном пацифизма в Ираке может иносказательно поведать нам о более глубоких корнях ненасилия. А именно: оно порождено государством. Покорённое население приучают к ненасилию через его связь с правящей верхушкой, объявившей монополию на право использовать насилие. Суть явления — в принятии обессиленными людьми навязанного им государством убеждения, что массы должны быть лишены естественной возможности прямого действия, включая их склонность к самообороне и использованию силы, иначе они скатятся к хаосу, циклу насилия, взаимному мучению и угнетению. Отсюда безопасность правительства и свобода рабства. Только народ, приученный к тому, чтобы терпеть насильственное управление властной иерархией, может вообще ставить под сомнение чьё-либо право и необходимость силой защищаться от угнетения. Пацифизм также является формой заученной беспомощности, через которую протестующие сохраняют расположение государства, показывая, что не присваивают себе монополизированных им прав (таких как самозащита). В этом смысле пацифист ведёт себя, как хорошо дрессированный пёс, которого бьёт хозяин: вместо того, чтобы укусить бьющего, он опускает хвост, выражая свою безвредность и покоряясь ударам в надежде, что они кончатся.

Франц Фанон более прямо описывает происхождение и функцию ненасилия в процессе деколонизации:

«Колонизаторская буржуазия вводит новую идею, которая, правильнее говоря, заключает в себе рождение колониальной ситуации: ненасилие. В своей простейшей форме это ненасилие сигнализирует интеллектуальной и экономической элите колонизованной страны, что у буржуазии те же интересы, что и у них... Ненасилие является попыткой решить колониальную проблему вокруг стола „за зелёным сукном“, пока не случилось чего-нибудь неприятного... пока не пролилась кровь. Но если массы, не дожидаясь, пока вокруг стола с зелёным сукном будут расставлены стулья, прислушаются к собственному голосу и начнут учинять насилие и жечь здания, вы сразу же увидите, как элита и националистические буржуазные партии побегут к колониалистам, чтобы объявить: „Это очень серьёзно! Мы не знаем, чем это кончится; давайте найдём решение, какой-нибудь компромисс“».¹³

Конформизм к насилию со стороны государства, в сочетании с шоком от «буйности» насильственного восстания, убеждает пацифистов в том, что ради защиты нужно положиться на государственное насилие. Так организаторы-пацифисты освобождают полицию от «кодексов ненасилия», обычных на современных митингах; они не пытаются лишить оружия полицию, защищающую сторонников мира от разъярённых провоенных контр-демонстрантов. Пацифистская мораль на практике убеждает радикалов в том, что для собственной безопасности им лучше положиться на правительственное насилие, чем защищаться самим. Вполне очевидны причины, по которым власти хотят, чтобы радикалы оставались уязвимыми. Но зачем это нужно пацифистам? Ведь нельзя сказать, что у сторонников ненасилия было мало возможностей увидеть, что происходит с радикалами, когда они остаются беззащитными.

¹³ Fanon, «The Wretched of the Earth», 61–62.

Возьмём в качестве примера митинг против белого господства, организованный в 1979 г. в Гринсборо, штат Северная Каролина.

Объединение чёрных и белых рабочих, профсоюзных деятелей и коммунистов, исходя из предположения, что для лучшего обеспечения мира надо разоружиться и оставить полиции монополию в области насилия, согласились не брать с собой на митинг оружие для самообороны. Результатом стало событие, известное как «бойня в Гринсборо». Полиция и ФБР сговорились с местным «Кланом» и «Нацистской партией», которые атаковали демонстрантов, когда те полагались на защиту полиции. Когда в нужный момент полиция отсутствовала, приверженцы идеи господства белых напали на марш, подстрелив 13 человек (и убив пять из них). Когда полиция вновь появилась на сцене, то она избивала и арестовывала несколько протестующих, отпустив расистов-бандитов.¹⁴ В хаосе любой революционной ситуации правые вооружённые формирования, такие как «Ку-Клукс-Клан», более чем счастливы уничтожать радикалов. «Американский легион» недавно объявил «войну» антивоенному движению.¹⁵ История линчевания этой организацией анархистских профсоюзных деятелей указывает на методы, которые они станут использовать при угрозе их любимому флагу.¹⁶

Спор между пацифизмом и использованием широкого спектра тактик (включающего в себя самозащиту и контратаку) может решиться, если сегодняшнее антиавторитарное движение когда-либо разовьётся до той стадии, при которой начнёт представлять угрозу, — тогда полицейские организации раздадут свои «чёрные списки» и правые вооружённые формирования будут линчевать всех «предателей», до которых смогут дотянуться. Эта ситуация уже случалась в прошлом, особенно заметной она была в 1920-х гг., и, в меньшей степени, — в ответ на движение за гражданские права. Остаётся только надеяться, что если наше движение снова станет угрозой режиму, то на тот момент лишь самая меньшая часть из нас будет связана идеологией, делающей нас опасно уязвимыми.

Несмотря на историю репрессий, сторонники ненасилия часто доверяются органам государственного насилия не только для защиты себя, но и для достижения своих целей. Даже если такое доверие не всегда ведёт к явным катастрофам, подобным бойне в Гринсборо, это всё равно не может оправдать ненасильственную позицию. Пацифисты, заявляющие, что избегают насилия, помогали десегрегации школ и университетов по всему югу США, но в конечном счёте именно вооружённые отряды Национальной гвардии позволили первым чёрным учащимся войти в эти школы и защитили их от насильственных попыток изгнания. Если пацифисты не могут защитить собственные достижения, что они будут делать, когда не смогут располагать организованным насилием полиции и Национальной гвардии? (Кстати, интересно, а

¹⁴ William Cran, «88 Seconds in Greensboro», Frontline, PBS, January 24, 1983.

¹⁵ «American Legion Declares War on Peace Movement» Democracy Now, Pacifica Radio, August 25, 2005. На национальном съезде «Американского легиона» в 2005 г. организация, насчитывающая три миллиона человек, проголосовала за использование любых мер, необходимых для прекращения «общественных протестов» и обеспечения «согласованной поддержки» населения США в «Войне с терроризмом».

¹⁶ Во время и после Первой мировой войны «Американский легион» как вооружённое формирование играл важную роль, помогая правительству репрессировать антивоенных активистов и профсоюзных деятелей, в частности, «Индустриальных рабочих мира» (IWW — Industrial Workers of the World). В 1919 г. в Сентрейлии, штат Вашингтон, они кастрировали и линчевали Уэсли Эвереста из IWW.

Афиша Марша памяти членов рабочей коммунистической партии, убитых Ку-Клукс-Кланом 3 ноября 1979 г. в Гринсборо.

запомнили бы пацифисты десегрегацию как поражение ненасилия, если бы чёрным семьям пришлось прибегнуть к «Священникам за защиту» вместо Национальной гвардии, чтобы защитить своих детей при входе в эти школы «только для белых»?) Десегрегация учреждений была удобна правящей структуре, основанной на белом господстве, поскольку это разрядило кризис, увеличило возможности для кооптации чёрного руководства и стимулировало экономику, — и всё это удалось сделать без устранения расовой иерархии, столь фундаментальной для американского общества. Итак, для помощи в десегрегации университетов была призвана Национальная гвардия. Но не так сложно представить себе набор революционных целей, на защиту которых Национальная гвардия не встанет никогда.

Белые пацифисты, протестующие против милитаризма США, никогда не смогут добиться того, чтобы полиция или Национальная гвардия хотя бы обеспечивали соблюдение закона — изъяв оружие, запрещённое конвенциями, или закрыв военные школы, учащие солдат техникам пыток. Правительство же по-прежнему имеет свои выгоды, потому что позволяет проводить эти бесполезные демонстрации. Разрешение ненасильственного протеста улучшает имидж государства. Вольно или невольно, ненасильственные протестующие играют роль лояльной оппозиции в спектакле, драматизирующем инакомыслие и создающем иллюзию того, что демократическое правительство не является элитистским и авторитарным. Пацифисты выставляют государство милостивым, давая власти шанс потерпеть критику, на самом деле не представляющую угрозы продолжению её функционирования. Живописный, сознательный, пассивный протест перед военной базой только улучшает PR-имидж армии, ведь, конечно, только справедливая и гуманная армия будет терпеть акцию протеста перед своими воротами. Такой протест похож на цветок, засунутый в дуло винтовки. Он не лишает винтовку возможности стрелять.

Чего пацифисты никак не могут понять, так это того, что гласность не даёт нам власти и она не равна свободе. Гласность является привилегией,¹⁷ которая может быть — и бывает — отнята правительством, когда ему это выгодно. Государство имеет неоспоримую власть отнимать наши «права», и история регулярно демонстрирует примеры использования этой власти.¹⁸ Даже в повседневной жизни, если мы пытаемся говорить всё, что хотим, боссам, судьям и полицейским и не оказываемся раболепно-близки к ним, честность и свободный язык влекут за собой тяжёлые последствия. В ситуациях социальной нестабильности, ограничения на «свободу слова» становятся ещё более определёнными. Взгляните на аресты активистов, вы-

¹⁷ Glenn Thrush, «Protest a „Privilege“, Mayor Bloomberg Says» NY Newsday, August 17, 2004, <http://www.unitedforpeace.org> (статья удалена — прим. пер.). Комментируя протесты против съезда «Партии республиканцев» в 2004 г. в Нью-Йорке, мэр Блумберг назвал свободу слова привилегией, которой можно лишать в случае злоупотребления. Есть множество других примеров аналогичной прямоты чиновников и целая история эпизодов лишения правительством свободы слова и других гражданских и человеческих прав, когда они мешают гладкому осуществлению воли власть предержащих.

¹⁸ Речь идёт, в частности, о законодательных ограничениях «свободы слова» — от «Законов об иностранцах и о крамоле» в XVIII в. до «Закона о борьбе со шпионской деятельностью» времен Первой мировой войны; и о праве государства, в частности, губернаторов и президента, вводить военное положение; и о полномочиях Федерального агентства и других аналогичных учреждений по управлению страной в чрезвычайной обстановке; и о деятельности, проводимой ФБР по своему усмотрению, такой как наблюдение и нейтрализация, в рамках «Контрразведывательной программы» или «Патриотического акта».

Демонстрация «Оккупай Окланд», США.

ступавших во время Первой мировой войны против призыва в армию, и на людей, которых арестовали в 2004 г. за то, что они держали протестные транспаранты на мероприятиях, где выступал Буш. «Свобода слова» свободна только до тех пор, пока не является угрозой и не связана с возможностью вызова системе. Максимальной свободой слова за всю свою жизнь я пользовался в «спецблоке» (одиночной камере максимальной безопасности) федеральной тюрьмы. Я мог кричать и вопить всё, что хотел, даже ругаться на охранников, и (кроме случаев, когда мне удалось найти особенно креативный способ разозлить их) они меня не трогали. Какая им разница: стены были каменными, а мои слова оставались всего лишь сотрясанием воздуха.

Сотрудничество, которое возможно только с мирными протестующими, помогает гуманизировать политиков, ответственных за чудовищные деяния. На массовых акциях протеста против общего съезда «Республиканской партии» в 2004 г. мэр Нью-Йорка Блумберг выдал специальные значки ненасильственным активистам, объявившим, что они будут вести себя мирно.¹⁹ Блумберг заработал политические очки, представ модным и гибким, хотя его администрация принимала крутые меры против несогласных в течение недели протестов. Пацифисты получили дополнительный бонус: любой, носящий этот значок, получал скидки на десятки бродвейских шоу, в отелях, музеях и ресторанах (подчеркивая тем самым, насколько пассивный парад ненасилия встроен в систему как стимул экономики и оплот существующего порядка). Как выразился мэр Блумберг: «Скучно протестовать на пустой желудок».

Так протесты против съезда республиканцев в Нью-Йорке недалеко ушли от обычного развлечения — развлечения для студентов колледжей, представителей «Партии демократов» и активистов «Партии зелёных», разгуливавших с умными табличками рука об руку с близкими им «просвещёнными» прогрессистами. В течение предшествующих недель (системными левыми и полицией) были предприняты огромные усилия в попытках отчуждения и исключения более воинственных активистов. Кто-то, располагающий немалыми ресурсами, распространял в выходные перед съездом тысячи брошюр, идиотски заявляющих, что насилие — скажем, беспорядки — улучшит имидж Буша (хотя на самом деле, беспорядки, хотя и не помогли бы «Партии демократов», но омрачили бы образ Буша как лидера и «объединителя»). Брошюра также предупреждала, что любой, отстаивающий агрессивные тактики, скорее всего — агент полиции. Марш закончился, и люди рассеялись в самом изолированном и наименее конфронтационном из всех возможных мест в городе, наполненном зданиями, представляющими государство и капитал, — на «Большом лугу» Центрального парка (другие протестующие, что симптоматично, сбились на «Овечьем лугу»). Танцы и праздник длились до глубокой ночи, сопровождаясь такими просветлёнными мантрами, как «Мы прекрасны!».

Затем, на той же неделе, «Марш бедных» был многократно атакован полицией, проводившей целенаправленные аресты активистов, одетых в маски или отказывающихся от обыска. Участники марша договорились действовать ненасильственно, поскольку в марше участвовало много таких людей, как иммигранты и цветные, за которых организаторы марша проявляли нарочитое беспокойство по причине

¹⁹ Jennifer Steinhauer, «Just Keep It Peaceful, Protesters; New York Is Offering Discounts», New York Times, August 18, 2004.

Протесты во время съезда «Республиканской партии», Нью-Йорк, 2004 г.

их большей уязвимости перед полицией. Но когда активисты — мирно — окружали сотрудников полиции, пытаясь не допустить происходящих задержаний, от них требовали двигаться дальше, игнорируя аресты участников марша, причём «миротворцы» и полиция кричали толпе одинаковые сообщения («Двигайтесь дальше!», «Следуйте по маршруту!»). Естественно, все попытки примирения и деэскалации провалились: полиция проявила столько насилия, сколько хотела.

На следующий день Джамаль Холидэй, чёрный житель Нью-Йорка из среды малообеспеченных людей, был арестован за самооборону, названную «нападением»; он защищался от детектива из «Полицейского управления Нью-Йорка», одетого в штатское, одного из тех, кто въехал на своих мопедах в никого не провоцирующую мирную толпу на «Марше бедных», травмировав несколько человек (в том числе, переехав мою ногу). Это случилось в конце митинга, когда многие участники марша, включая предположительно «уязвимых», были крайне раздражены пассивностью лидеров марша и продолжавшимся насилием полиции. В какой-то момент толпа протестующих, атакованная полицией, начала орать на организатора, который кричал на них в мегафон, чтобы они отошли от полиции (отходить было некуда), потому что они «провоцируют» копов. Реакция на арест Холидэя показывает лицемерие, ставящее право государства на насилие выше элементарного права людей на самозащиту. Те же самые пацифистские элементы движения, поднявшие вонь из-за массового ареста полицией мирных протестующих 31 августа (день, отведенный для протестов в стиле гражданского неповиновения), молчали и не поддерживали Холидэя, когда

его жестоко выволакивали из толпы представители карательной системы. Видимо, для пацифистов защита обвиняемого в насилии активиста от гораздо большего насилия слишком близка к размыванию их принципиальной борьбы с насилием.

Ненасильственные активисты не останавливаются на поощрении государственного насилия своим молчанием: они часто и громко оправдывают его. Пацифисты-организаторы не пропускают ни одной возможности объявить запрет на «насилие» в рамках своих протестов, поскольку такое насилие «оправдает» репрессии со стороны полиции, которая изображается безупречной, нейтрально настроенной и неизбежной участницей событий. Типичным примером являются протесты против саммита ВТО в Сиэтле в 1999 г. Хотя насилие полиции (в данном случае, применение пыток к мирным протестующим, блокирующим место саммита) предшествовало «насильственному» уничтожению собственности «чёрным блоком», все, от пацифистов до корпоративных СМИ, обвиняли в бесчинствах полиции «чёрный блок». Возможно, главным огорчением оказалось то, что децентрализованные, неиерархически организованные анархисты вытеснили из центра внимания крупнобюджетные НПО, которым нужна атмосфера авторитетности для дальнейшего сбора денег. Последние официально объявляли, что насилие протестующих демонизировало всё движение, хотя даже президент Билл Клинтон объявил в Сиэтле, что за все беспорядки ответственно только буйное маргинальное меньшинство.²⁰ На самом деле, насилие в Сиэтле заинтриговало и привлекло к движению больше новых людей, чем спокойный характер любых последующих массовых мероприятий. Корпоративные СМИ не объяснили (и никогда не будут объяснять) мотивы активистов, но насилие — зримое выражение страсти и гнева, воинственной решимости в мире, который иначе остаётся абсурдным, — побудило тысячи людей самим изучить причины происшедшего. Вот почему Сиэтлу исторически неверно приписывают «начало» или «рождение» антиглобалистского движения.

Ещё одним примером действий пацифистов, оправдывающих ненасилие, является статья в журнале «The Nation». Автор жалуется, что насилие в Сиэтле и Генуе (где итальянские полицейские застрелили протестующего) «создало негативные медийные образы и предоставило оправдание ещё худшим репрессиям».²¹

Здесь я на минуту должен отвлечься, чтобы указать, что государство не пассивно. Если оно хочет подвергнуть движение или организацию репрессиям, оно не ждёт предлога, а фабрикует его. «Движение американских индейцев» (АИМ) не было насильственной организацией — подавляющее большинство его тактик были мирными, — но его члены не ограничивали себя ненасилием; они практиковали, зачастую успешно, вооружённую самооборону и захват правительственных зданий. Чтобы «оправдать» репрессии против АИМ, ФБР сфабриковало «Послания Воинов-Псов», выданные за официальные письма АИМ, в которых обсуждался вопрос создания террористических отрядов с целью убийства туристов, фермеров и правительственных чиновников.²² Эти письма были частью общей дезинформационной компании ФБР, сыгравшей ключевую роль в том, чтобы без последствий (для правительства)

²⁰ Allan Dowd, «New Protests as Time Runs Out for WTO», The Herald (Glasgow), December 3, 1999, 14.

²¹ Cortright, «The Power of Nonviolence». Я столкнулся с ксерокопией этой статьи, распространяемой и прославляемой пацифистом, который называет себя анархистом.

²² Churchill and Vander Wall «Agents of Repression», 281–284.

посадить по фальшивым обвинениям и убить несколько активистов и сторонников АИМ. О таких кампаниях ФБР говорит: «Для обоснования обвинения несущественно, реальны ли факты... Разрушение (через СМИ) может быть проведено без обосновывающих его фактов».²³ Если в глазах правительства несущественно, совершала или не совершала насилие организация, которая, как они считают, угрожает статусу-кво, почему тогда сторонники ненасилия продолжают настаивать, что правда освободит их?

Ранее упомянутая статья в «Nation» требует от всего движения жёсткого следования тактике ненасилия, критикуя отказ другой пацифистской организации открыто осудить активистов, использующих широкий спектр тактик. Автор скорбит: «Конечно, невозможно контролировать действия каждого принимающего участие в демонстрации, но более активные усилия по обеспечению (sic) ненасилия и предотвращению деструктивного поведения возможны и необходимы. Приверженности ненасилию на 95% недостаточно». Вне всякого сомнения, «более активная» приверженность ненасилию означает, что лидеры активистов должны чаще использовать полицию как силу, водворяющую мир (путём ареста «нарушителей спокойствия»). Эта тактика, безусловно, уже не раз применялась пацифистами. Впервые на акции протеста на меня набросились не полицейские, а волонтер по поддержанию мира, пытавшийся вытеснить меня на край тротуара. В тот момент я с несколькими другими людьми удерживал перекрёсток, чтобы не дать полиции разделить марш и, в потенциале, провести массовый арест меньшей его части. Примечательно, что моё сопротивление лёгким попыткам волонтера оттеснить меня обратило на меня внимание полиции, наблюдавшей за работой своих заместителей, и мне пришлось нырнуть обратно в толпу, чтобы избежать ареста или большей опасности.

Кто-нибудь может представить себе революционных активистов, заявляющих, что им нужно активнее действовать, чтобы каждый участник мероприятия ударил копа или швырнул в витрину кирпич? Напротив, большинство анархистов и других воинственных активистов из кожи вон лезут, сотрудничая с пацифистами и обеспечивая на общих демонстрациях «безопасное место» для людей, избегающих конфронтации, боящихся жестокости полиции или особенно уязвимых для легальных санкций. Пацифизм идёт рука об руку с попытками централизовать и контролировать движение. Этот концепт изначально авторитарен и несовместим с анархизмом, поскольку лишает людей права на самоопределение в направлении своей борьбы.²⁴ Склонность пацифистов полагаться на централизацию и контроль (с руководством, способным предпринять «активные усилия» для «предотвращения деструктивного поведения»)

²³ Там же, 285.

²⁴ Некоторые могут возразить, что революционное движение, не уважающее женщин или расистское, не может использовать право на самоопределение как оправдание. Очевидные контраргументы: а) приравнивание самозащиты к мизогинии или расизму едва ли выдерживает какую-либо моральную критику, и б) рассмотрение насилия как аморальной, добровольно выбранной деятельности является намеренным упрощением и неточностью. Покоряться жестокости угнетения по крайней мере так же противно, как и убивать своих угнетателей (если наша мораль требует, чтобы мы считали противным убийство поработителей), и привилегированные пацифисты получают выгоды от жестокости угнетения, из-за чего являются его соучастниками. Поэтому претензия пацифистов на справедливое осуждение насилия угнетённых, с которыми они в противном случае объединились бы, — глупость и лицемерие одновременно.

работает на проводников воли государства внутри движения, консервирует иерархические структуры и оберегает их для посредничества в переговорах с государством (а также в репрессиях).

История показывает, что, если у движения нет лидера, государство его изобретает. Государство жестоко ликвидировало антииерархические профсоюзы начала XX в., одновременно склонив к переговорам, возвысив и купив руководство иерархических профсоюзов. Колониальные режимы назначали «вождей» безгосударственным обществам, у которых их раньше не было, для введения политического контроля в Африке или заключения обманных договоров в Северной Америке. Социальные движения, лишённые руководства, крайне трудно репрессировать. Тенденции пацифизма к переговорам и централизации облегчают усилия государства по манипулированию мятежными социальными движениями и их кооптации; они также облегчают для государства задачу подавления движения в случае необходимости.

Но видение пацифистами социальных изменений исходит из привилегированной позиции, в которой полноценные репрессии со стороны государства не являются реальной угрозой. Эссе по стратегии ненасилия, которое очень рекомендовали знаковые пацифисты, включает в себя диаграмму. Ненасильственные активисты слева, их оппоненты, видимо, реакционеры, справа, а неопределившиеся третьи стороны находятся посередине.²⁵ Все три сегмента равномерно расположены вокруг явно нейтральной, «принимающей решения» власти. Это предельно наивный и привилегированный взгляд на демократическое правительство, в котором все решения принимаются большинством и где, в худшем случае, практикуется ограниченное насилие, и только из соображений упорного консерватизма и нежелания менять статус-кво. Диаграмма предполагает общество без расовой и классовой иерархии; без привилегированных, властных и жестоких элит; без корпоративных СМИ, контролируемых интересами государства и капитала, готовых редактировать мнение граждан. Такого общества, как на этой диаграмме, не существует среди индустриальных капиталистических демократий.

В такой модели социальной власти, революция является поучительной пьесой, кампанией по разъяснительной работе, которую можно выиграть «способностью страдать с честью (например, студенты в борьбе с сегрегацией сидят в буфете „только для белых“, терпя вербальные и физические нападения), чтобы привлечь сострадание и политическую поддержку».²⁶ Прежде всего, эта модель предполагает восприятие государства как чего-то удивительно доброжелательного, что странно соответствует тому, каким государство представляет само себя в школьных учебниках по правоведению. В этой картинке правительство является нейтральным и пассивным институтом, принимающим решения под давлением общественности. Оно выглядит в лучшем случае честным, а в худшем — находящимся в тисках культуры консерватизма и невежества. Но ни в коей мере не структурно направленным на подавление. Во-вторых, эта схема моделирует поведение пацифистов как оказание давления и переговоры с принимающей решения властью, которая, на самом деле, сознательно связана собственными интересами, готова нарушить любой неудобный

²⁵ Irwin and Faison, «Why Nonviolence?», 7, 9.

²⁶ Cortright, «The Power of Nonviolence».

закон, ей же ранее установленный, а также структурно интегрирована в системы подавления и угнетения, от которых она зависит и которые, прежде всего, и вызвали к жизни социальное движение.

Современные правительства, долго изучавшие методы социального контроля, уже не рассматривают спокойствие как стандартное состояние общества, прерываемое только внешними раздражителями. Теперь они понимают, что естественным состоянием мира (как я бы добавил, созданного ими мира) является конфликт: восстание против их правления неизбежно и постоянно.²⁷ Управление государством стало искусством постоянного улаживания конфликта. Пока восставшие продолжают нести оливковые ветви и наивно смотреть на борьбу, государство знает, что оно в безопасности. Но те же самые правительства, чьи представители проводят вежливые беседы с сознательными голодовщиками (или грубо отклоняют их требования), постоянно шпионят за оппозицией. И они учат своих агентов антипартизанским карательным операциям — методам войны, позаимствованным из войн на уничтожение, которые велись для подчинения мятежных колоний от Ирландии до Алжира. Государство готово использовать эти методы против нас.

Нападение полиции на мирных протестующих, Сиэтл, 1999 г.

Даже когда правительство внезапно приостанавливает карательные действия, направленные на уничтожение, страдать с достоинством просто надоедает, и пацифисты, не целиком посвятившие своё будущее революции и войне со статусом-кво, теряют ясность убеждений и выбывают (может быть, они сделали что-то, чтобы «за-

²⁷ По эволюции взглядов государства на социальный контроль см.: Williams, «Our Enemies in Blue».

служить» или «спровоцировать» репрессии?). Посмотрите на акции протеста 1999 г. в Сиэтле и последующую массовую мобилизацию антиглобалистского движения: с активистами в Сиэтле обращались жестоко, но они с честью встретили это, дрались в ответ, и многим этот опыт придал сил. То же самое относится к демонстрациям в Квебеке против «Зоны свободной торговли Америк» (ФТАА). С другой стороны, полицейские репрессии на протестах 2003 г. — против ФТАА в Майями были совершенно незаслуженными даже по легалистическим критериям.²⁸ Одностороннее насилие не придало ни сил, ни достоинства протестующим — они подверглись после задержания жестокому насилию, и многих это отвратило от дальнейшего участия, включая активисток, подвергавшихся сексуальному насилию со стороны полицейских. В ещё более пассивных протестах в Вашингтоне — например, на ежегодных демонстрациях против Мирового банка — ненасильственное сопротивление, состоящее из периодических срежиссированных задержаний, арестов, заключений под стражу и освобождений, не столько вдохновляло, сколько утомляло, и в итоге численность протестующих явно сокращается. Этим протестам, безусловно, не удалось привлечь внимание прессы или повлиять на людей своим спектаклем «страданий с достоинством», но сами пацифисты-организаторы в каждом случае объявляли критерием успеха численность участников, отсутствие столкновений с властями и насилия в отношении собственности.

В конечном счёте, используя ненасилие, государство может победить даже революционное движение, которое в противном случае могло бы стать достаточной силой для достижения успеха. В Албании в 1997 г. из-за коррупции правительства и развала экономики многие семьи потеряли все свои сбережения. В ответ «Социалистическая партия созвала в столице демонстрацию в надежде стать лидером мирного протестного движения».²⁹ Но сопротивление зашло настолько далеко, что его не могла контролировать никакая политическая партия. Люди начали вооружаться, жечь и взрывать банки, полицейские участки, правительственные здания, офисы спецслужб, освобождать заключённых из тюрем. «Значительная часть военных дезертировала, или присоединившись к восставшим, или бежав в Грецию». Албанцы стояли на грани свержения системы, угнетавшей их, что дало бы им шанс создать для себя новые социальные институты. «К середине марта правительство, включая спецслужбы, было вынуждено покинуть столицу». Вскоре несколько тысяч солдат Евросоюза оккупировали Албанию, чтобы восстановить центральную власть. Оппозиционные партии, которые всё это время торговались с правительством, выработывая список условий, на которых восставшие согласятся разоружиться, и уговаривая правящую партию отдать власть (чтобы они могли её взять), сыграли ключевую роль в том,

²⁸ Было несколько мелких случаев ответа на полицейское насилие, но в момент отступления. Анархисты усвоили идею, что только полиция может инициировать насилие, так что если и отвечали, то лишь убегая. Хорошую подборку информации по протестам в Майями против ФТАА, особенно по части травмирующего воздействия его на многих протестующих, см.: *The Miami Model!: A Guide to the Events Surrounding the FTAA Ministerial in Miami, November 20–21, 2003* (Decentralized publication and distribution, 2003). Если нужно больше информации, пишите на: theresonlynow@hotmail.com.

²⁹ Wolfi Landstreicher, «Autonomous Self-Organization and Anarchist Intervention», *Anarchy: A Journal of Desire Armed*, no. 58 (Fall-Winter 2004): 56. Две последние цитаты в абзаце взяты с одной и той же страницы. Ландстрейшер рекомендует: *Albania: Laboratory of Subversion* (London: Elephant Editions, 1999).

Вооружённые полицейские разгоняют демонстрацию, Сиэтл, 1999 г.

чтобы оккупационным силам удалось усмирить восставших, провести выборы и восстановить государство.

Франц Фанон описывает подобную ситуацию, когда оппозиционные партии в колониях осуждали насильственное восстание, стремясь контролировать движение. «После первых столкновений официальные лидеры быстро ликвидируют насильственную деятельность, которую они „называют детской“». Затем «революционные элементы, прибегающие к ней, быстро оказываются в изоляции. Официальные лидеры, облачённые в свой многолетний опыт, беспощадно отрешиваются от этих „авантюристов и анархистов“». Как объясняет Фанон на примере Алжира и антиколониальной борьбы в целом: «Механизм партии сам по себе противостоит любым новшествам», а лидеры «испуганы и встревожены мыслью, что их может смести вихрь, природу, силу и направление которого они даже не могут представить».³⁰ Хотя эти оппозиционные политические лидеры в Албании, Алжире и т. д. обычно не определяют себя как пацифисты, интересно отметить, что они играют схожую роль. Истинные пацифисты более склонны принять обманчивую оливковую ветвь от умиротворяющих политиков, чем предложение солидарности от вооружённых революционеров. Стандартный альянс и братание между пацифистами и прогрессивными политическими лидерами (советующими умеренность) служит расколу революционного движения и более лёгкому контролю над ним. Лишь в отсутствии

³⁰ Fanon, «The Wretched of the Earth», с. 124.

Протестующие разбирают брусчатку, Влёра, Албания, 1997 г.

значительного проникновения пацифистов в народные движения у политических лидеров не получается захватить над ними контроль: в итоге их отвергают и отторгают как элитистских кровопийц. Народные движения оказываются беспомощными именно тогда, когда они терпимы к ненасилию.

Заклучим: ненасильственные активисты полагаются на насилие государства для защиты своих достижений и не сопротивляются ему тогда, когда оно используется против сторонников насильственной борьбы (фактически, они часто поощряют это насилие со стороны государства). Они ведут переговоры и сотрудничают с вооружённой полицией на своих демонстрациях. И, хотя пацифисты чувствуют своих «узников совести», по моему опыту, они склонны игнорировать жестокость тюремной системы в случаях, когда заключённый совершил акт насильственного сопротивления или даже вандализма (не говоря уже об аполитичных преступлениях). Отбывая шестимесячный тюремный срок за акт гражданского неповиновения, я купался в поддержке пацифистов по всей стране. Но в целом их мало заботит проблема официального насилия, бросившего за решетку 2,2 млн. жертв объявленной правительством «Войны против преступности». Выходит, что единственная форма насилия, которой пацифисты последовательно противостоят — бунт против государства.

Знак мира сам по себе является идеальной метафорой этой функции. Вместо того, чтобы поднять кулак, пацифисты поднимают средний и указательный палец в форме буквы «V». Это «V» означает победу и является символом патриотов, радующихся миру после триумфальной войны. В конечном итоге, мир, защищаемый пацифи-

стами, — это мир победоносной армии, государства, беспрепятственно сломившего сопротивление и монополизировавшего насилие до такой степени, что насилию уже не нужно быть видимым.

Это — Pax Americana.³¹

³¹ Американская империя (лат.) — прим. пер.

IV. Ненасилие патриархально

Патриархат — форма организации общества, порождающая то, что мы называем сексизмом. Но на самом деле суть патриархата гораздо глубже индивидуальных или системных предрассудков против женщин. Это, прежде всего, ложное, но, как утверждается, естественное и нравственное, деление всех людей на две жёсткие категории: мужчин и женщин. (Многие абсолютно здоровые люди не попадают ни в одну из этих физиологических категорий, к тому же многие не-западные культуры признавали — и продолжают признавать, если ещё не уничтожены — более двух полов и гендеров.) Более того, патриархат определяет чёткие роли (экономические, социальные, эмоциональные, политические) для мужчин и женщин и утверждает (ложно), что эти роли единственно нормальны с точки зрения морали. При патриархате люди, не попадающие ни в одну из этих гендерных ролей или отвергающие их, нейтрализуются с помощью насилия и остракизма. Их заставляют выглядеть и чувствовать себя уродливыми, грязными, страшными, презираемыми, не имеющими ценности. Патриархат одновременно вреден для всех, но воспроизводится всеми, кто существует в его рамках. Следуя своему названию, он ставит мужчин в доминирующую позицию, а женщин — в позицию подчинения. Деятельность и характеристики, традиционно связанные с «властью» или, по меньшей мере, привилегиями, в основном принадлежат мужчинам.¹ Патриархат даёт возможность и право применять насилие практически исключительно мужчинам.

В гендерном аспекте, как и в расовом, ненасилие является изначально привилегированной позицией. Ненасилие предполагает, что вместо защиты себя против насилия мы можем мирно терпеть насилие до тех пор, пока не удастся мобилизовать достаточную часть общества для мирного противодействия насилию (или что можно надеяться «трансформировать» любую агрессию, угрожающую нам лично). Большинство сторонников ненасилия представляют его не просто как узкую политическую практику, но как философию, заслуживающую проникновения в самую ткань общества, чтобы выкорчевать насилие во всех его проявлениях. Но пацифисты, похоже, не учитывают в полной мере степень насилия патриархата. В конечном счёте при патриархате женщины и трансгендерные люди являются основными жертвами насилия в войнах, социальных революциях и в повседневной жизни.

¹ Для детального изучения патриархата я очень рекомендую работы белл хукс, а также Кейт Борнштейн (например, «Gender Outlaw») и Лесли Фейнберг (например, «Transgender Warriors»). Хорошую информацию по историческому и антропологическому аспектам см. в: Gerda Lerner «The Creation of Patriarchy» (New York: Oxford University Press, 1986), только следует отметить, что Лернер в основном ограничивает себя бинарной перспективой гендера, принимая как данность две гендерные категории и, таким образом, упуская из вида первый и важнейший шаг в формировании патриархата — создание двух жёстких гендерных категорий. Интересную информацию, исправляющую это упущение, можно найти в: Moira Donald and Linda Hurcombe, eds., «Representations of Gender from Prehistory to Present» (New York: St. Martin's Press, 2000).

Если изъять эту философию из безличной политической сферы и перенести в бытовой контекст, ненасилие подразумевает, что для женщины безнравственно отбиваться от нападающего или изучать самооборону. Ненасилие подразумевает, что жене, подвергающейся насилию, лучше уйти, чем мобилизовать группу женщин, чтобы избить и вышвырнуть из дома издевавшегося над ней мужа.² Ненасилие подразумевает, что лучше быть изнасилованной, чем выхватить из кармана механический карандаш и воткнуть его в ярёмную вену нападающего (ведь такой поступок, видимо, послужит некоему циклу насилия и поощрит дальнейшие изнасилования). Пацифизм попросту не резонирует с повседневной реальностью, окружающей людей, если только эти люди не живут в некоем причудливом пузыре спокойствия, из которого вытеснены все формы пандемического реактивного насилия современной цивилизации путём применения систематического и менее заметного насилия полиции и вооружённых сил.

С другой стороны, ненасилие, похоже, прекрасно приспособлено к взаимодействию с патриархатом. В конечном счёте изживание патриархата требует, в том числе таких форм сопротивления, которые делают акцент на исцелении и примирении.³ Западная концепция правосудия, основанная на законе и наказании, насквозь патриархальна: каждый кодекс законов определял женщину как собственность, и законы писались для собственников-мужчин, которых приучали не иметь дела с эмоциями; проблема «проступка» решалась в первую очередь через наказание, а не через примирение. Более того, патриархат поддерживается не только властной элитой, которую нужно победить силой, а всеми.

Распределение власти в рамках патриархата гораздо более распылено, чем в рамках государства или капиталистической системы: например, мужчина-генерал, одновременно заседающий в консультативном совете крупной корпорации, обладает значительной властью в рамках государства и капитализма, но не черпает большей власти от патриархата как такового, чем любой другой мужчина (разве что становится типичным образцом мужественности). Из-за подобного распределения обычная борьба с обладателями власти или с несущими наибольшую ответственность за неё играет гораздо меньшую роль и несёт мало смысла. Вместо этого людям нужно построить культуру, дающую каждому право на гендерное самоопределение, поддерживающую построение нами здоровых отношений, исцеление от предшествующих поколений насилия и травм. Это абсолютно совместимо с обучением женщин и трансгендерных людей самозащите, а также атакой на экономические, культурные и политические институты, воплощающие патриархат или ответственные за его наиболее жестокие формы. Убийство копа, насилующего бездомных трансгендер-

² Данная стратегия успешно применялась многочисленными антиавторитарными обществами на протяжении истории, включая народ Игбо в сегодняшней Нигерии. Этот пример см. в: Judith Van Allen, «„Sitting on a Man“ Colonialism and the Lost Political Institutions of Igbo Women», *Canadian Journal of African Studies*, vol. 2, (1972): 211–219.

³ Больше информации по восстановительному правосудию как форме взаимодействия с социальным вредом, «основанной на потребностях» и работающей путём исцеления и примирения, (эта концепция справедливости подходит ко многим современным «преступлениям», коренящимся в патриархате) см.: Larry Tiff «Battering of Women: The Failure of Intervention and the Case for Prevention» (Boulder: Westview Press, 1993) и Dennis Sullivan and Larry Tiff «Restorative Justice: Healing the Foundations of Our Everyday Lives» (Monsey, NY: Willow Tree Press, 2001).

ных людей и проституток; сожжение офиса журнала, сознательно преподносящего стандарты красоты, ведущие к анорексии и булимии; похищение президента компании, участвующей в торговле женщинами, — ничто из этих действий не мешает построению здоровой культуры. Скорее, определённые люди у власти, сознательно получающие прибыль от патриархата, активно мешают рождению здоровой культуры. Собственная оценка того, что считать здоровыми отношениями, дополненная жёстким сопротивлением институтам, пропагандирующим эксплуатирующие и насильственные отношения, и нанесением ударов по наиболее вопиющим и, видимо, неисправимым примерам патриархата, — это единственный путь к тому, чтобы показать другим возможность альтернативы. Большинство работы, необходимой для преодоления патриархата, вероятно, будет мирной, сосредоточенной на исцелении общества и построении новой модели взаимоотношений. Но пацифистская практика, воспрепятствующая использованию любых других тактик, лишает выхода тех, кому нужно защищаться от насилия уже сейчас.

«Оккупай Сиэтл», 1 мая 2012 г.

В случаях изнасилования и других форм насилия против женщин ненасилие даёт уроки, которым патриархат учит тысячелетиями. Оно прославляет среди угнетаемых пассивность, «подставление другой щеки» и «страдание с достоинством». В одном из самых ярких текстов, поддерживающих сохранение и внедрение патриархата — «Ветхом завете» — согласно заповедям, согласно притчам, согласно закону женщинам советуется мирно терпеть несправедливость и молиться, чтобы за них вмешалась божественная Власть. (Это предписание заметно похоже на веру пацифистов в то, что

корпоративные СМИ распространят образы их страданий, полных достоинства, и это побудит «власть, принимающую решения», восстановить справедливость.) Патриархат явным образом предоставляет одностороннее право на насилие мужчинам, но женщины могли бы нарушить эту динамику власти, вместо того чтобы её усиливать, если бы вспомнили о своей способности к насилию.⁴ Повторим: возвращение себе женщинами возможности и права применять силу само по себе не покончит с патриархатом, но это является необходимым условием гендерного освобождения, а также полезной формой воодушевления и самозащиты в краткосрочной перспективе.

Пацифисты и сторонники реформистского феминизма часто обвиняли именно воинственных активистов в сексизме. Во многих конкретных случаях обвинение было справедливо. Но эта критика часто расширяется до заявлений, что использование насильственного активизма само по себе является сексистским, маскулинным или носит какой-либо иной привилегированный характер.⁵ Как объясняет Лаина Тэнгвуд: «Некоторые новоиспечённые „феминистки“, критиковавшие анархизм, осудили воинственный подход как сексистский и закрытый для женщин... Такая мысль сама по себе — сексистская».⁶ Другой анархист указывает: «На самом деле, маскулинизация насилия, с её незаметным спутником в виде феминизации пассив-

⁴ Белл хукс провела более комплексный анализ, учитывающий также и насилие со стороны женщин, в нескольких книгах, включая: «The Will to Change: Men, Masculinity, and Love» (New York: Atria Books, 2004). Тем не менее насилие женщин, рассматриваемое хукс — это не политическое, сознательное насилие, направленное против проводников патриархата, но, скорее, импульсивное перекалывание унижения, направленное на детей и других нижестоящих по социальной лестнице. Это как раз пример настоящего цикла насилия, который пацифисты считают единственной формой насилия. Несмотря на все травматические аспекты цикла насилия (сложные последствия в виде неадекватной реакции людей на травму первоначального насилия), революционные активисты возражают, что все насильственные иерархии держатся на систематическом применении насилия, направленного вниз, инициаторов которого желательно и необходимо обезвредить. Мир — не ровное игровое поле, от которого насилие постоянно отскакивает, одинаково порождаясь людьми, равными по власти и ответственности, и затрагивая их в равной мере. Скажем, если женщины коллективно самоорганизуются для нападения на насильников и их силового подавления, это предотвратит очередные изнасилования, травмы прежних изнасилований будут изгнаны конструктивным и приободряющим путём, а мужчины лишатся возможности безнаказанно насиловать, и будущие преступления будут предотвращены. Или другой пример: городские чёрные и латиносы, проводя партизанские нападения на полицию, не начнут цикл полицейского насилия. Полиция убивает цветных не потому, что травмирована прежним насилием; она поступает так потому, что этого требует система господства белых, и потому, что ей за это платят. Революционная деятельность, конечно, приведёт к увеличению государственных репрессий, но это препятствие должно быть преодолено через уничтожение государства, которое является величайшим производителем насилия. После уничтожения государства, капитализма и патриархальных структур люди по-прежнему будут травмированы, по-прежнему будут обладать авторитарными и патриархальными взглядами, но индивидуальные проблемы, не усиленные структурно, можно устранить кооперативными, ненасильственными способами. Армии мирно устранить невозможно.

⁵ См., напр.: Robin Morgan «The Demon Lover: On the Sexuality of Terrorism» (New York: W. W. Norton, 1989). Памфлет коллектива «Rock Block», «Stick it to the Manarchy» (Decentralized publication and distribution, 2001), проводит справедливую критику мачизма в белых анархистских кругах, но заявляет, что воинственность сама по себе имеет мачистский характер и что женщины, цветные и другие угнетаемые группы как-то слишком хрупки, чтобы принимать участие в насильственной революции.

⁶ Laina Tanglewood, «Against the Masculinization of Militancy», цит. по: Ashen Ruins «Against the Corpse Machine: Defining Post-Leftist Anarchist Critique of Violence» (Decentralized publication and distribution, April 2002).

ности, порождена в первую очередь теми, чьё видение перемен не включает в себя революцию или уничтожение государства».⁷

Так чьё видение свободы не включает в себя возможность женщин самим себя защищать? Отвечая на предположение, что защитить женщин могут только более крупные социальные структуры, активист Сью Дэниэлс напоминает нам: «Женщина может сама отбиться от нападающего мужчины... это абсолютно не вопрос того, кто физически сильнее — это вопрос тренировки».⁸ Анонимная брошюра «Воля к победе! Женщины и самооборона» добавляет: «Смешно существование такого большого количества организаций для консультации и помощи женщинам, ставшим жертвами изнасилования, нападения или издевательств, когда едва ли найдётся хоть одна, работающая над подготовкой женщин и предотвращением этих проблем. Мы должны отказаться быть жертвами и отвергнуть идею того, что нам нужно покориться агрессору, чтобы избежать дальнейшего насилия. В реальности, покорение агрессору только внесёт вклад в развитие дальнейшего насилия против других».⁹

Вся идея того, что насилие маскулинно или что революционный активизм обязательно исключает участие женщин, гомосексуалов и трансгендеров, основано, как и другие исходные предпосылки ненасилия, на стирании истории. Игнорируются нигерийские женщины, оккупирующие и саботирующие нефтеперерабатывающие предприятия; женщины-мученицы палестинской интифады; гомосексуальные и трансгендерные бойцы Стоунволлского восстания;¹⁰ бесчисленные тысячи женщин, сражавшихся во Вьетконге; женщины — лидеры сопротивления коренных народов геноциду со стороны европейцев и США; «Мухерес Креандо» («Творящие женщины»), группа анархо-феминисток в Боливии; и британские суфражистки, протестовавшие и дравшиеся с полицией. Забыты женщины, занявшие важные, от рядовых до высочайших степеней лидерства, места среди «Партии чёрных пантер», сапатистов, «Синоптиков» и других воинственных групп. Идея того, что нанесение ответного удара каким-то образом исключает участие женщин, абсурдна. Даже история пацифистского белого «Первого мира» не выдерживает данного анализа, так как даже самый эффективный патриархат, который только мыслим, никогда не мог исключить всех женщин и всех трансгендеров из насильственной борьбы с угнетением.

Некоторые сторонники ненасилия, понимая, насколько безумно отказывать угнетённым в возможности или праве на самооборону, делают для неё исключение из своих правил, но не имеют жизнеспособных стратегий по преодолению системного насилия. Если отбиться от мужа-насильника — это самооборона, то почему взорвать фабрику, производящую диоксины, отравляющие твоё грудное молоко, — не самооборона? Как насчёт более организованной кампании по уничтожению корпорации, владеющей фабрикой и ответственной за производство загрязняю-

⁷ Там же.

⁸ Sue Daniels, e-mail, сентябрь 2004 г. Для более глубокого изучения вопроса самообороны для женщин Дэниэлс рекомендует: Martha McCaughey «Real Knockouts: The Physical Feminism of Women's Self-Defense» (New York: New York University Press, 1997).

⁹ «The Will to Win! Women and Self-Defense» — анонимная брошюра, распространяемая Анархическим Чёрным Крестом г. Джексонвилля (4204 Herschel Street, #20, Jacksonville, FL 32210).

¹⁰ Массовые беспорядки с участием членов и сторонников ЛГБТ-сообщества в 1969 г. возле гей-бара «Стоунволл-инн» в Нью-Йорке, спровоцированные рейдом полиции. — *прим. пер.*

Протесты во время Стоунволлского восстания, США, 1969 г.

щих веществ? Является ли самообороной убийство генерала, посылающего солдат насиловать женщин в зоне военных действий? Или пацифисты должны играть в защите, сопротивляясь лишь индивидуальным нападениям и покоряясь неизбежности вышеописанного насилия, ожидая до тех пор, пока ненасильственные тактики внезапно не переубедят генерала или закроют фабрику — когда-нибудь в будущем?

Помимо защиты патриархата от воинственного сопротивления, ненасилие также помогает сохранять в движении патриархальные динамики. Одна из основных идей современного либертарного активизма (родившегося из объединённого желания развивать более здоровые и сильные движения, избегая внутренних раздоров, во многом порождённых незаметными привычками к угнетению, обезвредившими освободительные движения прежнего поколения) заключается в том, что угнета-

¹¹ Не нужно путать с самокритикой солидное изречение пацифистов, что «изменения должны прийти изнутри». Функционально такая философия только лишает людей сил бросить вызов системе и сражаться с системным угнетением; она, аналогично христианской концепции греха, является барьером для восстания и других коллективных действий против угнетения. В немногих случаях, когда принцип «изменений изнутри» означает больше, чем обычную приверженность ненасилию, он является бессильной формой самосовершенствования, подразумевающей, что социальное угнетение является результатом распространённых личностных ошибок, которые можно преодолеть без устранения внешних сил. С другой стороны, самосовершенствование либертарных активистов является признанием того, что внешние силы (то есть структуры угнетения) влияют даже на тех, кто с ними борются. Итак, борьба с последствиями — подходящее дополнение к борьбе с причинами. Но вместо того, чтобы быть дополнением, пацифистское самосовершенствование пытается быть заменой.

ющие социальные иерархии существуют и воспроизводят себя в поведении всех субъектов и должны быть побеждены как снаружи, так и внутри движения. Но пацифизм процветает за счёт избегания самокритики.¹¹ Многие знакомы с частично признанным стереотипом самодовольных, восхищённых собой ненасильственных активистов, «воплощающих те изменения, которые (они) хотят увидеть в мире»¹² до такой степени, что в собственном сознании они воплощают всё справедливое и прекрасное. Сторонник одной пацифистской организации возопил, отвечая на критику привилегированности, что белый мужчина, лидер этой организации, не может пользоваться привилегиями белых и привилегиями мужчин, поскольку он такой хороший человек — как будто господство белых и патриархат являются добровольными ассоциациями.¹³ В таком случае, как получилось, что преимущественно мужское руководство организации, известное тем, что оно воплощает ненасильственный идеал, участвуя во многих голодовках и сидячих забастовках, стали обвинять в machistском поведении, трансфобии и сексуальных домогательствах?

Избегание пацифистами самокритики функционально, а не просто типично. Когда победа, согласно твоей стратегии, зависит от «занятия и сохранения высокой нравственной позиции»,¹⁴ необходимо выставлять себя как нравственного, а своего врага как безнравственного. Тогда вскрытие ханжества и динамик угнетения среди лидеров и членов групп просто противоречит выбранной тобой стратегии. Как много людей знают о том, что Мартин Лютер Кинг относился к Элле Бейкер, выполнившей основную работу по основанию «Конференции южного христианского руководства», (SCLC), когда Кинг ещё не имел организаторского опыта, как к своей секретарше; смеялся в лицо нескольким женщинам в организации, когда они предложили ему разделить власть и лидерство; сказал, что естественная роль женщины заключается в материнстве и что они, к сожалению, только из-за сложившихся обстоятельств были «вынуждены» стать «учительницами» и «лидерами»¹⁵; а также исключил из своей организации Баярда Растина, поскольку Растин был геем?¹⁶ С другой стороны, с чего бы эти факты стали широко известны, если превращение Кинга в икону повлекло за собой сокрытие любых подобных ошибок и выставление его в роли святого? Для *революционных* активистов, напротив, успех следует за наращиванием сил и стратегической победой над государством. Такой путь требует постоянной переоценки себя и самокритики.¹⁷

¹² «Будь изменением, которое ты хотел бы увидеть в мире» или «Воплощай в себе изменение...» являются типичными пацифистскими лозунгами, которые можно найти, по крайней мере, на нескольких плакатах на каждом крупном мирном митинге в США.

¹³ Личный e-mail автору, декабрь 2003 г.

¹⁴ Cortright, «The Power of Nonviolence».

¹⁵ Robnett, «How Long?», 87, 166, 95.

¹⁶ Историю того, как Баярду Растину пришлось покинуть SCLC из-за своей гомосексуальности, можно найти в: Jervis Andersen «Bayard Rustin: The Troubles I've Seen» (New York: HarperCollins Publishers, 1997), а также в: David Dellinger «From Yale to Jail: The Life Story of a Moral Dissenter» (New York: Pantheon Books, 1993).

¹⁷ В то же время люди, чья стратегия полагается на формирование партий или аналогичных централизованных организаций, революционных или пацифистских, также заинтересованы в отсутствии самокритики. Но сегодняшние революционные активисты демонстрируют явную тенденцию к уходу от политических партий, объединений и других организаций, развивающих эго, ортодоксию и личные интересы.

Выставление воинственных групп более сексистскими, чем они есть, является распространённым сексистским предрассудком. Например, женщины эффективно исключались из управления в SCLC Кинга,¹⁸ притом, что в «Партии чёрных пантер» (BPP) женщины (например, Элейн Браун) подчас занимали высшие позиции. Но именно BPP, а не SCLC выставляется образцом мачизма. Кэтлин Кливер опровергает это утверждение: «В 1970 г. „Партия чёрных пантер“ заняла официальную позицию по освобождению женщин. Делал ли Конгресс США когда-нибудь хотя бы какое-нибудь заявление по проблеме освобождения женщин?». ¹⁹ Фрэнки Малика Адамс, другая активистка «Пантер», заявила: «Женщины в значительной степени управляли BPP. Я не знаю, как она стала партией мужчин или прослыла таковой». ²⁰ Воскрешая более точную историю «Партии чёрных пантер», Мумия Абу-Джамаль называет то, что было, в каком-то смысле, «партией женщины». ²¹

«Чёрные пантеры» во время демонстрации, США, 1969 г.

Тем не менее сексизм сохранялся среди «Пантер», как и в любой революционной среде и в любом сегменте сегодняшнего патриархального общества. Патриархат не может быть уничтожен моментально, но группы, работающие над его искоренением, могут его постепенно преодолеть. Активисты должны признавать патриархат первостепенным врагом и открывать в революционных движениях места для жен-

¹⁸ Robnett, «How Long?», 93–96.

¹⁹ Abu-Jamal, «We Want Freedom», 161.

²⁰ Там же, 159.

²¹ Там же.

шин, квиоров и трансгендеров, чтобы те выступали творческой силой в направлении, оценке и реформировании борьбы (одновременно поддерживая усилия мужчин по анализу попыток встраивания нас в систему угнетения и по противодействию этим попыткам). Честный взгляд показывает, что, вне зависимости от наших целей, предстоит ещё много работы, чтобы освободить движение от контроля со стороны мужчин и найти здоровые, восстанавливающие мир пути преодоления оскорбительных моделей поведения как в социальных, так и в романтических отношениях между участниками движения.

Почти в любой тактической или стратегической дискуссии, в которой я участвовал, воинственной или пацифистской, преобладали и доминировали в основном мужчины. Вместо того чтобы заявлять, что женщины и трансгендеры почему-то неспособны участвовать в акциях с применением разных тактик (или даже обсуждать их), нам лучше вспомнить голоса тех, кто сражался, — насильственно, дерзко, эффективно — как революционеры. В этой связи приведу ряд примеров.

«Мухерес Креандо» — анархо-феминистическая группа в Боливии. Её члены участвовали в граффити-кампаниях по борьбе с нищетой. Они защищали протестующих от насилия полиции во время демонстраций. В наиболее драматическом случае, они вооружились коктейлями Молотова и динамитными шашками и помогли группе местных фермеров захватить банк, требуя простить долг, из-за которого фермеры со своими семьями голодали. В интервью Джульетта Паредес, одна из основательниц, рассказывает об истоках группы:

«„Мухерес Креандо“ — это „безумие“, начатое тремя женщинами (Джульетта Паредес, Мария Галиндо и Моника Мендоза) из высокомерного, гомофобного и тоталитарного левого движения Боливии 80-х годов... Разница между нами и теми, кто говорит о свержении капитализма, заключается в том, что все их проекты нового общества порождены патриархальностью левых. Как феминистки, в „Мухерес Креандо“ мы хотим революции, реального изменения системы... Я говорила и повторяю, что мы научились анархизму не у Бакунина или CNT,²² но, скорее, от своих бабушек, и это прекрасная школа анархизма».²³

Сильвия Ривьера, пуэрториканский трансвестит, рассказывала о своём участии в Стоунволлском восстании 1969 г., вспыхнувшем после рейда полиции на бар Стоунволл в нью-йоркском районе Гринвич Виллидж с целью преследования покровителей квиоров и трансов.

«С нас было довольно унижений. Мы так много сделали для других движений. Было уже пора. На первом плане были уличные геи из Виллидж — бездомные, жившие в парке на Шеридан-сквер возле бара, — и за ними трансвеститы, и за нами уже все...

Я так рада, что была в Стоунволлском восстании. Помню, когда кто-то бросил коктейль Молотова, я подумала: „Боже, революция здесь. Наконец-то революция здесь!“

Мне всегда верилось, что мы дадим ответный бой. Я просто знала, что мы дадим отпор. Только не знала, что это случится той ночью. Я горжусь, что была там в эту

²² «Национальная конфедерация труда» (Испания) — конфедерация анархо-синдикалистских профсоюзов, существующая в Испании с 1910 г. — *прим. пер.*

²³ Julieta Paredes «An Interview with Mujeres Creando», в: *Quiet Rumours: An Anarcha-Feminist Reader*, ed. Dark Star Collective (Edinburgh: AK Press, 2002), 111–112.

ночь. Если бы я это пропустила, мне было бы обидно, потому что именно тогда я увидела, что мир меняется для меня и таких, как я.

Но, конечно, нам ещё предстоит долгий путь».²⁴

Энн Хансен — канадская революционерка, отсидевшая семь лет в тюрьме за своё участие в 1980-е гг. в подпольных группах «Прямое действие» и «Женская огненная бригада», которые (в числе прочих акций) устроили взрыв на фабрике «Litton Systems» (производителя компонентов крылатых ракет) и закидывали зажигательными бомбами сеть магазинов порнографии, продававших видео, изображавшее изнасилования. По словам Хансен:

«Есть множество форм прямого действия, обладающих различной степенью эффективности на разных этапах истории, но, в сочетании с другими формами протеста, прямое действие может сделать движение за перемены более эффективным, открывая дорогу сопротивлению, которое государству нелегко кооптировать или контролировать. К сожалению, люди в движении ослабляют свою же деятельность, не умея понять и поддержать различные доступные тактики... Мы стали слишком мирными».²⁵

Эмма Голдман, родившаяся в России, — самая известная анархистка Америки, участница покушения на стального барона Генри Клея Фрика в 1892 г., поддержавшая революцию в России, и вместе с тем одна из самых ранних критиков ленинского правительства — пишет об эмансипации женщин: «История учит нас, что каждый угнетаемый класс получил настоящее освобождение от своих господ благодаря своим собственным усилиям. Необходимо, чтобы женщина усвоила этот урок, чтобы она поняла, что её свобода простирается ровно настолько же, насколько и её власть добиваться этой свободы».²⁶

Молли Штеймер была ещё одной американской анархисткой, эмигрировавшей из России. С молодости Штеймер работала с «Frayhayt», нью-йоркской анархистской газетой, издававшейся на идиш. Её лозунгом было: «Единственная справедливая война — социальная революция». Начиная с 1918 г., Штеймер постоянно арестовывали и заключали в тюрьму за высказывания против Первой мировой войны или в поддержку Российской революции, которая на тот момент, до ленинской консолидации и чисток, имела значительный анархистский компонент. На одном из судов она заявила: «Осуществлению этой идеи (анархизма) я посвящу всю мою энергию и, если необходимо, отдам за неё свою жизнь».²⁷ Штеймер была депортирована в Россию и вскоре помещена в тюрьму Советской властью за поддержку заключённых-анархистов.

Анни Мае Пикту-Акаш была женщиной из племени Микмак и активистом «Движения американских индейцев» (AIM). После обучения и консультации молодёжи коренных народов Америки, «работы с бостонской афроамериканской и индейской общинами»²⁸ она присоединилась к AIM и участвовала в семидесятидневной оккупации Вундед-Ни в резервации Пайн-Ридж в 1973 г. В 1975 г., на пике периода

²⁴ Leslie Feinberg «Leslie Feinberg Interviews Sylvia Rivera», Workers World, July 2, 1998.

²⁵ Ann Hansen «Direct Action: Memoirs of an Urban Guerrilla», (Toronto: Between The Lines, 2002), 471.

²⁶ Emma Goldman, «The Tragedy of Woman's Emancipation», в: Quiet Rumours, ed. Dark Star Collective, 89.

²⁷ Paul Avrich «Anarchist Portraits» (Princeton: Princeton University Press, 1988), 218.

²⁸ Yael «Anna Mae Haunts the FBI», Earth First! Journal, July-August 2003, 51.

жестоких государственных репрессий, в ходе которых не менее 60 членов и сторонников АИМ были убиты военизированными формированиями, вооружёнными ФБР, Пикту-Акаш присутствовала при перестрелке, в которой было убито два федеральных агента. В ноябре 1975 г. было объявлено, что она скрывается от следствия из-за неявки в суд по делу о взрывчатке. В феврале 1976 г. её нашли мёртвой, застреленной в затылок, — государственный следователь указал в качестве причины смерти «переохлаждение». После смерти Пикту-Акаш стало известно, что ФБР угрожало её жизни за то, что она не выдавала других активистов АИМ. При жизни Пикту-Акаш была известной активисткой и революционеркой.

«Эти белые люди думают, что эта страна принадлежит им — они не понимают, что они сейчас правят лишь потому, что их больше, чем нас. Всю страну изменила всего лишь горстка паршивых переселенцев, прибывших сюда в 1500-е годы. Горстка паршивых индейцев может сделать то же самое, и я собираюсь быть одной из этих паршивых индейцев».²⁹

«Роте Зора» (RZ) была немецкой группой городских партизанок, антиимпериалисток-феминисток. Вместе с дружественными им Революционными ячейками они провели более двухсот нападений, преимущественно взрывов, в 1970-е и 80-е гг. Их основными целями были порнографы; корпорации, использующие потогонные цеха; правительственные здания; компании, торгующие женщинами в качестве жён, секс-рабынь и домработниц; производители наркотических препаратов; и подобные. В анонимном интервью члены «Роте Зора» объяснили: «Женщины RZ начали в 1974 г. со взрыва Верховного суда в Карлсруэ, потому что хотели полной отмены статьи 218»³⁰ (статья УК ФРГ об абортах). На вопрос о том, вредит ли движению такое насилие, как устроенные ими взрывы, участницы ответили:

«Zora 1: Повредить движению — вы говорите о применении репрессий. Нет, наши действия не вредят движению! Наоборот, они стремятся к развитию движения и могут напрямую поддерживать его. Например, наша атака на торговцев женщинами помогла выставить их бизнес на обозрение общественности, создать угрозу для них, и теперь они знают, что в случае продолжения их бизнеса им придётся столкнуться с сопротивлением женщин. Эти „джентльмены“ знают, что им придётся столкнуться с сопротивлением. Мы называем это усилением нашего движения.

Zora 2: Уже давно контрреволюционная стратегия любыми способами откалывает радикальное крыло от остального движения, чтобы ослабить движение в целом. В 70-е гг. мы испытали, что из этого получается: когда часть левых заимствуют доводы государственной пропаганды, когда они начинают представлять тех, кто бескомпромиссно борется, ответственными за гонения, деструктивные действия и репрессии со стороны государства. Они не только путают причину со следствием, но ещё и косвенно оправдывают государственный террор. Таким образом, они ослабляют собственную позицию. Они сужают рамки своего протеста и сопротивления...»

Далее в интервью был задан следующий вопрос.

«Как могут не-автономные, не-радикальные женщины понять ваши цели? Вооружённые действия всегда имеют „отпугивающий“ эффект».

²⁹ Yael «Anna Mae Haunts the FBI», Earth First! Journal, July-August 2003.

³⁰ «Interview with Rote Zora», в: Quiet Rumours, ed. Dark Star Collective, 102.

«Zora 2: Возможно, отпугивает то, что ставится под вопрос повседневная реальность. Женщины, которым с детства вдолбили в головы, что они жертвы, чувствуют себя неуверенно, когда видят, что есть женщины, которые не жертвы и не миролюбивы. Это провокация. Женщины, относящиеся к своему бессилию с яростью, могут идентифицировать себя с нашими действиями. Как каждый акт насилия против одной женщины создаёт атмосферу угрозы по отношению ко всем женщинам, наши действия — даже если они направлены только против конкретного индивида — вносят вклад в развитие атмосферы, в которой „сопротивление возможно!“»³¹

При этом существует огромное количество феминистской литературы, которая отрицает усиливающие (и исторически важные) последствия насильственной борьбы для женского и других движений, вместо этого предлагая пацифистский феминизм. Пацифистки-феминистки указывают на сексизм и мачизм некоторых воинственных освободительных организаций, который нам всем нужно признавать и преодолевать. Критика ненасилия в пользу использования широкого спектра тактик вовсе не должна подразумевать удовлетворённость стратегиями или культурой прежних воинственных групп (например, мачистским позёрством «Синоптиков» или анти-феминизмом «Красных бригад»).³² Но серьёзный подход к подобной критике не должен мешать нам указывать на лицемерие феминисток, радостно осуждающих сексизм в поведении воинственных активистов, но прикрывающих его, когда в нём повинны пацифисты, — например, мы не должны наслаждаться сказкой о том, что Ганди научился ненасилию у своей жены, забывая при этом неприятно патриархальные аспекты их отношений.³³

Некоторые феминистки идут дальше конкретной критики и пытаются сфабриковать метафизическую связь между феминизмом и ненасилием: это и есть та самая «феминизация пассивности», упомянутая ранее. В статье, опубликованной в журнале города Беркли «Peace Power», Кэрол Флиндерс цитирует исследование учёных Университета Каролины, уверяющее, что женщины гормонально запрограммированы отвечать на опасность не механизмом «борьба или бегство», свойственным мужчинам, а механизмом «заботиться или подружиться». Согласно этим учёным, при угрозе женщины склонны «успокоить детей, всех накормить, погасить напряжение и наладить связь с другими женщинами».³⁴ Подобная популярная наука долгое время была удобным инструментом для воспроизведения патриархата путём доказывания существования естественных различий между мужчинами и женщинами. Люди же, поддаваясь столь красиво организованному и упорядоченному миру, слишком легко забывают основные математические принципы: условное деление человечества на

³¹ «Interview with Rote Zora», в: *Quiet Rumours*, ed. Dark Star Collective, 105.

³² О сексизме «Синоптиков» см.: Tani and Sera «False Nationalism» и Dan Berger «Outlaws of America: The Weather Underground and the Politics of Solidarity» (Oakland, CA: AK Press, 2005). О сопротивлении со стороны «Красных бригад» феминизму, который они полностью, без разбора, называли буржуазным, вместо того чтобы поддержать его радикальные грани, см.: Chris Aronson Beck et al. «Strike One to Educate One Hundred»: *The Rise of the Red Brigades in Italy in the 1960s-1970s* (Chicago: Seeds Beneath the Snow, 1986).

³³ Carol Flinders «Nonviolence: Does Gender Matter?». *Peace Power: Journal of Nonviolence and Conflict Transformation*, vol. 2, no. 2 (summer 2006). Флиндерс использует именно этот пример из жизни Ганди и даже хвалит прирождённый пацифизм «верных индийских жён».

³⁴ Там же.

два множества (мужчин и женщин), основанное на очень ограниченном числе характеристик, неизбежно создаёт различные средние показатели в каждом из множеств. Люди, не знающие, что средний показатель не выражает, а заслоняет многообразие в рамках множества, с радостью заявляют, что эти два множества — естественные категории, и заставляют людей чувствовать себя неестественными и ненормальными, если те недостаточно близки к среднему показателю в своём множестве (или если они, Боже упаси, ближе к среднему показателю другого множества).

Но Флиндерс не останавливается на этом, изначально трансфобном и гендерно-неотъемлемом³⁵ исследовании Университета Каролины. Она копает глубже, вплоть до «нашего отдалённого, дочеловеческого прошлого. В среде шимпанзе, наших ближайших родственников, именно самцы контролируют территорию, на которой питаются самки и детеныши... Самки редко выходят за эти границы; они чаще всего заняты прямой заботой о своем потомстве». Флиндерс уверяет: это доказывает, что «женщины никогда не были особенно приспособлены к прямому боевому столкновению» и «женщины склонны подходить (к ненасилию) с несколько другой стороны и даже переживают его совсем иначе».³⁶ Флиндерс делает ещё одну грубую научную ошибку, взяв при этом явно сексистский тон. Прежде всего, эволюционный детерминизм, на котором она основывается, неточен и не доказан — его популярность вызвана его удобством в оправдании угнетающих исторических социальных структур. Но даже в рамках этой сомнительной системы координат Флиндерс ошибается в своих предположениях. Люди не происходили от шимпанзе; скорее, оба вида произошли от общего предшественника. Шимпанзе так же современны, как и люди, и оба вида имели возможность эволюционного развития поведенческих моделей, отличных от общего прародителя. Мы не больше привязаны к гендерному разделению шимпанзе, чем они — к нашей склонности создавать огромное количество новых и новых слов, заслоняющих истину окружающего нас мира. Во-вторых, путь, приведший Флиндерс к утверждению о склонности женщин к ненасилию, также привёл её и к заявлению о том, что естественная роль женщины в том, чтобы успокаивать детей и всех кормить, — подальше от линии фронта. Флиндерс смело, хотя и случайно, продемонстрировала, что система убеждений, говорящая о мирном характере женщин, также заявляет, что роль женщины — готовить и растить детей. Эта система убеждений называется патриархатом.

Другая учёная-феминистка в своей статье с первых же слов расписывается в эссенциализме. Во втором абзаце работы «Феминизм и ненасилие: модель отношений» Патриция Лонго пишет:

«Годы исследований... показывают, что, несмотря на потенциальные проблемы, женщины последовательно участвуют в ненасильственной деятельности. Однако женщины выбирают ненасилие не потому, что хотят возвысить себя дополнительными страданиями, а по той причине, что данная стратегия соответствует их ценностям и ресурсам».³⁷

³⁵ Термин «гендерно-неотъемлемый» подразумевает, что гендер не является социальным конструктом, или же просто полезным, хотя и несовершенным разделением, но набором врождённых категорий, по сути неизменных и даже детерминистских.

³⁶ Flinders «Nonviolence: Does Gender Matter?»

³⁷ Patrizia Longo, «Feminism and Nonviolence: A Relational Model», The Gandhi Institute.

Ставя женский активизм в рамки ненасильственных тактик, пацифистки из феминистских рядов сначала должны дать определение женских «ценностей и ресурсов». Таким образом, чётко назвав характерные изначально женские черты, они сами же запирают женщин в рамках гендерной роли, ложно называемой природной, затыкая рот тем, кто не вписывается в эту роль.

Сложно судить, какая часть феминисток сегодня принимает эти установки эссенциализма, но, похоже, что значительная часть рядовых феминисток не согласны с идеей того, что феминизм и ненасилие являются или должны быть неразрывно связаны. На одном дискуссионном форуме десятки пользователей, идентифицирующих себя как феминистки, отвечали на вопрос: «Существует ли связь между ненасилием и феминизмом?». Большинство респондентов, притом что часть из них придерживались пацифизма, а многие — нет, выразили убеждение, что феминистки не должны поддерживать ненасилие. Одно из сообщений суммирует результаты:

«В феминизме по-прежнему существует распространённое мнение, связывающее женщин с ненасилием. Но существуют также многие феминистки, включая меня, не желающие, чтобы нас автоматически связывали с некоей позицией (то есть ненасилием) только из-за наших гениталий или нашего феминизма».³⁸

³⁸ «Feminism and Nonviolence Discussion», февраль-март 1998 г.

V. Ненасилие ущербно тактически и стратегически

Ненасильственные активисты, которые стремятся выглядеть настоящими стратегами, часто заменяют разработку реальной стратегии смелыми клише, например: «Насилие — сильная сторона правительства. Мы должны идти по пути наименьшего сопротивления и нанести удар государству, когда оно будет слабым».¹ Пора уже различать формирование стратегии и скандирование лозунгов и начать мыслить немного глубже.

Начнём с ряда определений. Значения, которые я вкладываю в нижеследующие термины, не универсальны, но, пока мы используем их последовательно, они будут более чем подходящими для наших целей. Стратегия — не цель, не девиз и не действие. Насилие не является стратегией так же, как и ненасилие.

Эти два термина («насилие» и «ненасилие») являются воображаемыми барьерами, окружающими наборы тактик. Ограниченный набор тактик сокращает возможные варианты стратегий, но тактики всегда должны вытекать из стратегии, а стратегии, в свою очередь, — из цели. К сожалению, в наши дни люди часто делают всё в обратном порядке: например, используют в качестве тактики свою обычную реакцию в типичных обстоятельствах или выстраивают тактики в стратегию, обладая при этом крайне смутным представлением о цели.

Цель — это конечная точка. Это условие, выполнение которого означает победу. Конечно, есть ближайшие цели и конечные цели. Возможно, наиболее реалистичным подходом будет избегать линейности и представить конечную цель как горизонт, самую дальнюю из всех точек назначения. Со временем она будет изменяться, ведь промежуточные вехи, ранее далёкие, становятся всё яснее, возникают новые цели, и никогда нельзя достигнуть статического или утопического состояния. Для анархистов, желающих мира без принудительных иерархий, конечной целью на сегодняшний день представляется уничтожение набора взаимосвязанных систем, включающего в себя государство, капитализм, патриархат, господство белой расы и все формы цивилизации, губящие природу. Эта конечная цель очень далеко — так далеко, что многие из нас избегают думать о ней, поскольку понимают, что не всегда полностью верят в её осуществимость. Сосредоточиться на животрепещущих реалиях, конечно, важно, но игнорирование цели гарантирует, что мы никогда её не достигнем.

Стратегия — это путь, план игры по достижению цели. Это скоординированная симфония ходов, ведущая к мату. Потенциальные революционеры в США и, наверное, везде наиболее небрежны в вопросах стратегии. Они имеют смутное представление о

¹ Я слышал эту формулировку как минимум от трёх разных ненасильственных активистов, включая юных экологов и старых активистов движения за мир. Не знаю, почерпнули ли они эту идею из

цели, интенсивно вовлечены в тактики, но зачастую абсолютно забывают о создании жизнеспособной стратегии и следовании ей. В одном отношении ненасильственные активисты, как правило, на шаг опережают революционных: у них часто есть хорошо разработанные стратегии по достижению краткосрочных целей. Обратной стороной этого является полное избегание ими среднесрочных и долгосрочных целей — возможно, потому, что краткосрочные цели и стратегии пацифистов приводят их в тупики, признание которых крайне бы их деморализовало.

Наконец, у нас есть тактики, то есть действия и типы действий, приводящие к результатам. В идеале эти результаты производят слаженное воздействие, создавая инерцию или концентрируя силы на отрезках, обозначенных стратегией. Написание письма — это тактика. Швыряние кирпича в витрину — это тактика. Обескураживает, что всё противоречие между «насилием» и «ненасилием» является просто спором о тактиках, когда люди, по большей части, даже не выяснили, совместимы ли их цели и дополняют ли друг друга их стратегии или, наоборот, мешают. Перед лицом геноцида, вымирания, тюремных сроков, тысячелетнего наследия угнетения и деградации мы предаём союзников или отрекаемся от участия в борьбе по тривиальным причинам типа битвы витрин или использования оружия? От этого кровь закипает!

Возвращаясь к холодному и взвешенному анализу этих вопросов, стоит заметить, что цели, стратегии и тактики определённым образом коррелируют на общем поле, но одно и то же действие может рассматриваться как цель, стратегия или тактика — в зависимости от ситуации и угла зрения. Есть разные уровни важности, и взаимодействие между элементами конкретной цепочки «цель-стратегия-тактика» существует на каждом уровне. Краткосрочная цель может быть долгосрочной тактикой. Предположим, что в следующем году мы хотим открыть бесплатную больницу — это наша цель. Мы останавливаемся на нелегальной стратегии (всё взвесив и решив, что мы можем заставить местные власти предоставить нам небольшую автономию или действовать у них на виду, используя уже существующие островки автономии) и наборе тактик, доступных нам, который может включать в себя сквотирование здания, неформальный сбор денег и самообучение популярной (непрофессиональной) медицине. Теперь предположим, что в течение своей жизни мы хотим свергнуть государство. Наш план нападения может заключаться в построении воинственного народного движения, поддерживаемого автономными институтами, с которыми люди себя идентифицируют и которые они готовы отстаивать от неизбежных правительственных репрессий. С такой точки зрения, организация бесплатных больниц — всего лишь тактика, одно из многих действий, накапливающих силы на отрезках, обозначенных стратегией, очерчивающей путь по достижению цели в виде освобождения от государства.

Я уже достаточно критиковал тенденцию пацифистов объединяться скорее на основании общих тактик, нежели целей, поэтому теперь, оставив в стороне либеральных, про-режимных пацифистов, попробуем великодушно предположить примерную общность целей у ненасильственных и революционных активистов. Давайте притворимся, что все мы хотим полного освобождения. При таком условии разница

общего источника или пришли к ней взаимонезависимо, но это прославление капитуляции, безусловно, логически вытекает из их позиции.

между нами остаётся только в стратегиях и тактиках. Ясно, что общий набор тактик, доступных ненасильственным активистам, неполноценен, поскольку они могут использовать только около половины вариантов, возможных для использования революционными активистами. В тактическом плане ненасилие — не более, чем жёсткое ограничение по опциям. Чтобы ненасилие было эффективнее революционного активизма, разница должна быть в стратегиях, в такой организации тактик, которая, при полном избегании «насильственных» методов, давала бы непревзойденные преимущества.

Четыре основных типа пацифистской стратегии — морализм, лоббистский подход, создание альтернатив и общее неповиновение. Различия между ними условны, и в определённых случаях пацифистские стратегии смешивают элементы двух и более из этих типов. Я продемонстрирую, что на самом деле ни один из перечисленных методов не предоставляет ненасильственным активистам преимущества; прямо скажем, все они слабы и близоруки.

Морализм стремится достичь перемен путём влияния на мнения людей. Как такая, эта стратегия абсолютно ошибочна. В зависимости от конкретного варианта — просветительской деятельности или занятия высокоморальной позиции — некоторые тактики могут быть полезными, но, как мы увидим, они ни к чему не приводят.

Первая разновидность этого типа стратегии — просвещать людей, распространять информацию, пропагандировать, изменять мнения людей и благодаря проводимой кампании добиваться народной поддержки. Это может быть информированием людей о жизни в нищете, побуждающим их противодействовать закрытию приюта для бездомных. Это также может быть просвещением народа по поводу репрессий правительства, ведущим к поддержке народом анархии. (Важно заметить, что в этих двух примерах речь идёт о вербальной и моральной поддержке. Просвещение может побудить людей помогать деньгами или присоединиться к акции протеста, но редко вдохновляет их на смену жизненных приоритетов или принятие на себя значительной доли риска.) Тактики, используемые в стратегии просвещения, включают в себя проведение выступлений и форумов, раздачу брошюр и других информационных материалов, использование альтернативных и корпоративных СМИ для повышения внимания к проблеме, проведение протестных акций и митингов для создания пространства, на котором возможно обсуждение проблемы, а также привлечение новых заинтересованных людей к её решению. Большинству из нас знакомы эти тактики, поскольку они используются всеми нами в рамках обычной стратегии по достижению перемен. Нас учат, что информация — фундамент демократии. И мы, не выявив истинного смысла этого заявления, думаем, что это означает, будто мы можем добиться перемен путём распространения идей, подтверждённых фактами. Эта стратегия может быть умеренно эффективной для достижения крайне незначительных и мимолётных побед, но она натывается на несколько критических препятствий, не допускающих серьёзного продвижения в сторону любых долгосрочных целей.

Первым препятствием является контролируемая элитой развитая система пропаганды, способная уничтожить любую конкурирующую информационную структуру, создаваемую ненасильственными активистами. Пацифизм не может даже защититься от поглощения и размывания — как же тогда пацифисты надеются расширяться и вербовать новых сторонников? Ненасилие концентрируется на изменениях в серд-

цах и головах, но при этом недооценивает роль культурной индустрии и контроля СМИ над сознанием людей.

«Сознательная и умная манипуляция организованными привычками и мнениями масс является важным элементом демократического общества. Контролирующие этот скрытый общественный механизм составляют невидимое правительство, по настоящему руководящее нашей страной».²

Фраза, приведённая выше и написанная в 1928 г., взята из влиятельной книги Эдварда Бернайса «Пропаганда». Бернайс не был каким-то маргинальным теоретиком-конспирологом, на самом деле он во многом был частью невидимого правительства, описываемого им самим.

«В число клиентов Бернайса входили „General Motors“, „United Fruit“, Томас Эдисон, Генри Форд, Государственный департамент США, а также Департаменты здравоохранения и коммерции, Самуэль Голдвин, Элеонора Рузвельт, „American Tobacco Company“ и „Procter & Gamble“. Он возглавлял пиар-кампании каждого из президентов США от Калвина Кулиджа в 1925 г. до Дуайта Эйзенхауэра в конце 1950-х гг.».³

С тех пор индустрия по связям с общественностью, которой Бернайс помог сформироваться, только выросла.

Противодействуя местной стихийной кампании или более широкомасштабной борьбе за революцию, машина пропаганды может мобилизоваться и отбить, дискредитировать, расколоть или заглушить любую идеологическую угрозу. Возьмём для примера недавнее вторжение США в Ирак. Оно должно было стать образцом успеха просветительской стратегии. Информация была налицо — факты, разоблачающие ложь об оружии массового поражения и связях Саддама Хуссейна с «Аль-Каидой», были доступны общественности за месяцы до начала вторжения. Налицо было и недовольство народа — протесты перед вторжением были огромными, хотя роль их участников редко выходила за рамки вербального и символического действия, что естественно для стратегии просвещения. Налицо были и альтернативные СМИ — благодаря Интернету они донесли информацию до особенно большого количества американцев. Но подавляющее большинство американцев (за которых борется просветительская стратегия) не выступало против войны до тех пор, пока корпоративные СМИ не начали регулярно публиковать информацию о фальшивости причин, из-за которых началась война, и, что важнее, о накладных расходах на оккупацию. Причём, как всегда, корпоративные СМИ не разглашали эту информацию до тех пор, пока значительная часть элиты сама не обратилась против войны — не потому, что война плоха, не в результате просвещения или озарения, но потому, что они поняли: она становится контрпродуктивной для интересов и власти США.⁴ Даже в таких идеальных условиях ненасильственные активисты, используя просветительскую стратегию, не смогли соперничать с корпоративными СМИ.

В том, что можно описать как отупляющую массовую культуру, бесконечное повторение и почти тотальный информационный контроль корпоративных СМИ оказыва-

² Стефен Бендер приводит эту цитату из книги Бернайса в своей статье: «Propaganda, Public Relations, and the Not-So-New Dark Age», LiP, winter 2006: 25.

³ Там же, 26.

⁴ Вопрос пропаганды через СМИ подробно рассмотрен в книгах: Noam Chomsky and Edward Herman «Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media» (New York: Pantheon Books, 1998) и Noam

ются куда более эффективными, чем солидные, хорошо исследованные аргументы, подкреплённые фактами. Надеюсь, все пацифисты понимают, что корпоративные СМИ в такой же мере являются проводниками власти, как и полиция с армией.

Осознав это, многие активисты смотрят в сторону альтернативных СМИ. Но, хотя их распространение и дальнейшая радикализация и являются важной задачей, это не может стать основой стратегии. Очевидно, что, хотя в определённых обстоятельствах альтернативные СМИ могут быть эффективным инструментом, они не способны играть наравне с корпоративными СМИ, прежде всего из-за огромной разницы в масштабах. Многие рыночные и юридические факторы насильственно сдерживают развитие альтернативных СМИ. Доставлять информацию миллионам людей дорого, и нет спонсоров, готовых широкомасштабно финансировать революционную прессу. Замкнутый круг заключается в том, что, пока большинство населения по убеждению извне избегает радикальных источников информации и успокоено культурой самодовольства, лояльной читательской массы для подписки и финансирования реально массовых радикальных СМИ не будет. Помимо давления рынка, существует проблема регулирования и вмешательства со стороны правительства. Радиоволны являются собственностью государства, которое может глушить радикальные радиостанции, сумевшие найти финансирование, или тайно вредить им — и делает это.⁵ Правительства по всему миру — возглавляемые, разумеется, США — также завели привычку подавлять радикальные веб-сайты путём заключения в тюрьму администратора сайта по сфабрикованным обвинениям или захвата оборудования и отключения серверов на основании некоего расследования по делу о терроризме.⁶

Второй барьер на пути просвещения людей о необходимости революции — системно закреплённое неравенство в доступе людей к образованию. Большинство людей сейчас неспособны анализировать и синтезировать информацию, бросающую вызов основополагающим мифологиям, на которых основаны их идентичности и мировоззрение. Это правило действует независимо от классового деления. Люди из бедной среды чаще необразованны и содержатся в интеллектуальной среде, препят-

Chomsky «Necessary Illusions» (Boston: South End Press, 1989). По мере роста иракского партизанского движения в течение последующих месяцев после объявления президента Буша об окончании основной части военной операции большое количество чиновников ЦРУ и высших чинов Пентагона изменили свою позицию. Они выступали с публичными заявлениями, условно разделяемыми на три категории, очевидно сосредоточенные на гегемонии США: вторжение было плохо подготовлено, оно вредит нашему имиджу за рубежом и оно уже критически тяжело для наших вооружённых сил.

⁵ Любопытный человек, знакомый с независимыми СМИ, наверняка знает несколько примеров независимых и пиратских радиостанций, заглушённых Федеральной комиссией по связи (а также криминализации государством независимого радио в последние годы, что привело к расширению так называемого «пиратского радио»). Статьи с подробностями по конкретным случаям правительственных репрессий против этих радиостанций: «Pirate Radio Station Back On San Diego Airwaves», Infoshop News, January 6, 2006 и Emily Pyle, «The Death and Life of Free Radio», The Austin Chronicle, June 22, 2001. Также известна борьба между «KPFA» и «Pacifica Radio», в которой корпоративный владелец по сути представлял государство.

⁶ «Инди-медиа» являются главной целью этих репрессий. Архив центрального сайта «Indymedia» (www.indymedia.org) содержит, возможно, самую подробную летопись государственных репрессий против различных сайтов инди-медиа по всему миру. В США Шерман Остин, анархист и администратор успешного революционного сайта «Raise the Fist», был заключён в тюрьму на год по сфабрикованным обвинениям. На момент написания этой книги его свобода ограничена, включая запрет пользоваться Интернетом. Федеральное правительство закрыло его сайт.

ствующей развитию их словарного запаса и аналитических навыков. Избыточное образование состоятельных людей превращает их в дрессированных обезьян; их старательно научили использовать аналитические навыки только для защиты или развития существующей системы. Они неисправимо скептически, иронически настроены по отношению к революционным идеям и к заявлениям, что существующая система прогнила до основания.

Вне зависимости от экономического класса, к которому они принадлежат, большинство людей в США ответят на радикальные информацию и анализ силлогизмами, морализмом и полемикой. Они скорее поверят политическим обозревателям, аргументирующим расхожее мнение знакомыми лозунгами, чем людям, предоставляющим шокирующие факты и анализ. Чтобы воспользоваться действенным методом корпоративных СМИ, активисты, выбирающие просветительский подход, зачастую упрощают свою информацию до абсурда, чтобы также воспользоваться сполна силой клише и банальностей. Примерами могут послужить антивоенные активисты, заявляющие, что «выступать за мир патриотично» поскольку в сегодняшнем семиологическом поле было бы слишком сложно объяснить, в чём проблема патриотизма (никогда не бойтесь минировать поля!), или сторонники «культуры глушения», стремящиеся подобрать радикальные «мемы».⁷

Третий барьер — ложная надежда на могущество идей. Просветительский подход, похоже, предполагает, что революционная борьба — это соревнование идей; что идея, время которой пришло, обладает какой-то особенной силой. Это чистой воды морализм, игнорирующий то, что значительная часть людей на стороне власти прекрасно знает, что они делают — особенно в США. Из-за лицемерия нашего времени люди, получающие выгоды от патриархата, господства белых, капитализма или империализма (практически всё население обеспеченных стран) любят оправдывать своё соучастие в системах господства и угнетения любым количеством альтруистической лжи. Но опытный спорщик заметит, что большинство из этих людей, даже будучи загнанными в угол неопровержимыми доводами, не испытывают прозрения. Нет, они примитивно огрызаются, защищая то зло, которое даёт им привилегии. Как правило, белые люди предъявляют счёт за блага цивилизации и настаивают, что их изобретательность даёт им право на выгоды, являющиеся наследием рабства и геноцида: богатые заявляют, что у них больше прав на владение фабрикой или недвижимостью на сорок гектар, чем у бедного человека — на еду и кров; мужчины шутят о том, что они сильный пол и об исторически гарантированном праве насильствовать; граждане США даже тогда, когда у них не получается скрывать истинную природу глобальных экономических отношений, воинственно заявляют, что они имеют право на нефть, или бананы, или труд других людей. Мы забываем, что над новыми стратегиями поддержания существующей структуры власти и повышения её эффективности постоянно работают множество специалистов, будь то учёные, корпоративные консультанты или разработчики правительственных планов. Демократические иллюзии достаточно распространены, и, в итоге, просвещение способно убедить лишь сравнительно малую часть представителей привилегированных сло-

⁷ См.: Kalle Lasn «Culture Jam» (New York: Quill, 2000) — Калле Ласн ужасает безудержным оптимизмом: она полагает возможным изменение общества путём распространения простых идей.

Акция против войны в Ираке.

ёв населения по-настоящему поддержать революцию. Привилегированные люди, находящиеся на более высоких уровнях, прекрасно понимают, что и зачем они делают и в чём заключаются их интересы. Когда борьба приближается к метрополии, угрожая тем привилегиям, на которых основаны мировоззрение и жизненный опыт этих людей, ставя под вопрос возможность отделаться комфортной, просвещённой революцией, у них возникают внутренние противоречия. Чтобы провести болезненную, затяжную борьбу, которая уничтожит структуры власти, захватившие самую идентичность людей, народу нужно нечто большее, чем просвещение.

Просвещение не обязательно приведёт людей к поддержке революции, а даже если и добьётся этого, оно не сможет аккумулировать силу. Вопреки максиме информационного века, информация не равна власти. Вспомните, что выражение «*Scientia potentia est*» («Знание — сила») является дежурной фразой тех, кто уже у руля государства. Информация сама по себе маловажна, но она направляет силу в эффективное русло; в ней заключено то, что военные стратеги называют «эффектом умножения силы». Если мы изначально имеем социальное движение с нулевой силой, мы можем умножать эту силу на любое желаемое число и всё равно в итоге получать большой, жирный ноль. Грамотное просвещение может направить усилия мощного социального движения, как полезная информация направляет стратегии правительств, но информация сама по себе ничего не изменит. Праздно циркулирующая радикальная информация в данном контексте только даёт правительству больше возможности для тонкой настройки своей пропаганды и своих руководящих стратегий. Люди, пытающиеся прийти к революции через просвещение, заливают степной пожар бензином, надеясь, что, питаясь правильным видом топлива, огонь перестанет их жечь.

С другой стороны, просвещение может быть эффективным, как бомба, когда оно интегрировано в иные стратегии. Скажем, многие формы просвещения необходимы для построения воинственного движения и для изменения иерархических социальных ценностей, стоящих на пути у свободного, кооперативного мира. Воинственным движениям приходится много заниматься просвещением, чтобы объяснять, почему они борются силой за революцию и почему они разочаровались в легальных методах. Между тем воинственные тактики дают такие возможности для просвещения, которых никогда не открывает ненасилие. Благодаря их основным принципам корпоративные СМИ не могут игнорировать взрыв с такой же лёгкостью, с которой они игнорируют мирный протест.⁸ И хотя СМИ будут клеветать на такие действия, но

⁸ В отличие от государственных СМИ СССР, которым мало верило его собственное циничное население, корпоративные СМИ должны быть цельной медийной системой, создающей иллюзию, что она выше политической пропаганды. Так, если люди по пути на работу видят мирную акцию протеста, но ничего не слышат о ней в новостях, они не видят в этом ничего плохого. Людей вне движения не нужно долго убеждать в том, что такая акция протеста к ним не относится; поэтому редакторы новостей могут притвориться, что отвечают на запросы своей аудитории, умалчивая о пикете. Но если люди по дороге на работу видят беспорядки или обнаруживают, что перед банком взорвалась бомба, и не могут найти ссылок на эти события в основных СМИ, они будут склонны искать эту информацию в других источниках и выяснять, что ещё СМИ от них скрывают. Одна из причин, по которым корпоративная демократическая система является более эффективной тоталитарной моделью, чем однопартийное авторитарное государство, заключается в том, что она должна скорее отвечать на вызовы, чем игнорировать их.

всё же, чем больше образов насильственного сопротивления люди получают через СМИ, тем сильнее разрушается наркотическая иллюзия социального мира. Люди увидят, что система нестабильна и изменения действительно реальны, и, таким образом, смогут преодолеть величайшее препятствие, созданное капиталистическими демократиями с опорой на СМИ. Беспорядки и подрывная деятельность крайне успешно создают бреши в этом доминирующем нарративе стабильности. Конечно, для просвещения людей требуется гораздо большее. В конечном счёте мы должны уничтожить корпоративные СМИ и заменить их полностью самоуправляемыми. У людей, пользующихся различными тактиками, это может получаться гораздо эффективнее благодаря многим оригинальным способам: саботажу корпоративных газет, радиостанций и телевизионных каналов; перехвату контроля над корпоративным медиаканалом и проведению антикапиталистической передачи; защите народных медиаканалов и наказанию агентств, ответственных за их подавление, или экспроприации денег для финансирования и резкого увеличения возможностей народных СМИ.⁹

Сохранение высокоморальной позиции, что является более открыто-моралистической вариацией на тему той же стратегии, имеет несколько другой набор недостатков, но тоже ведёт в тупик. В краткосрочной перспективе стратегия занятия высокоморальной позиции может быть эффективной, и она легка в применении, когда твоими противниками являются политики, исповедующие господство белой расы, шовинизм и капитализм. Активисты могут использовать митинги, пикеты и различные способы разоблачения и самопожертвования, чтобы показать аморальность правительства на конкретном примере или в целом, и позиционировать себя как праведную альтернативу. Антивоенные активисты движения «Орала» часто используют этот подход.

Как разновидность стратегии борьбы за социальные перемены занятие высокоморальной позиции ослабляется критической проблемой малоизвестности, которую, учитывая барьер корпоративных СМИ, обсуждавшийся выше, трудно преодолеть. Кроме того, в демократиях, опирающихся на СМИ, превращающих основную часть политики в конкурс популярности, люди вряд ли будут рассматривать крошечную, малоизвестную группу как моральный ориентир или образец для подражания. Помимо этого, «высокоморальный» подход обходит проблему просвещения непросвещённого населения, опираясь на существующие моральные ценности и упрощая революционную борьбу до ревностного следования нескольким принципам.

Группа, сосредоточенная на занятии высокоморальной позиции, привлекает потенциальное пополнение тем, чего корпоративные СМИ предложить не могут, — экзистенциальной ясностью и чувством принадлежности. Пацифисты из движения «Орала» и антивоенные голодовщики часто ведут свою деятельность всю сознательную жизнь. Однако корпоративные СМИ — не единственный институт, фабрикующий

⁹ Российские анархисты в эпоху революции 1905 г. финансировали свои широкие пропагандистские кампании и издание агитационной литературы за счёт экспроприации правящего класса. Paul Avrich «The Russian Anarchists» (Oakland: AK Press, 2005), 44–48, 62. Сочетая просвещение с воинственными тактиками, изначально нищие люди смогли купить печатные станки и донести анархистские идеи до массовой аудитории.

социальный конформизм. Церкви, «Орден лосей»¹⁰ и бойскауты также занимают эту нишу. Учитывая акцент, который все эти высокоморальные группы делают на принятии внутригрупповой культуры и ценностей, возможность критического дискурса или оценки внутренней морали невелика. Поэтому высокая степень реалистичности и честности вашей моральной позиции даёт мало преимуществ. Большее значение имеет демонстрация этой позиции, и здесь основные моральные институты гораздо сильнее пацифистских групп за счёт доступа к ресурсам. Другими словами, они подняты до более высокой отметки и лучше видны обществу, поэтому в борьбе за приток кадров они побеждают с огромным отрывом. В связи с атомизацией и отчуждением современной жизни существует множество пустот, не заполненных этими моральными институтами, и тысячи одиноких обывателей, по-прежнему ищущих чувства принадлежности, но радикальные пацифисты, в лучшем случае, смогут привлечь лишь меньшую их часть.

Но зато те, кого они смогут привлечь, будут более воодушевлены, чем члены глубоко просветительского движения. Люди на многое пойдут ради борьбы за цель, в которую они верят, за морального лидера или идеал. При этом моралистическое движение имеет больший силовой потенциал, чем просветительское, становясь опасным (возможностью постепенного отказа от пацифизма). Но горе его союзникам. Такое движение будет широко проявлять авторитарность и ортодоксальность, оказываясь особенно уязвимым для раскола. Им также будет легко манипулировать. Возможно, нет лучшего примера, чем христианство, эволюционировавшее от оппозиционного движения до могущественного оружия Римской империи, от пацифистского культа до самой патологически жестокой и авторитарной религии из всех известных человечеству.

В обеих вариациях моралистического подхода к пацифистской стратегии целью является склонение большей части общества к участию в движении или к его поддержке. (Оставим в стороне смехотворные попытки вразумления властей или внушения им чувства стыда, чтобы они поддержали революцию.) Однако и просвещение, и морализм испытывают постоянные проблемы в погоне за этим большинством из-за эффективного структурного контроля над культурой в современных обществах. В том маловероятном случае, если эти трудности удалось бы преодолеть, ни одна из двух вариаций функционально неспособна завоевать больше, чем простое большинство, поскольку занятие высокоморальной позиции обязательно влечёт за собой создание «другого», стоящего ниже, для противостояния ему. Даже если просвещение могло бы стать более эффективным инструментом для работы с привилегированными людьми, оно не сработает против элиты и принуждающего класса, имеющих сильную материальную мотивацию и культурно связанных с системой.

В самом лучшем случае стратегии этого типа приведут к созданию оппозиционного, но пассивного большинства, которое, как показывает история, легко контролировать вооружённому меньшинству (так происходит, например, при колониализме). Такое большинство всегда сможет переключиться на другой тип стратегии, включающий борьбу и победу, но без всякого опыта или даже интеллектуального и

¹⁰ Benevolent and Protective Order of Elks («Благотворительный и покровительствующий орден лосей») — социальный клуб, существующий в США с 1868 г. — прим. пер.

морального знакомства с реальным сопротивлением, переход будет труден. В это же время правительство обратится за помощью к легко эксплуатируемым недостаткам, присутствующим в стратегии морализаторства, и таким образом мнимое революционное движение загнало бы себя в ужасно невыгодную битву, пытаясь завоевать сердца и мысли без уничтожения структур, отравивших эти сердца и мысли.

Просвещение и построение этики освобождения необходимы для полного выкорчёвывания иерархических социальных отношений, но есть конкретные институты, такие как суды, школы, армейские учебные лагеря и пиар-фирмы, обладающие структурным иммунитетом к «изменениям в сердце». Они автоматически вмешиваются в жизнь общества, внедряя людям мораль, поддерживающую иерархические социальные отношения, капиталистическое производство и потребление. Лишая себя непацифистских способов усилить движение и ослабить или саботировать эти институты, мы остаёмся в тонущей лодке с маленьким ведром для вычёрпывания воды, хлещущей внутрь через трёхметровую дыру, и притворяемся, что скоро достаточно поднимемся над уровнем волн, чтобы поднять парус и плыть к своей цели. Это похоже на строительство воздушных замков и, по большому счёту, даже не должно считаться стратегией. В краткосрочной битве против строительства по соседству новой угольной шахты или мусоросжигательного завода вполне можно организовать грамотную мирную медиа-стратегию (особенно, если ваша кампания по просвещению включает в себя информацию о том, как шахта навредит привилегированному населению района). Но при стремлении к любым долгосрочным изменениям такие стратегии обычно даже не способны успешно привести к своему неизбежному тупику.

Потенциальные революционеры, подходя к своей борьбе как к морализму, а также при выборе ими лоббистского подхода, демонстрируют неспособность ненасилия концентрировать реальные силы. Лоббирование было встроено в политический процесс институтами, уже обладавшими значительной властью (например, корпорациями). Активисты могут аккумулировать силы, организуя акции протеста, демонстрирующие существование электората (дающего выгоды их лоббисту), но этот метод переплавки сил в лобби, в абсолютном выражении, гораздо слабее, чем холодные, жёсткие деньги корпораций. Поэтому «революционные» лобби бессильны по сравнению с враждебными лобби, отстаивающими статус-кво. Лоббирование также приводит к иерархии и ослабленному движению. Большинство участников остаются просто овцами, подписывающими петиции, собирающими деньги или держащими протестные транспаранты, а вся власть достаётся образованному, хорошо одетому меньшинству, стремящемуся на аудиенцию к политикам и другим элитам. Лоббисты постепенно начинают больше идентифицировать себя с властью, чем со своим электоратом — ухаживая за властью, они влюбляются в неё, что делает вероятным предательство. Если политики сталкиваются с морально твёрдым, бескомпромиссным лоббистом, они просто отказывают ему в праве кого-либо представлять, выбивая почву из-под ног у его организации. Лоббисты наиболее успешны, когда они готовы поступиться своим электоратом (представительская политика в демократии — искусство продавать свой электорат, сохраняя его лояльность). Некоторые группы, ставя целью оказание давления на власти, не назначают никаких конкретных лоббистов, избегая таким образом возникновения руководящей элиты,

которую система кооптирует; но при этом они не прекращают своей деятельности, заставляя систему измениться.

Ненасильственные активисты, использующие стратегию лоббизма, пытаются выстраивать пассивную «прагматичную политику» как рычаг давления. Но единственный рычаг давления на государство, преследующий интересы, противоположные государственным, — это угроза самому существованию государства. Только такая угроза может заставить государство пересмотреть другие свои интересы, поскольку основным интересом государства является самовоспроизводство. В своей аналитической работе по истории мексиканской революции и распределения земли Джон Тутино указывает: «Но только самые упорные и зачастую жестокие восставшие, такие как сапатисты, получили землю от нового правительства Мексики. Урок был ясен: землю получили только те, кто угрожал режиму; поэтому те, кто хочет земли, должны угрожать режиму».¹¹ И это ещё о правительстве, формально дружественном мексиканским аграрным революционерам, — чего же пацифисты надеются получить от правительств, чьей важнейшей опорой, по его собственному признанию, выступают корпоративные олигархи? Франц Фанон высказал ту же, что и Тутино, идею на примере Алжира:

«Когда в 1956 г. ... „Фронт национального освобождения“ в знаменитой брошюре заявил, что колониализм ослабляет свою хватку только тогда, когда чувствует нож у своего горла, никто из алжирцев не счёл эту формулировку слишком жестокой. Брошюра выражала только то, что каждый алжирец чувствовал сердцем: колониализм — не мыслящая машина и не тело, наделённое способностями к рассуждению. Это насилие в его первоначальном виде, и оно сдастся только тогда, когда столкнётся с ещё большим насилием».¹²

Примеры алжирской и мексиканской революций относятся ко всей истории. Борьба с властью будет насильственной, поскольку власть сама имеет насильственный характер и неизбежные репрессии являются эскалацией этого насилия. Даже «доброе правительство» не станет перераспределять власть, одаривая ей нижестоящих, до тех пор, пока не столкнётся с угрозой потери всей своей власти. Лоббирование социальных перемен является для радикальных движений потерей драгоценных ресурсов. Представьте, что было бы, если бы все миллионы долларов и сотни тысяч активистских часов, потраченные прогрессистами и даже радикалами на лоббирование того или иного закона или борьбу с переизбранием какого-либо политика, вместо этого пошли бы на поддержку активистских социальных центров, бесплатных больниц, групп помощи заключённым, общественных центров по разрешению конфликтов и бесплатных школ? Мы бы уже смогли заложить фундамент серьёзного революционного движения. Вместо этого огромные усилия тратятся впустую.

Более того, активисты, использующие лоббистский подход, не видят, что предъявлять требования к власти — плохая стратегия. Ненасильственные активисты вкладывают всю свою энергию в то, чтобы заставить власти услышать свои запросы, хотя могли бы использовать эту энергию для накопления сил, для строительства базы,

¹¹ John Tutino, «From Insurrection to Revolution in Mexico: Social Bases of Agrarian Violence, 1750–1940» (Princeton: Princeton University Press, 1986), 6.

¹² Fanon, «The Wretched of the Earth», 61.

Французский солдат стреляет в мирного алжирца на глазах у журналистов.

откуда можно вести войну. Даже если им повезет и они будут услышаны, чего они добьются? В лучшем случае правительство пробормочет краткие извинения, слегка испортит свой имидж и выполнит требования на бумаге (хотя в реальности они просто перетасуют все компоненты проблемы, чтобы её запутать). Так активисты лишатся инициативы и набранной инерции. Им придётся перейти в оборону, поменять направление деятельности и скорректировать свою кампанию, чтобы указать, что реформа является надувательством. Разочарованные члены их организации рассеются, а широкая публика будет воспринимать организацию как нытиков, которым невозможно угодить. (Неудивительно, что так много активистских организаций, ориентированных на лоббирование, заявляют о победе, в лучшем случае, полной компромиссов!)

Рассмотрим, например, деятельность «Организации надзора за Школой Америк» (SOA Watch). Более дюжины лет организация использовала ежегодные пассивные протесты, документальные фильмы и просветительские программы для накопления лоббистского ресурса, чтобы уговорить политиков поддержать закон о закрытии «Школы Америк» (SOA) — военной школы, обучившей десятки тысяч латиноамериканских офицеров и солдат, участвовавших впоследствии в большинстве самых жестоких нарушений прав человека и зверств в своих родных странах. К 2001 г. SOA Watch почти добилась достаточной поддержки в Конгрессе, чтобы провести закон, закрывающий «Школу Америк». Чувствуя опасность, Пентагон просто представил альтернативный законопроект, «закрывающий» SOA и в то же время немедленно открывавший её снова под другим именем. Политики воспользовались удобным выходом из ситуации и утвердили законопроект Пентагона. Долгие годы после этого SOA Watch не могла вернуть себе поддержку многих политиков, заявлявших теперь, что хотят подождать и посмотреть, не стала ли «новая» школа лучше. Если SOA Watch когда-нибудь добьётся закрытия этой школы, как бы та себя ни называла, военные могут просто перенести свои пыточные курсы на другие военные базы и в национальные программы военной подготовки или передать большую часть этой работы военным советникам за рубежом. Если это случится, SOA Watch окажется в ловушке без жизнеспособной стратегии, не нанеся никакого урона милитаризму США.¹³ Когда это закон или пакт мешал правительству США делать то, что оно хотело?

Напротив, если бы радикалы изменили свой подход на прямую борьбу с милитаризмом США и смогли бы стать реальной угрозой, даже не подходя к столу переговоров, испуганные правительственные чиновники начали бы предлагать компромиссы и

¹³ В последнее время SOA Watch сумела несколько продвинуться вперёд за счёт работы с латиноамериканскими режимами. Несколько южноамериканских правительств с левым уклоном, а именно Венесуэла, Уругвай и Аргентина, согласились больше не направлять своих солдат и офицеров в SOA. Это ещё один пример того, что пацифисты вынуждены полагаться на правительства, являющиеся насильственными институтами, для достижения своих целей. В частности, они сотрудничают с правительствами, которые бросили вызов «Вашингтонскому консенсусу», вследствие чего менее заинтересованы в обучении их войск в США. Тем не менее все эти правительства активно душили народные движения методами, включающими в себя подавление оппозиционных СМИ и убийство протестующих. Поскольку эти правительства восходят к авторитарным левым, они кооптировали и раскололи сопротивление. Конечный результат такой же, как и при их более тесном союзе с Вашингтоном: контроль. Также полезно отметить, что в некоторых из этих случаев, особенно в Аргентине, воинственные общественные движения сыграли важную роль в свержении прежних правительств, близких к США, и избрании левых.

проводить реформы, чтобы предотвратить революцию. Деколонизация, узаконивание общих гражданских прав, да и почти каждая из других важных реформ была выиграна именно так. Радикалам не нужно запира́ть себя в какие-то рамки или готовиться к предательству, полагаясь на лоббистов или садясь за стол переговоров. Отказываясь смиряться, революционеры добиваются лучшей сделки, чем те, чья цель — торговаться. Даже проигрывая, воинственные движения обычно приводят к реформам. «Красные бригады» в Италии потерпели полное поражение, но они создали такую угрозу, что итальянское государство ввело множество далеко идущих социально и культурно прогрессивных мер (например, расширение общественного образования и социальных расходов, децентрализация ряда правительственных функций, введение Коммунистической партии в правительство, легализация абортов и контроль над рождаемостью), пытаясь за счёт реформизма перетянуть на свою сторону людей, поддерживавших воинственное движение.¹⁴

Подход, выстраивающий альтернативу, использует важный компонент революционной стратегии, но недооценивает её сопутствующие компоненты, необходимые для успеха. Идея в том, что созданием альтернативных институтов мы можем обеспечить возможность автономного общества и продемонстрировать, что капитализм и государство нежелательны.¹⁵ В реальности, хотя создание этих альтернатив критически важно для возникновения и развития революционного движения, а также в качестве фундамента для освобождённых обществ, которые придут после революции, было бы совершенно абсурдно думать, что государство будет сидеть сложа руки, позволяя нам проводить подобные строго научные эксперименты, доказывающие его ненужность.

События в Аргентине, сопутствовавшие экономическому кризису 2001 г. (например, захваты фабрик) очень вдохновили антиавторитариев. Ненасильственные анархисты (многие из которых — университетские работники), склонные к стратегии мирного создания альтернативных институтов, избирательно интерпретируют события в Аргентине, чтобы придать живости своей стратегии, которая без этого выглядит вяло. Но самозахваченные фабрики в Аргентине выжили по одной из двух причин: либо добившись легального признания и снова влившись в капиталистическую экономику в виде более коллегиальной формы предприятия; либо проводя время на баррикадах — отбиваясь палками и рогатками от попыток полиции их выгнать, и организуя союзы с местными воинственными ассамблеями, из-за чего власти побоялись расширения конфликта в случае эскалации своих тактик. При этом фабричное движение играет в защите. Его практика и теория находятся в конфликте,

¹⁴ Beck et al., «Strike One to Educate One Hundred», 190–193.

¹⁵ David Graeber «Fragments of an Anarchist Anthropology» (Chicago: Prickly Paradigm Press, 2004). Анархист и, что не случайно, университетский работник Дэвид Грэбер заявляет, что, в дополнение к созданию альтернатив в виде «международных институтов» и «местных и региональных форм самоуправления», нам следует лишать государства их сущности, лишая их «возможности вселять страх» (63). Чтобы добиться этого, он предлагает нам «притворяться, будто ничего не изменилось, позволять официальным представителям государства сохранять лицо, даже время от времени заходить в их учреждения для заполнения нужных бумажек, но в остальном игнорировать их» (64). Любопытно, что он приводит в качестве примера несколько обществ на Мадагаскаре, по-прежнему управляемых и эксплуатируемых неокOLONIALными режимами как доказательство, что эта псевдостратегия может как-то работать.

поскольку в целом оно не ставит цели заменить капитализм путём распространения альтернативных предприятий, контролируемых работниками. Главной слабостью радикальных рабочих стала неспособность расширять своё движение путём экспроприации фабрик, по-прежнему управляемых менеджментом.¹⁶ Такой курс привёл бы их к большему конфликту с государством, чем тот, на который они были готовы пойти. Разумеется, они представляют собой важный и вдохновляющий пример, но до тех пор, пока они способны захватывать только уже брошенные фабрики, у них не получится создать модель для настоящей замены капитализма. На Съезде североамериканских анархистов в 2004 г. основной докладчик Говард Эрлих посоветовал сегодняшним анархистам действовать так, как будто революция уже началась и строить мир, который мы хотим видеть. Оставляя в стороне бессмысленность этого совета для сидящих в тюрьмах, коренных народов, стоящих перед лицом геноцида, иракцев, пытающихся выживать в оккупации, африканцев, умирающих от диареи просто потому, что они лишены чистой воды, и большей части остального мирового населения, его заявление заставляет меня задуматься, как Эрлих мог забыть о долгой истории правительственных репрессий автономных пространств, служащих революционным движениям.

В Гаррисонбурге, штат Вирджиния, мы организовали анархистский общественный центр, позволяли бездомным людям ночевать там зимой, а за пределами этого центра предоставляли им бесплатную еду и одежду. За шесть месяцев копы нас прикрыли, используя креативное сочетание законодательства по вопросам функционального зонирования и градостроительных кодексов.¹⁷ В 1960-е гг. полиция проявила активный интерес к саботированию программы «Чёрных пантер» по предоставлению детям бесплатных завтраков.

Как предполагается создание нами альтернативных институтов, если мы бессильны защитить их от репрессий? Как нам найти землю для строительства альтернативных структур, если у всего в этом обществе есть хозяева? И как мы можем забывать о том, что капитализм не вечен, что некогда все было «альтернативами» и сегодняшняя парадигма сумела развиваться и распространиться именно за счёт своей способности завоевать и истребить эти альтернативы?

Эрлих прав в том, что нам пора начинать строить альтернативные институты уже сейчас, но неправ, обходя вниманием важную работу по уничтожению существующих институтов и одновременной защите нас и наших автономных пространств. Даже в сочетании с наиболее агрессивными ненасильственными методами, стратегия, основанная на построении альтернатив, ограничивающая себя пацифизмом, никогда не будет достаточно сильной для сопротивления тщательному насилию, применяемому капиталистическими обществами при завоевании и поглощении обществ автономных.

Наконец, у нас остаётся последний вид ненасильственного подхода — всеобщее неповиновение. Эта, пожалуй, наиболее свободная из всех ненасильственных стратегий, часто оправдывающая уничтожение собственности и символическое физиче-

¹⁶ Penny McCall-Howard, «Argentina's Factories: Now Producing Revolution», *Left Turn*, no. 7 (October/November 2002); и Michael Albert «Argentine Self-Management», *ZNet*, November 3, 2005.

¹⁷ Не хочу выставлять репрессии как нечто автоматическое. Иногда власти не замечают что-нибудь вроде анархистского общественного центра или, что случается чаще, решают, что лучше принять его,

Чарльз Бёрси, активист «Чёрных Пантер», раздаёт еду детям.

ское сопротивление, хотя дисциплинированные пацифистские кампании по ненасилию и неповиновению также попадают в эту категорию. Недавний фильм «Четвертая мировая война»¹⁸ в рамках этой концепции революции находится на грани воинственности, поскольку описывает движения сопротивления от Палестины до Чьяпаса, при этом удобно скрывая значительные элементы этих движений, вовлечённые в вооружённую борьбу — возможно, для комфорта американской аудитории. Стратегии неповиновения пытаются устранить систему забастовками, блокадами, бойкотами и другими формами неповиновения и отказа. Хотя многие из этих практик весьма полезны при эволюции в сторону реальной революционной практики, как стратегия этот подход имеет в себе массу зияющих брешей.

Этот тип стратегии может только создавать давление и служить рычагом, но он никогда не сможет уничтожить власть или перевести контроль над обществом в руки народа. Когда население устраивает всеобщие акции неповиновения, власть имущие сталкиваются с кризисом. Иллюзия демократии не работает: это кризис. Трассы блокированы, бизнес поставлен на колени: это кризис. Но люди во власти по-прежнему контролируют значительные резервы — им не грозит голод в результате забастовки. Они контролируют столицу страны, часть которой может быть выведена из строя за-

чем откатывать ситуацию обратно. Но, мягко или жёстко, всегда проводят черту, за которую они не пустят нас без боя.

¹⁸ Rick Rowley, «The Fourth World War» (Big Noise, 2003). Также см. мою рецензию на этот фильм: «The Fourth World War: A Review».

нявшим и блокировавшим её населением. Важнее всего то, что власть по-прежнему обладает контролем над армией и полицией (элиты после Российской революции многому научились в вопросах сохранения лояльности военных. За последние десятилетия редкие серьёзные переходы армии на сторону восставших случались лишь тогда, когда она сталкивалась с ожесточённым сопротивлением и правительство явно агонизировало; полицейские, в свою очередь, всегда оставались верными лакеями). За закрытыми дверями главы бизнеса, правительства и армии устраивают совещание. Возможно, они даже не позвали на него некоторых одиозных представителей элиты; возможно, многие властные группировки лавируют, пытаясь выйти из кризиса на коне. Они могут использовать военных, чтобы прорваться через любую баррикаду, устроенную безоружными, отнять любую занятую фабрику и захватить продукты труда восставших, если те пытаются построить автономную экономику. Наконец, власть имущие могут арестовать, пытаться и убить организаторов, загнать движение в подполье и восстановить порядок на улицах. Восставшее население, проводящее сидячие забастовки или кидающее камни, не может выстоять против армии, получившей карт-бланш на использование всего оружия из её арсенала. Но за закрытыми дверями лидеры страны соглашаются, что такие методы нежелательны — они являются последним средством. Их использование на долгие годы уничтожит иллюзию демократии, отпугнёт инвесторов и навредит экономике. Поэтому они побеждают, позволяя восставшим заявить о своей победе: под давлением бизнеса и военного командования президент и несколько других избранных политиков уходят в отставку (или, ещё лучше, бегут на вертолёт); корпоративные СМИ называют это революцией и начинают петь популистские гимны новому президенту (выбранному корпорациями и генералами); и активисты народного движения, если они ограничились ненасилием вместо того, чтобы готовиться к неизбежной эскалации тактик, проигрывают именно тогда, когда уже стояли на пороге революции.

За всю свою долгую историю этот тип стратегии не смог добиться того, чтобы класс собственников, руководителей и принудителей отступился от власти и присоединился к протесту, поскольку их интересы прямо противоположны интересам участников гражданского неповиновения. Чего действительно удавалось добиться стратегиями неповиновения, так это раз за разом изгонять определённые правящие режимы, хотя их всегда сменяли другие, составленные из элиты (иногда это умеренные реформисты, иногда — руководство самого оппозиционного движения). Это случилось в Индии в эпоху деколонизации и в Аргентине в 2001 г.; с Маркосом на Филиппинах и с Милошевичем в Сербии (последний пример, как и аналогичные «революции» в Грузии, Украине и Ливане, показывает неэффективность всеобщего неповиновения в деле настоящей передачи народу социальной власти; все эти популярные перевороты были на самом деле срежиссированы и профинансированы США для приведения к власти более рыночно-ориентированных и проамериканских политиков).¹⁹ Не совсем уместно даже говорить об «изгнании» старых режимов. Перед лицом роста неповиновения и угрозы реальной революции они решают передать власть новым режимам, гарантирующим уважение к базовым принципам капитализма и государства. Когда они не имеют возможности передачи власти, они снимают перчатки

¹⁹ Ian Traynor «US Campaign Behind the Turmoil in Kiev», Guardian UK, November 26, 2004.

и пытаются зверски подавить и подчинить движение, неспособное защититься и выжить без эскалации тактик. Именно это случилось с антиавторитарным трудовым движением в США в 1920-х гг.

Стратегии всеобщего неповиновения пытаются остановить работу системы, но даже в этом деле они менее эффективны, чем воинственные стратегии. В том же контексте, который требуется для всеобщего неповиновения — широко и хорошо организованное движение восставших — если не ограничивать движение ненасилием, а поддержать возможность использования различных тактик, оно будет в разы эффективнее. В вопросе действительной остановки работы системы не может быть никакого сравнения между мирным блокированием моста или железнодорожной линии и их взрывом. Последнее создаёт длительное препятствие, устранение которого стоит дороже и требует более драматической реакции властей, больше вредит их моральному духу и общественному имиджу, а также позволяет исполнителям бежать и снова сражаться. Взрыв железнодорожной линии (или использование менее грозной формы саботажа, если общественная ситуация делает это более эффективным) напугает и разозлит людей, враждебных освободительному движению, больше, чем мирная блокада. Но в то же время это заставит их воспринимать движение серьёзнее, а не отмахиваться от него как от назойливой мухи. (Разумеется, практикующие использование различных тактик имеют возможность проведения мирной блокады или акта саботажа в зависимости от своей оценки последующей общественной реакции.)

Хотя порой и полезная для рабочих, стратегия всеобщего неповиновения не имеет смысла для уже маргинализированных, малых популяций, таких как многие коренные народы, обречённые на вытеснение или уничтожение, поскольку их существование не является жизненно важным для государства-агрессора. Народ Аче в Амазонии не платит налогов, которые можно было бы перестать выплачивать, и не ходит на работы, где они могли бы забастовать. Кампания геноцида против них не зависит от их сотрудничества или несотрудничества. Люди, которых власти с удовольствием увидели бы в гробу, лишены такого рычага давления, как неповиновение.

Как мы видели, все основные типы ненасильственных стратегий в долгосрочной перспективе неизбежно ведут в тупик. Стратегии морализаторства не понимают механизмы удержания государством контроля: они не видят барьеры, установленные СМИ и культурными институтами, и у них нет защиты от контроля над безоружными массами со стороны вооружённых меньшинств. Лоббистский подход тратит ресурсы, пытаясь давить на правительство, чтобы оно действовало в противоречии с собственными интересами. Стратегии, сосредоточенные на построении альтернатив, игнорируют возможность государства репрессировать радикальные проекты и способность капитализма к поглощению и разложению автономных обществ. Стратегии всеобщего неповиновения открывают дверь революции, но лишают народные движения тактик, необходимых для экспроприации прямого контроля над экономикой, перераспределения богатств и уничтожения репрессивного аппарата государства.

Анализ долгосрочных перспектив, показывающий неэффективность этих типов стратегий, также выявляет, насколько безнадежной выглядит любая воинственная стратегия с учётом того, что большинство анархистских сообществ в США на сегодняшний день, очевидно, абсолютно не готовы защищаться от государства. Но в

нашу повседневную организационную работу входит стратегическое преодоление пассивности и воспитание воинственности у антиавторитариев с целью изменения перспектив будущей борьбы. Ненасильственные стратегии мешают этой работе. Они также ставят нас в невыгодное положение во взаимодействии с полицией и СМИ — два пункта, на которых стоит остановиться подробнее.

Ненасилие помогает стратегиям полиции по работе с населением и управлению толпой. Тактики пацифизма, как и многие тактики полицейского управления толпами, разработаны для деэскалации ситуаций, потенциально ведущих к восстанию. В своей книге, рассматривающей историю и развитие современной полиции США, «Наши враги в голубом», Кристиан Уильямс описывает, как кризис 1960-х и 70-х гг. продемонстрировал полиции, что их методы работы с народными восстаниями (такими как городские беспорядки и воинственные акции протеста) только вдохновляют сопротивляющихся на большее сопротивление и насилие с их стороны.²⁰ Сопротивление усилилось, полиция потеряла контроль, и правительству пришлось направлять армию (продолжая разрушать иллюзию демократии и открывая возможность настоящего восстания). В последующие годы полиция разработала стратегии работы с общественностью для улучшения своего имиджа и тактики управления толпой, ставящие акцент для деэскалации, — чтобы контролировать организацию потенциально взрывоопасного сообщества. Описания этих тактик зеркально отражает рекомендации пацифистов по проведению акций протеста. Полиция разрешает незначительные формы неповиновения, поддерживая связь с лидерами протеста, на которых они заранее давят, чтобы вся акция организовывалась самой полицией. «Волонтеры по поддержанию мира» (связные полиции) и разрешения на проведение шествий являются компонентами этой полицейской стратегии, что заставляет меня задуматься: то ли пацифисты сами выступили с такой идеей из-за своего молчаливо прогосударственного мышления, то ли им просто так понравилась идея «возлюбить врага своего», что они приняли без раздумий все предложения врага по тому, как следует ему сопротивляться. В любом случае, пока мы будем терпеть пацифистов-организаторов, полиция будет держать нас в таком положении, в котором хочет. Но если мы откажемся от деэскалации и сотрудничества с полицией, мы сможем организовывать, когда нужно, разрушительные акции протеста и бескомпромиссно сражаться за интересы своего сообщества и за свою цель.

Ненасилие также ведёт к невыгодным медиа-стратегиям. Ненасильственные кодексы поведения на акциях противоречат правилу номер один при взаимодействии со СМИ: всегда транслируй своё сообщение. Ненасильственные активисты требуют введения кодексов ненасилия не потому, что хотят жить в мире. Они это делают для внедрения идеологического конформизма и утверждения своей власти над остальной частью толпы. Они делают это и для подстраховки себя, чтобы в случае насильственных действий неподконтрольных им элементов во время акции протеста защитить свои организации от последующего очернения со стороны СМИ. Они произносят дежурные слова о ненасилии в качестве доказательства своей непричастности к происшедшему насилию и простираются ниц перед правящим порядком. В

²⁰ Williams «Our Enemies in Blue».

этот момент они уже проиграли медиа-войну. Типичный обмен репликами обычно таков:

Репортёр: «Что вы можете сказать о витринах, разбитых во время сегодняшней акции протеста?»

Протестующий: «Наша организация известна своей приверженностью ненасилию. Мы осуждаем действия экстремистов, разрушающих этот протест в глазах благонамеренных людей, заботящихся о спасении лесов / прекращении войны / остановке выселения людей на улицу».

Редко прямая речь активистов занимает больше двух строчек текста или десяти секунд видео в корпоративных СМИ. Ненасильственные активисты, говоря как в примере выше, тратят ускользящее время, когда они находятся в центре внимания, переходя в оборону: они делают свою проблему вторичной по отношению к заботам элиты (уничтожение собственности протестующими), явственно признают на публику слабость, неудачу и дезорганизацию (причём одновременно берут на себя ответственность за других протестующих и вопиют о том, что не получилось их сдержать) и, не в последнюю очередь, публично наносят удар в спину союзникам и раскалывают движение.²¹ Тот же обмен репликами должен был выглядеть так:

Репортёр: «Что вы можете сказать о витринах, разбитых во время сегодняшней акции протеста?»

Протестующий: «Это бледнеет в сравнении с жестокостью истребления лесов / войны / выселения людей. (Вставьте важные факты по теме)».

Под давлением или при ответе на вопросы сотрудников правоохранительных органов активисты должны настаивать на том, что они не ответственны лично за уничтожение собственности и не могут давать комментарии по поводу мотивов тех, кто там был. Но лучше не разговаривать с сотрудниками корпоративных СМИ как с человеческими существами, поскольку они редко ведут себя, как полагается людям. Активистам лучше отвечать только краткими утверждениями, тактично описывающими проблему; в противном случае редакторы, скорее всего, оставят из вашей речи только бессодержательные цитаты и вырежут информативные или острые высказывания. Если активистам удаётся удерживать внимание на актуальной проблеме, они могут извлечь пользу из последующих возможностей очиститься от обвинений, опять же, внедряя актуальную проблему в массовое сознание (такими тактиками, как написание писем редактору или проведение протестов против клеветнических обвинений со стороны медиаресурса). Но если активистам важнее очиститься от обвинений, чем решить проблему, они изначально обречены на провал.

С первого взгляда, воинственная концепция революции кажется более непрактичной, чем ненасильственная концепция, но это потому, что она реалистична. Людям нужно понять, что капитализм, государство, господство белых, империализм и патриархат — все они ведут войну против населения нашей планеты. И революция является интенсификацией этой войны. Мы не можем освободиться и создать миры, в которых хотим жить, если будем представлять себе фундаментальные социальные

²¹ «Внутренние конфликты являются ещё одним серьёзным источником уязвимости в движении», Randy Borum and Chuck Tilbv «Anarchist Direct Actions: A Challenge for Law Enforcement», *Studies in Conflict and Terrorism*, no. 28 (2005): 219. Даже полиция в восторге от таких масштабов предательства.

изменения как «блеск света во тьме», «завоевание сердец и умов», «говорение истины царям», «свидетельствование», «привлечение внимания народа» или любой другой парад пассивности. Миллионы людей умирают на этой планете каждый год лишь по причине недостатка чистой питьевой воды. Поскольку правительства и корпорации, узурпировавшие контроль над общественной землёй, не нашли способа обогащаться за счёт жизни этих людей, они оставляют их умирать. Миллионы людей умирают каждый год потому, что несколько корпораций и связанные с ними правительства не хотят допускать изготовления произведённых лекарств от СПИДа, а также других препаратов. Неужели вы думаете, что институтам и представителям элиты, держащим в руках власть над жизнью и смертью миллионов, не насрать на наши протесты? Они объявили нам войну, и мы должны вернуть её им. Не потому, что мы разгневаны (хотя и должны бы), не ради мести и не потому, что мы действуем импульсивно, но потому, что мы сопоставили возможность свободы с неизбежностью стыда от жизни под любым господством, которое только можно встретить в нашем конкретном уголке планеты; потому что мы понимаем, что некоторые люди уже сражаются, часто в одиночку, за своё освобождение и что у них есть на это право, и мы должны их поддержать; и поскольку понимаем, что переплетённые между собой тюрьмы, в которые заточён наш мир, на настоящий момент устроены так хитро, что единственный способ освободиться — это сражаться и уничтожить эти тюрьмы, разгромив тюремщиков любыми необходимыми способами.

Понимание того, что это война, может помочь нам решить, что делать, и создать эффективные стратегии для долгого пути. Те из нас, кто находится в Северной Америке, Европе и некоторых других частях мира, живут в иллюзии демократии. Правительство вежливо притворяется, что никогда не стало бы убивать нас, если бы мы бросили вызов его власти, но это лишь тонкий внешний лоск. В своём ежегодном докладе Конгрессу 3 декабря 1901 г. президент Теодор Рузвельт, говоря о текущих врагах, заявил: «Мы должны воевать с беспощадной эффективностью не только против анархистов, но и против всех, активно и пассивно поддерживающих анархистов».²² Сотню лет спустя, в сентябре 2001 г., президент Джордж Буш провозгласил: «Или вы с нами, или вы с террористами».²³

Помимо демонстрации того, как мало изменилось за век наше правительство, эта цитата ставит интересный вопрос. Разумеется, мы можем отвергнуть заявление Буша, требующее от нас поклясться в верности Белому дому, а в случае отказа вставать в один ряд с Усамой бен Ладеном. Но если мы настаиваем на нелояльности, то, вне зависимости от наших личных симпатий, Буш уже осудил нас как террористов, и Министерство юстиции продемонстрировало, что готово преследовать нас в качестве таковых — своей кампанией против радикальных экологов, названных «эко-террористами»,²⁴ шпионством Объединенной группы по борьбе с терроризмом против диссидентов и преследованием, репрессиями и депортацией мусульман и иммигрантов, ставшими основной внутренней деятельностью правительства по

²² Цит. по: «Fifth Estate», no. 370 (fall 2005): 34.

²³ George W. Bush, «Address to a Joint Session of Congress» (speech, United States Capitol, Washington, DC, September 20, 2001).

²⁴ На момент написания этой книги более дюжины предполагаемых членов «Фронта освобождения Земли» (ELF) и «Фронта освобождения животных» (ALF) были арестованы после внедрения агентов

«безопасности» после 11 сентября. Мы можем с гордостью отметить, что ярлык «террорист» целенаправленно используется правительством для обозначения борцов за свободу уже десятилетиями, хотя, конечно, учитывая состояние нашего движения, эта честь была оказана нам преждевременно. Но мирному сопротивлению в США не комфортно в роли борцов за свободу. Вместо признания войны, которая уже идёт, мы засемили на безопасную сторону дихотомии Буша, признаём мы её или нет, и нашим оправданием стало ненасилие.

Генерал Фрэнк Китсон, влиятельный британский теоретик по вопросам армии, полиции и контроля над обществом, чьи стратегии распространились и были приняты в государственном планировании и полицейских учреждениях США, разбивает народные волнения на три фазы: подготовка, ненасилие и партизанская борьба.²⁵ Полиция знает о них и делает всё, что может, чтобы удержать оппозицию и невовлечённые массы на первых двух стадиях. Многие из оппозиции этого не понимают. Они не понимают, чего стоит перераспределение власти в нашем обществе, и не дают ни себе, ни своим союзникам пройти путь до конца.

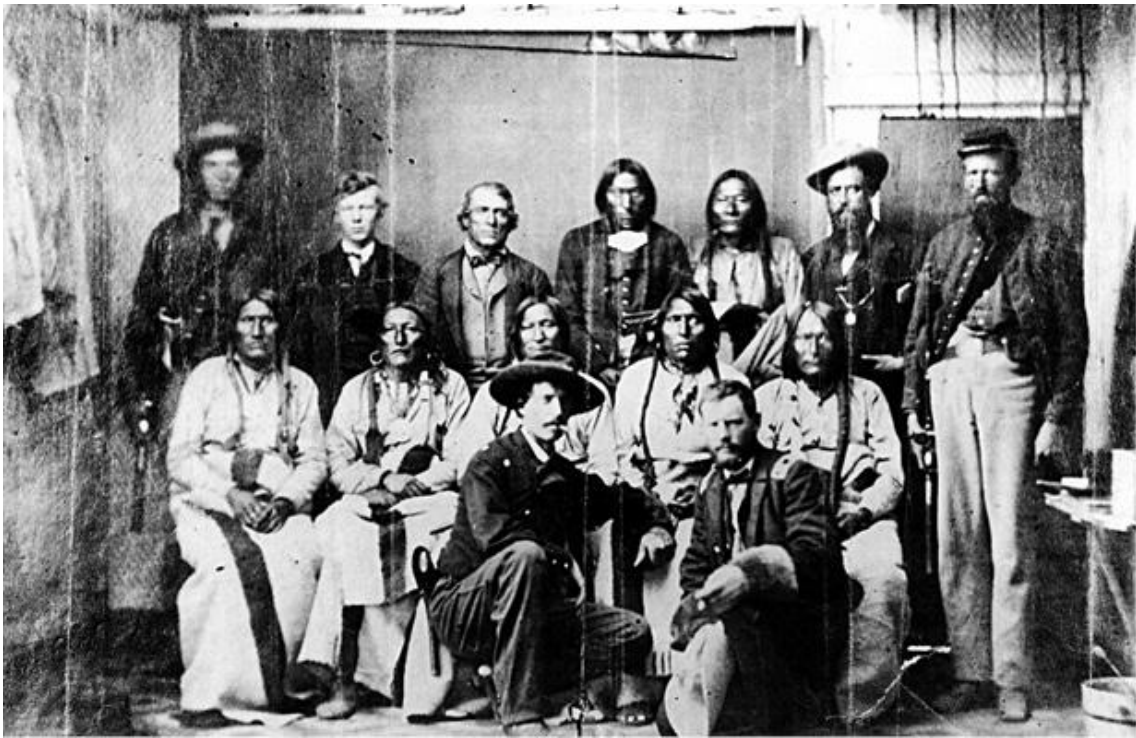
Вполне очевидно, что государство больше боится насильственных групп, чем ненасильственных — я уже использовал это утверждение, доказывая бóльшую эффективность воинственных групп. Государство понимает, что оно должно реагировать агрессивнее и энергичнее для нейтрализации воинственных революционных движений. Мне доводилось слышать высказывания многих ненасильственных активистов, переворачивающих этот факт с ног на голову, заявляя, что ненасильственные попытки революции более эффективны потому, что воинственные попытки будут зверски подавлены (в других главах я уже цитировал этих активистов, чтобы показать, что их основной заботой является собственная безопасность). Действительно, путь к революции, как его видят воинственные активисты, гораздо опаснее и труднее, чем тот, который представляют себе пацифисты, но его преимущество в том, что он реалистичен, в отличие от пацифистских фантазий. Предлагаю всё же остановиться подробнее на этих логических играх.

Пацифисты заявляют, что они эффективнее, поскольку с большей вероятностью переживут репрессии. Аргументация такова, что воинственные группы дают государству повод себя уничтожить (поводом является самооборона от жестокого врага), в то время как государства не могут использовать подавляющее насилие против пацифистов, поскольку его невозможно оправдать. Эта аргументация основана на наивном предположении, что правительства якобы управляются общественным мнением, а не наоборот. Продираясь через софистику ненасилия, мы можем легко установить фактор, определяющий то, будут ли правительственные репрессии попу-

ФБР в ряды радикального экозащитного движения. Им угрожали пожизненными сроками за обычные поджоги, и, под этим чудовищным давлением, многие согласились доносить правительству. Шесть активистов группы «Остановите жестокость к животным в Хантингтоне» (SHAC), ведшей успешный и агрессивный бойкот против компании, проводящей испытания на животных, были обвинены в марте 2006 г. согласно Акту о терроризме в отношении животноводческой отрасли и недавно осуждены на несколько лет. Родни Коронадо, давний активист по защите экологии и коренных народов, бывший заключённый из числа ELF, был только что снова отправлен в тюрьму всего лишь за проведение семинара, побуждающего к радикальной экозащите и содержавшего рассказ о том, как он собрал зажигательное устройство, использованное при поджоге, за который он уже отсидел.

²⁵ Williams, «Our Enemies in Blue», 201.

лярной мерой в глазах общественного мнения. Этим фактором является наличие или отсутствие оправдания народом движения сопротивления — что не имеет ничего общего с насилием или ненасилием. Если люди не считают движение сопротивления легитимным или важным, если все они размахивают общим флагом, то они будут радоваться даже тогда, когда правительство устраивает массовые убийства. Но если народ сочувствует движению сопротивления, то правительственные репрессии столкнутся с большим сопротивлением. Убийство мирной группы Шайеннов и Арапахо в Сэнд-Крик только вызвало аплодисменты со стороны белых граждан; такой же была и реакция народа на репрессии против безобидных «коммунистов» в 1950-е гг. Но попытки британцев репрессировать «Ирландскую республиканскую армию» (IRA) в периоды их наивысшей популярности приводили лишь к большей поддержке IRA и большому стыду британцев — как в Ирландии, так и по всему миру. В последнее десятилетие попытки сербов раздавить «Армию освобождения Косово» приводили к тому же эффекту.

Шайенны и солдаты армии США после заключения мирного договора. Через два месяца армия США напала на поселение индейцев Сэнд-Крик, убив 150 человек, в основном женщин и детей.

Государство способно репрессировать и ненасильственные, и воинственные группы, не вызвав долгого сопротивления, поскольку оно контролирует идеологическое поле. Ненасильственные группы могут действовать, обладая меньшей культурной независимостью и народной поддержкой, поскольку они склонны целиться ниже и представляют меньшую угрозу, в то время как воинственная группа своим

существованием уже является вызовом монополии государства на насилие. Воинственные группы понимают, что им нужно преодолеть государство, и, до тех пор пока они не помогут создать более широкую культуру сопротивления (или не возникнут из этой культуры), они всегда будут находиться в изоляции и в бегах. С другой стороны, пацифисты имеют возможность избежать столкновения с государственной властью и притвориться, что вовлечены в некий процесс магической трансформации государства «силой любви», или своим «мирным свидетельством», или распространением в СМИ душераздирающих картинок с картонными куколками, или другой мерзостью. Превалирование или редкость пацифизма — хороший барометр слабости движения. Мощная народная поддержка позволяет радикальному движению пережить репрессии. Если движение сумело добиться поддержки народом воинственной борьбы с государством, оно гораздо ближе к победе.

Государство решает репрессировать активистов и общественные движения тогда, когда считает их цели одновременно опасными и достижимыми. Если целью является захват или уничтожение государственной власти, и агенты государства усматривают хотя бы некий шанс приближения к этой цели, они репрессируют или уничтожают движение вне зависимости от его тактик. Насилие ли вызывает репрессии? Не обязательно. Давайте рассмотрим ряд примеров из практики и сравним репрессии «Индустриальных рабочих мира» с репрессиями итальянских анархистов-эмигрантов или шахтёров в Аппалачи. Все три случая происходили в один и тот же временной период, в 1920-е гг. и во время Первой мировой войны в США.

«Индустриальные рабочие мира» (IWW) — известные также как «вобблис» — были анархистским профсоюзом, стремящимся к отмене наёмного труда. На пике своего развития в 1923 г., IWW насчитывали почти полмиллиона членов и активных сторонников. В первое время после возникновения профсоюз был воинственен: часть лидеров IWW призывали к саботажу. Тем не менее профсоюз никогда полностью не отвергал ненасилие, и его основными тактиками были просвещение, протест, «борьба за гласность» и гражданское неповиновение. Официальная организация и централизованная структура IWW представляли собой лёгкую мишень для правительственных репрессий. В ответ на давление государства организация даже не попыталась занять позицию против Первой мировой войны. «В конце концов руководство решило не идти на открытые призывы сторонников к нарушению закона (противодействию призыву в армию). Однако центральная и местная администрация после этого обошлись с ними так, как будто они это сделали».²⁶ «Вобблис» также пошли навстречу призывам государства к пассивности, подавив распространение брошюры с речью Элизабет Герли Флинн, произнесённой в 1913 г. и призывающей к саботажу. IWW изъяли из обращения аналогичные книги и брошюры и «официально заявили о неприятии использования любыми своими членами саботажа».²⁷ Разумеется, ни одно из этих действий не спасло профсоюз от репрессий, поскольку правительство уже определило его как угрозу, подлежащую нейтрализации. Цель IWW (изживание наёмного труда путём постепенного сокращения рабочей недели) была угрозой капиталистическому порядку, а размеры профсоюза давали ему воз-

²⁶ JH «World War 1: The Chicago Trial», Fifth Estate, no. 370 (fall 2005): 24.

²⁷ JH «Sabotage», Fifth Estate, no. 370 (fall 2005): 22.

возможность распространения этих опасных идей и проведения крупных забастовок. Сто чикагских «вобблис» были отданы под суд в 1918 г., вместе с руководством IWW из Сакраменто и Вичиты; правительство обвинило их в подстрекательстве к мятежу, оправдании насилия и преступном синдикализме. Все были осуждены. После заключения их в тюрьмы и других репрессий (включая линчевание лидеров IWW в некоторых городах) «динамическая сила профсоюза была утрачена; он никогда так и не вернул своего бывшего влияния на американское рабочее движение».²⁸ «Вобблис» оказали услугу государственной власти, умиротворившись и осудив насильственные тактики; это было шагом на пути к их подавлению. Их сажали, избивали, линчевали. Правительство репрессировало их из-за радикализма и популярности их взглядов. Отказ от насилия не дал им защитить эти взгляды.

Воинственные итальянские анархисты-эмигранты, жившие в Новой Англии, пережили правительственные репрессии, по меньшей мере, не хуже, чем «вобблис», хотя их ряды были гораздо малочисленнее, а их тактики более яркими — они взрывали дома и кабинеты ряда правительственных чиновников, почти убив Генпрокурора США, генерала Александра Митчелла Палмера.²⁹

Наиболее воинственными из итальянских анархистов были «галлеанисты»,³⁰ резко вступившие в классовую войну. В отличие от «вобблис» они открыто и гласно организовывали деятельность, направленную против Первой мировой войны, проводили акции протеста, выступали с речами и опубликовали одни из самых бескомпромиссных и революционных антивоенных трактатов в таких газетах, как «Сропаса Sovversiva»³¹ (объявленная Министерством юстиции «самой опасной газетой, когда-либо издававшейся в этой стране»³²). Несколько из активистов были в самом деле застрелены полицией на антивоенных акциях протеста. «Галлеанисты» энергично поддерживали самоорганизацию трудящихся на фабриках Новой Англии и оказали ключевую поддержку нескольким крупным забастовкам; они также находили время для организации деятельности против поднимавшейся в США волны фашизма. Но самый глубокий след в истории «галлеанисты» оставили своим отказом принять правительственные репрессии. Они устроили десятки взрывов в городах Новой Англии, а также в Милуоки, штат Нью-Йорк, в Питтсбурге, штат Филадельфия, в округе Колумбия и в других местах — в основном в ответ на аресты или убийства товарищей государством. Некоторые из этих атак были хорошо скоординированными кампаниями, включавшими в себя множество одновременных взрывов. Самым крупным был взрыв в 1920 г. на Уолл-Стрит в ответ на фабрикацию дела Сакко и Ванцетти (бывших непричастными к ограблению в Брейнтри, за которое их казнили, но, вероятно, оказавших поддержку в проведении некоторых взрывов «галлеанистов»). Эта акция убила 33 человека, причинила ущерб на два миллиона долларов и уничто-

²⁸ JH «World War 1: The Chicago Trial», 24.

²⁹ Paul Avrich «Sacco and Vanzetti: The Anarchist Background» (Princeton: Princeton University Press, 1991), 153, 165.

³⁰ «Галлеанисты» были группой анархистов, объединённой вокруг идей Луиджи Галлеани. Хотя его школа анархизма оказала на них влияние, они не назначали Галлеани своим лидером и не называли себя по его имени. Термин «галлеанисты» используется в первую очередь для удобства.

³¹ «Подрывная хроника» (итал.) — прим. пер.

³² Paul Avrich «Sacco and Vanzetti: The Anarchist Background», 127.

жила, в числе прочего, Дом Моргана — центральное здание банка Дж. П. Моргана, американского финансиста. Агенты ФБР организовали широчайшее расследование и облаву, но так никого и не поймали. Пол Аврич установил, что взрыв был делом рук одинокого «галлеаниста» Марио Буда, бежавшего в Италию и продолжавшего свою работу, пока его не арестовал режим Муссолини.³³

Правительство потратило значительные усилия для того, чтобы репрессировать итальянских анархистов, но успех был лишь частичным. Силы правительства убили нескольких из них, руками полицейских или в форме официальных казней, а также бросили за решётку ещё больше дюжины, но в отличие от «вобблис» «галлеанисты» избегали массовых арестов. Этому частично помогали децентрализованные формы организации, внимательные к вопросам безопасности, принятые итальянцами под влиянием их концепции вооружённой революции. И надо заметить, что «галлеанисты» особенно рисковали быть репрессированными правительством, поскольку, в отличие от многих «вобблис», им грозила ксенофобия со стороны WASP³⁴ и депортация. (Около 80 из них действительно депортировали, но остальные не потеряли активности³⁵). Бескомпромиссный ответ «галлеанистов» на государственные репрессии, как минимум, оказал заметное воздействие, отбивавшее желание проводить дальнейшие репрессии (а также испугавшее правительство и фабрикантов делать что-либо, способное ещё больше озлобить рабочих и направить их в ряды анархистов-бомбометателей). Путём отправки заминированной почтовой корреспонденции они заставили гениального детектива ФБР, игравшего ключевую роль в выслеживании и аресте нескольких их товарищей в 1918 г., скрываться, а затем уволиться из ФБР в 1919 г.³⁶ Единственными же последствиями, с которыми сталкивались агенты правительства, репрессировавшие «вобблис», были повышения. С 1919 г. по 1920 г., пик периода «Красной угрозы» стал переломным для итальянских анархистов, хотя они оставались активными и бескомпромиссными, и не сломались так же легко, как «вобблис». В октябре 1920 г. «Cronaca Sovversiva», газета, служившая центром выражения интересов многих «галлеанистов», была в конечном итоге разгромлена властями, и итальянские анархисты-эмигранты вновь сосредоточили свою деятельность в Италии, куда многие из активистов бежали или были депортированы. Конец их движения в США не был тем не менее завершением всего их движения, и ещё в течение нескольких лет эти анархисты были ключевыми противниками Муссолини, который, как и его американские коллеги, боялся их и придавал особое значение тому, чтобы их репрессировать. (Собственно, новый директор ФБР, Джон Эдгар Гувер, передал фашистам бесценную информацию именно с целью уничтожения итальянских анархистов³⁷.) Некоторые из этих изгнанных итальянских анархистов приняли участие в Гражданской войне в Испании в 1936 г. Хотя итальянский анархизм в США «уже не восстановился» после 1920 г., «анархисты ни в коем случае не исчезли со

³³ Там же, 207.

³⁴ «White Anglo-Saxon Protestant» (англ.) — «белый англосаксонский протестант» — аббревиатура, обозначающая обобщённо наиболее привилегированную часть американского населения. — *прим. пер.*

³⁵ Paul Avrich «Sacco and Vanzetti: The Anarchist Background», 127.

³⁶ Там же, 147.

³⁷ Paul Avrich «Sacco and Vanzetti: The Anarchist Background», 209.

сцены».³⁸ Сосредоточившись на международной деятельности, они организовали сопротивление поднимающимся коммунистическим и фашистским диктатурам (они были на «передовой линии антифашистской борьбы» во всех итальянских кварталах на территории США³⁹), а также превратили кампанию по поддержке Сакко и Ванцетти в прецедент, привлёкший внимание всего мира.

Акция в поддержку Сакко и Ванцетти.

Отнюдь не отпугнув от себя всех вокруг, Сакко и Ванцетти получили поддержку в обществе — как итальянцев, так и WASP-ов, — а также поддержку общественных деятелей США и Европы, и всё это несмотря на их заключение и непрерывные призывы к насильственной революции и к организации взрывов, направленных против властей. Их сторонники с воли не разочаровали их. С 1926 г. по 1932 г. анархисты провели ещё несколько взрывов, нацеленных на судью, губернатора, палача и того, чей звонок в полицию привёл к аресту обоих; никто из бомбистов не был пойман. Итальянские анархисты также продолжали агитировать и распространять свои идеи — преемница «Cronaca Sovversiva», газета «L'Adunata dei Refrattari»,⁴⁰ публиковалась ещё 40 лет, вплоть до 1960-х гг.

Угольная война 1921 г. в Западной Вирджинии предлагает нам другой пример реакции правительства на воинственные тактики. Когда хозяева шахт подавили

³⁸ Paul Avrich «Sacco and Vanzetti: The Anarchist Background», 211.

³⁹ Там же, 213.

⁴⁰ «Зов неуправляемых» (итал.) — прим. пер.

усилия шахтёров по формированию союзов — стреляя в профсоюзников и вводя штрейкбрехеров, — восставшие из Аппалачи ответили силой. Они открыли огонь по штрейкбрехерам и убили несколько бандитов и силовиков, посланных угольным магнатом для подавления рабочих. Со временем развернулся партизанский конфликт, а затем и полноценная война. В нескольких случаях полиция и нанятые компанией бандиты открывали огонь по лагерям шахтёров, целясь в женщин и детей. В одну из перестрелок они застрелили Сиду Хэтфилда, который, будучи шерифом, боролся с репрессиями, проводившимися наёмными бандитами компании. Тысячи вооружённых шахтёров сформировали армию и пошли маршем на город Логан, — чтобы сместить (и повесить) там шерифа, особенно активно проявившего себя в репрессиях против членов профсоюза. Армия США ответила тысячами солдат, пулемётами и даже бомбардировками с аэропланов в ситуации, позже ставшей известной как Битва у горы Блэр. После битвы шахтёры из профсоюза отступили. Но, несмотря на участие в одном из величайших за столетие актов вооружённого мятежа, очень немногие из них получили серьёзные тюремные сроки — большинство восставших вообще не были наказаны — и правительство несколько смягчилось, разрешив распространение профсоюза на все шахты (их профсоюз существует и по сей день).⁴¹

Битва у горы Блэр.

Полицейские стратеги, пишущие сегодня об анархистском движении, как-то отметили: «Сбор разведывательных данных среди наиболее радикальных — и зачастую

⁴¹ Lon Savage «Thunder in the Mountains: The West Virginia Mine War, 1920–21» (Pittsburgh: University

наиболее склонных к насилию — групп крайне сложен... Сама подозрительная природа движения и меры безопасности делают внедрение трудоёмким и требующим долгого времени». ⁴² Так что заявления о том, что ненасильственные группы легче переживают репрессии, не выдерживают детального анализа. Похоже справедливо обратное, если не брать в расчёт тенденцию пацифистов заранее переворачиваться лапками кверху, из-за которой они никогда не представляют собой угрозы каких-либо перемен.

Давайте рассмотрим несколько актуальных моментов, связанных с так называемым ненасильственным сопротивлением одной из самых острых сегодняшних проблем — оккупации Штатами Ирака. Пацифизм рассматривает победу как избежание или снижение насилия, поэтому, естественно, пацифисты не могут прямо сражаться с насилием. Любое реальное сопротивление военной оккупации приведёт к увеличению насилия (поскольку оккупанты постараются подавить сопротивление) до освобождения и возможности реального мира — прежде, чем будет лучше, должно стать хуже. Если сопротивление иракцев сломят, ситуация будет выглядеть более мирной, но в действительности зрелищное насилие войны сменится угрожающим, невидимым и рутинным насилием успешной оккупации, и народ Ирака будет гораздо дальше от освобождения. Но ненасильственные активисты склонны неверно интерпретировать этот кажущийся мир как победу, примерно так же, как они интерпретировали вывод войск США из Вьетнама, хотя бомбардировки усилились и режим, поддерживаемый США, продолжал оккупацию Южного Вьетнама.

Чего не могут понять ненасильственные антивоенные активисты, так это того, что самое важное сопротивление, возможно, единственное значимое сопротивление оккупации Ирака — это то сопротивление, которое иракцы ведут сами. В целом, иракцы выбрали вооружённую борьбу. ⁴³ Американцы, осуждающие это, не обладая личным знанием о том, что это такое — организовывать сопротивление в Ираке, только афишируют своё невежество. Люди в США, заявляющие, что они против войны, используют ненасилие как оправдание, избегая ответственности за поддержку иракского сопротивления. К тому же они, как попугаи, повторяют пропаганду корпоративных СМИ, притворяясь, что все иракские группы сопротивления состоят из

of Pittsburgh Press, 1990).

⁴² Borum and Tilby «Anarchist Direct Actions», 220.

⁴³ На январь 2006 г., 88% суннитов в Ираке и 41% шиитов признают, что одобряют нападения на силы, возглавляемые США (Editor & Publisher «Half of Iraqis Back Attacks on US»), перепечатано в: «Asheville Global Report», no. 369 (February 9–15, 2006). Возможно, что, с учётом высокого уровня политических репрессий в Ираке, реальные проценты выше, но многие не захотели раскрывать опрашиваемую свою позицию, одобряющую действия восставших. В августе 2005 г., согласно секретному опросу британской армии, просочившемуся в прессу, 82% иракцев сказали, что они «решительно против» присутствия оккупационных войск. Такой же процент сообщил в майском опросе 2004 г., проведённом Временным коалиционным правительством, что хочет вывода войск США из своей страны (Thomas E. Ricks, «82 Percent of Iraqis Oppose US Occupation», Washington Post (May 13, 2004)). Однако сейчас трудно говорить о сопротивлении иракцев, поскольку западные СМИ уверяют нас, что единственное происходящее там — взрывы фанатиками гражданского населения. Велика вероятность того, что эти взрывы срежиссированы оккупантами, хотя и сейчас мы не можем точно знать о ходе сопротивления. Достаточно сказать, что большинство иракских групп сопротивления заняли позицию против убийства мирных граждан, и я говорю об этом большинстве. Я написал подробнее о возможности участия США в сектантских убийствах в статье: «An Anarchist Critique of the Iraq War», см.: www.signalfire.org.

авторитарных, патриархальных фундаменталистов — хотя всем интересующимся известно, что иракское сопротивление состоит из очень многих групп и сторонников различных идеологий. В данном случае ненасилие является ещё большим препятствием для солидарности и незаменимого союза с радикальнейшими из освободительных групп сопротивления, чем страх правительственных репрессий. Осуждение всех повстанцев приводит к тому, что внешнюю поддержку получают как раз только авторитарные, патриархальные и фундаменталистские группы. Подход американского антивоенного движения к сопротивлению в Ираке — не просто плохая стратегия: он обнаруживает полное отсутствие стратегии, и мы должны это исправить.

Стратегии ненасилия не могут победить государство: они, как правило, отражают недостаток понимания самой его природы. Власть государства направлена на самовоспроизведение; она будет побеждать освободительные движения любыми доступными ей методами. Если попытки свержения такой власти переживут первые стадии репрессий, элита придаст конфликту военный характер, а люди, использующие ненасильственные тактики, не могут победить армию. Пацифизм не может защитить себя от бескомпромиссного уничтожения. Как поясняется в одном из исследований революции в современных обществах:

«Во время Второй мировой войны немцы были незнакомы с пассивным сопротивлением и впервые с ним столкнулись, но сегодняшние вооружённые силы гораздо лучше подготовлены к противодействию ненасилию как технически, так и психологически. Как напоминает нам один британский военный специалист, сторонники ненасилия „склонны не учитывать тот факт, что его главные победы одерживались в борьбе с противниками, чей кодекс чести в целом похож на их собственный и чья жестокость, таким образом, ограничена... Единственное впечатление, которое произвели действия ненасильственных групп на Гитлера, — побуждение раздавить то, что, на его взгляд, было презренной слабостью...“ Принимая постулат чёрных революционеров нашей страны о том, что мы живём в расистском обществе, трудно ожидать меньшей жестокости...

Было бы интересно попытаться изобразить ход ненасильственного восстания... На самом деле, такие эксперименты в виде „ролевых игр“ по „гражданской обороне“ уже проходили. В эксперименте, длившемся 31 час на острове Гриндстоун в провинции Онтарио в Канаде, в августе 1965 г., тридцать один ненасильственный „защитник“ должен был противостоять шести „вооружённым“ людям, представляющим поддержанное США „правое канадское правительство, оккупировавшее основные центральные территории Канады...“. К концу эксперимента тринадцать из защитников были „мертвы“; участники „заключили, что эксперимент привёл к поражению ненасилия“».⁴⁴

История практик и применения ненасилия приводит меня к такому же выводу: ненасилие не может защититься от государства и тем более его свергнуть. Провозглашаемая сила ненасилия является обманом, дающим его адептам безопасность и моральный капитал, возмещающий невозможность победы.

⁴⁴ Martin Oppenheimer, *The Urban Guerrilla* (Chicago: Quadrangle Books, 1969), 141–142.

VI. Ненасилие обманывается

Уорд Черчилль говорил о патологическом характере пацифизма. Я скажу, что по крайней мере развитие ненасилия как революционной практики сегодня связано со многими заблуждениями. С чего начать?

Показывая пацифистам, что победы ненасилия вовсе не были победами, разве что для государства, я нередко сталкивался с упрощённым контраргументом: мне говорили, что, поскольку некая конкретная насильственная борьба или акт насилия были безуспешны, «насилие» также неэффективно. Не помню, чтобы кто-то заявлял, будто использование насилия гарантирует победу. Надеюсь, каждый способен увидеть разницу между демонстрацией неудач пацифистских побед и неудач насильственной борьбы, которые никто и не объявлял победами. Не будет противоречивым заявить, что воинственным социальным движениям удавалось изменить общество или даже стать преобладающей силой в обществе. Повторим: всем приходится признать, что борьба с использованием различных тактик (включая вооружённую борьбу) может привести к успеху. История полна тому подтверждений: революции в Северной и Южной Америке, Франции, Ирландии, Китае, Кубе, Алжире, Вьетнаме и т. д. Также не будет слишком противоречивым заявить, что у антиавторитарных воинственных движений получалось временно освобождать регионы и создавать в них позитивные социальные изменения. Возьмём такие случаи, как коллективизация в гражданской войне в Испании и движение Махно в Украине, автономная зона в провинции Шинмин, созданная «Корейской федерацией анархо-коммунистов», и зона временной передышки, выигранная для Лакота Бешеным Конём и его воинами. Что для некоторых является спорным, так это то, могут ли воинственные движения одержать победу и выжить в долгосрочной перспективе, оставаясь при этом антиавторитарными. Чтобы убедительно возражать против такой возможности, пацифистам пришлось бы доказать, что использование насилия против власти неизбежно заставляет самих восставших обрести авторитарными характеристиками. А сделать этого пацифисты не могли и не смогут.

Часто пацифисты предпочитают заявлять о своей праведности вместо того, чтобы логически защищать свою позицию. Большинство людей, слышавших аргументы сторонников ненасилия, замечали утверждение или предположение, что ненасилие — путь идейных и дисциплинированных, а насилие — «лёгкий выход», капитуляция перед базовыми эмоциями.¹ Это полный абсурд. Ненасилие — лёгкий выход. Перед людьми, решающими посвятить себя ненасилию, открывается гораздо более комфортное будущее, чем перед теми, кто решает посвятить себя революции. Узник из рядов чёрного освободительного движения сказал мне в переписке, что, когда

¹ Michael Nagler, «The Steps of Nonviolence» (New York: The Fellowship of Reconciliation, 1999), Introduction. Всё, кроме ненасилия, выставляется как результат «страха и гнева, потенциально травмирующих эмоций».

он присоединился к борьбе (как минимум подростком), он знал, что его в конце концов убьют или посадят. Многие из его товарищей мертвы. За продолжение борьбы в тюрьме он был заточён в одиночную камеру и провёл там больше лет, чем я прожил на свете. Сравните это с недавними комфортными, достойными смертями Дэвида Деллинджера и Фила Берригана. Ненасильственные активисты могут отдать жизнь за идею, — и несколько из них это сделали, — но, в отличие от воинственных активистов, они не стоят перед точкой невозврата, после которой нет дороги назад к комфортной жизни. Они всегда могут спастись, пойдя на компромисс со своими оппозиционными взглядами, и многие так делают.

Вера в то, что непацифистская борьба является лёгким выходом, отражает не только незнание последствий разных политических действий, но и нередко связана с расизмом. Авторы эссе «Почему ненасилие?» на протяжении всей работы изо всех сил стараются не упоминать расы, но в разделе «Вопросы и ответы» завуалированно отвечают на критику расистского характера пацифизма, выставляя «угнетённые народы» (чёрные народы) злобными и импульсивными. «Вопрос: Требовать ненасильственного поведения от угнетённых народов по отношению к их угнетателям бессмысленно и нечестно! Им нужно дать выход своей ярости!».² «Ответ» авторов на эту искусственную критику ненасилия включает в себя много типичных и заведомых ошибок, обсуждавшихся выше: авторы советуют людям, гораздо более угнетённым, чем они, терпеть условия, которые, скорее всего, даже не могут себе представить; авторы советуют цветным вести себя «благородно и прагматично»; авторы стремятся избежать обвинений в расизме, прикрываясь именем ключевого цветного персонажа, и заключают неявной угрозой, что воинственный активизм со стороны цветных приведёт к тому, что их оставят и предадут могущественные белые «союзники». Засвидетельствуем это:

«Что же касается несправедливости, то если бы желания угнетённых было достаточно для её исчезновения, они бы уже не были таковыми. Нет безболезненных дорог к освобождению. Учитывая неизбежность мучений, и благородно, и прагматично будет взять за императивы ненасильственную дисциплину и страдания (как это делал Мартин Лютер Кинг). „Выплескивание ярости“ способом, ценой которого является потеря группой союзников, — это роскошь, которую серьёзные движения не могут себе позволить».³

Пацифисты заблуждаются, думая, что революционный активизм импульсивен, иррационален и происходит только от «ярости». На самом деле революционный активизм в некоторых из его проявлений имеет твёрдую обдуманную основу. После беспорядков в Детройте в 1967 г. правительственная комиссия выяснила, что типичный их участник, помимо гордости за свою расу, враждебности к белым людям и чёрным людям среднего класса, «значительно лучше подкован в политических вопросах, чем негры, не вовлечённые в беспорядки».⁴ Джордж Джексон занимался самообразованием в тюрьме, в своих работах он делал акцент на необходимости для воинственных чёрных изучать историю взаимоотношений со своими угнетателями

² Irwin and Faison, «Why Nonviolence?»

³ Там же.

⁴ Tani and Sera, «False Nationalism», 167.

и постигнуть «научные принципы» городской партизанской войны.⁵ «Пантеры» читали Мао, Кваме Нкруму и Франца Фанона и требовали от своих новых членов самообразования в области политических теорий, стоящих за их революцией.⁶ После поимки и привлечения к суду революционный анархист из «Республики Новая Африка» Кувази Балагун отказал суду в легитимности и заявил о праве чёрных на самоосвобождение заявлением, из которого пацифисты могли бы почерпнуть очень многое:

«Прежде чем стать подпольным революционером, я был координатором в движении арендаторов и был арестован за то, что угрожал мачете 270-фунтовому колониальному управдому, физически остановившему доставку топлива в здание, где я не жил, но помогал организационно. Будучи координатором в Коммунальном совете по жилью, я не только участвовал в организации арендных забастовок, но и заставлял хозяев трущоб, сдаваемых в аренду, делать там ремонты, поддерживать отопление и горячее водоснабжение, убивал крыс, представлял арендаторов в суде, останавливал незаконные выселения, бодался с начальниками полицейских участков, помогал превращать арендную плату в ресурс для ремонта и коллективное право собственности арендаторов и ходил на демонстрации всегда, когда на кону были интересы арендаторов... Потом я начал понимать, что всеми этими усилиями мы не можем существенно уменьшить проблему...

Юридические ритуалы не влияют на исторический процесс вооружённой борьбы угнетённых наций. Война будет продолжаться и обостряться, и, что до меня, мне лучше быть в тюрьме или в могиле, нежели заниматься чем-либо иным, кроме сражения с угнетателями моего народа. Новая африканская нация, как и коренные народы Америки, колонизированы в пределах современных границ Соединенных Штатов, пуэрториканцы и мексиканские народы колонизированы не только внутри, но и вне этих границ. У нас есть право сопротивляться, экспроприировать деньги и оружие, убивать врага нашего народа, взрывать и делать всё, что поможет нашей победе. И мы победим».⁷

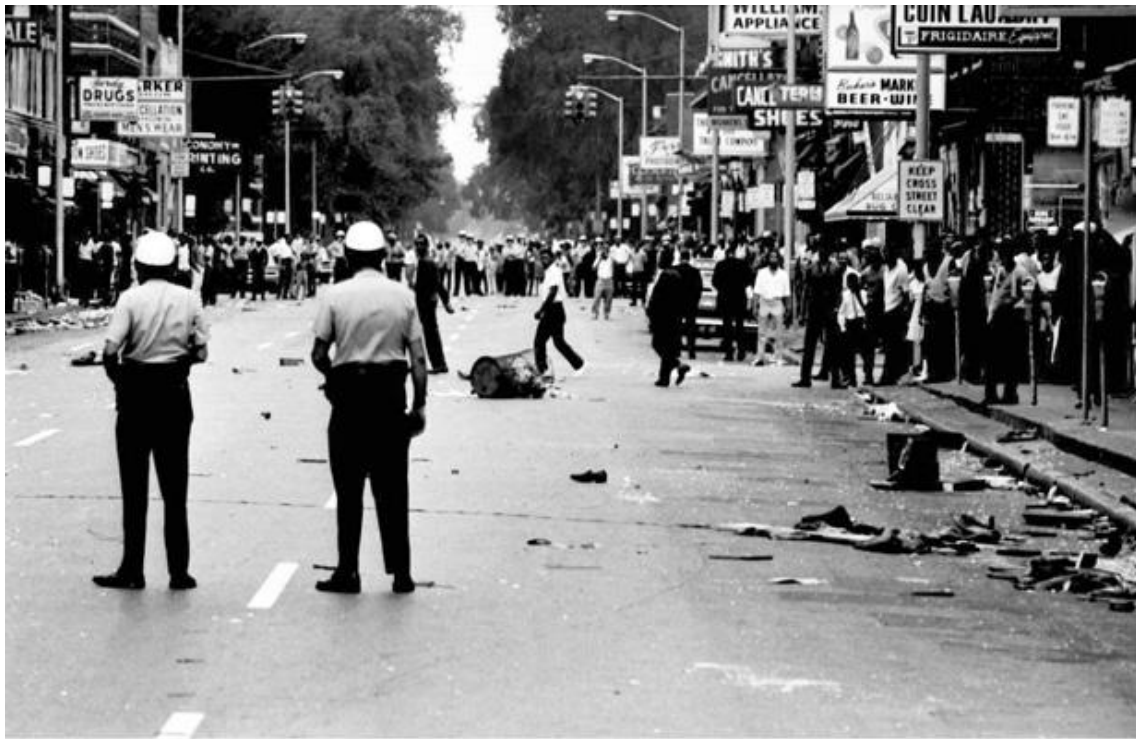
Стратегический и тактический анализ, используемый ненасильственным активизмом, сравнительно упрощён и редко представляет собой что-либо, кроме отрывки из затасканных клише и моралистических трюизмов. Объём аналитической подготовки, необходимой для успешного выполнения воинственных действий, гораздо больше подготовки к ненасильственным действиям, что также противоречит утверждению об импульсивности революционного активизма.

Люди, готовые признать насильственный характер революции (ошибочно говорить о выборе насилия, поскольку оно изначально присутствует в социальной революции и предшествующем ей угнетённому статусе-кво, независимо от использования насильственных методов или отказа от них), чаще понимают связанные с ней жертвы. Даже самое небольшое знание о том, к чему готовят себя революционеры и через что они проходят, демонстрирует жестокий невежественный фарс заявления пацифистов об импульсивности революционного насилия. Как уже упоминалось,

⁵ George Jackson, «Blood In My Eye» (Baltimore: Black Classics Press, 1990).

⁶ Abu-Jamal, «We Want Freedom», 105.

⁷ Kuwasi Balagoo, «A Soldier's Story: Writings of a Revolutionary New Afrikan Anarchist» (Montreal: Solidarity, 2001), 28, 30, 72.

Бунт в Детройте, США, 1967 г.

работы Франца Фанона были одними из самых влиятельных в среде чёрных революционеров США во времена чёрного освободительного движения. Последняя глава его книги «Обездоленные Земли» сосредоточена исключительно на «колониальной войне и психических нарушениях», а также психологических травмах, нанесённых колониализмом и «тотальной войной», которую вели французы против алжирских борцов за свободу⁸ (войной, должен заметить, до сих пор составляющей значительную часть учебного пособия США по карательным операциям и оккупационным войнам). Люди, сражающиеся за революцию, знают, во что влезают, до такой степени, что понимают все сопутствующие ужасы. А пацифисты?

Ещё одно заблуждение (выражаемое пацифистами, которые хотят казаться решительными и сильными) заключается в том, что пацифисты дают отпор, но только ненасильственный. Это бред. Сидеть и сцепляться руками — не значит драться, это просто неохотная капитуляция.⁹ В ситуации, связанной с хулиганами и с централизованным аппаратом власти, физический отпор отбивает охоту к дальнейшим нападениям со стороны угнетателя, повышая цену угнетения. Смирное ненасиль-

⁸ Fanon, «The Wretched of the Earth», 249–251.

⁹ «Активное сопротивление происходит тогда, когда активисты используют силу против полиции... или сознательно занимаются нелегальной деятельностью, такой как вандализм, саботаж или повреждение собственности». Это определение появляется в: Vorum and Tilby «Anarchist Direct Actions», 211. Авторы, профессор и бывший начальник полиции, включают сидячие забастовки и тому подобное в пассивное сопротивление.

ственное сопротивление только облегчает продолжение атак. Например, обратите внимание на следующей акции протеста, насколько полиция неохотно относится к тому, чтобы окружать воинственные группы, такие как чёрный блок, и подвергать их массовому аресту.¹⁰ Копы знают, что им понадобится по одному-двум полицейским на каждого протестующего и что некоторые из этих полицейских получают неприятные травмы. Мирных митингующих, наоборот, можно заблокировать сравнительно малым количеством копов, которые могут не спеша заходить в толпу и выволакивать обмякших протестующих одного за другим.

Другой пример — Палестина. Не может быть сомнения, что палестинцы представляют собой неудобство для государства Израиль и что израильскому государству нет дела до благополучия палестинцев. Если бы палестинцы не делали цену израильской оккупации и любой успешной агрессии такой высокой, то вся палестинская земля была бы уже захвачена, конечно, кроме нескольких резерваций для проживания необходимого количества запасных рабочих в дополнение к израильской экономике, и палестинцы стали бы забытой строкой в длинном списке вымирающих народов. Сопротивление палестинцев, включая взрывы террористов-смертников, помогло обеспечить выживание палестинцев перед лицом гораздо более сильного врага.

Ненасилие ещё больше обманывается и обманывает всех своих сторонников трюизмом: «Общество всегда было насильственным. Революционно именно ненасилие».¹¹ На практике, наше общество прославляет как насилие со стороны государства, так и, соответственно, пацифизм оппозиции. Тот же самый активист, который заявил, что наше общество уже настроено про-насильственно, попробовал бы упомянуть имя Леона Чолгоша (анархиста, убившего президента Маккинли) в разделе «Мнения» местной корпоративной газеты и увидеть, с каким осуждением широкая аудитория отнесётся к этому персонажу, олицетворяющему насилие. Причём тот же самый активист ссылается на таких пацифистов, как Кинг и Ганди, чтобы придать своим убеждениям ауру респектабельности в глазах широкой публики.¹² Если всё общество поголовно уже полюбило насилие, а пацифизм достаточно революционен, чтобы бросить серьёзный вызов нашему обществу с укоренившимся в нём угнетением, то почему Чолгош вызывает ненависть, а Ганди вызывает одобрение?

Пацифисты также заблуждаются насчёт порядочности государства и, подсознательно, насчёт степени защиты, которую им предоставляют их привилегии. Студенты из «Автономной федерации трудящихся Пекина», проводившие оккупацию площади

¹⁰ Здесь я имею в виду чёрный блок как воинственную тактику, а не блоки в стиле «панк», которые одеваются во всё чёрное, но в итоге ведут себя пассивно. Настоящие чёрные блоки в США встречаются всё реже.

¹¹ Спрюз Хаузер на дискуссии по теме «Насилие и ненасилие». Хаузер — самопровозглашённый анархист и пацифист.

¹² Spruce Houser «Domestic Anarchist Movement Increasingly Espouses Violence» («Отечественное анархистское движение всё больше поддерживает насилие» — *англ.*), Athens News, August 12, 2004. Готовясь к предстоящему Съезду североамериканских анархистов, Хаузер в своей статье в типично пацифистском духе, совершил попытку поддержать пацифизм, повернув местное общественное мнение против «анархистов, применяющих насилие». Он робко протестует против того, что его статью корпоративные СМИ превратили в орудие пропаганды против всего анархистского движения, указывая на надпись, сделанную от руки на многих раздаваемых им копиях статьи, утверждающую, что её изначальное название было «Анархизм и насилие», но редактор его изменил.

Тяньаньмэнь, думали, что их «революционное» правительство не откроет по ним огонь, если они останутся мирной, лояльной оппозицией. «Почти полное непонимание студентами природы легитимности при бюрократическом режиме и иллюзия того, что с Партией можно вести переговоры, оставила их беззащитными как в плане теоретических способов обоснования своих действий, так и в отношении узкой практики гражданского неповиновения, принятой ими в результате этих заблуждений».¹⁵ Таким образом, когда студенты, вставшие во главе движения, не захотели вооружаться (в отличие от многих жителей рабочих кварталов, менее образованных и более умных), всё движение оказалось уязвимым, и «Автономный Пекин» был раздавлен танками Народно-освободительной армии Китая. Студенты на площади перед Кентским университетом были так же шокированы, хотя то же самое правительство, которое убило нескольких из них, уничтожало миллионы людей в Индокитае без колебаний и без последствий.

В конечном счёте ненасилие имеет интеллектуальную глубину медийного «фото дня». Пацифизм требует крайне туманного, широкого, перегруженного и неаналитического термина — «насилие», — чтобы взять на себя научную точность. Всё-таки не расизм, не сексизм, не гомофобия, не авторитаризм, а насилие должно быть критической осью наших действий. *Зачем клясться перед маршем в антирасизме или делать возможность участия в движении зависимым от уважения к женщинам, квирам и трансгендерам, когда можно принять за основу гораздо менее разделяющую людей клятву в ненасилии?* Того, что большинство сторонников кодекса ненасилия, скорее всего, никогда даже не задавались этим вопросом, достаточно для демонстрации ограниченности пацифистского мышления. Так пацифисты игнорируют реальные проблемы, разделяющие людей, такие как привилегии белых, но вместо этого прибегают к безосновательной и потенциально расистской/классистской дифференциации между вскрытием замка во время заранее объявленной демонстрации (чтобы протестующие смогли устроить «лежачую» акцию на военной базе) и разбиванием витрины под прикрытием беспорядков (чтобы жительница гетто могла получить еду и деньги для своей семьи). Что важно, пацифисты не делают критического разделения между структурным, институциональным и систематически дозволенным насилием над личностью со стороны государства (в широком смысле слова «государство», включая его экономические и патриархальные функции) и индивидуальным социальным насилием «криминального» типа или коллективным социальным насилием «революционного» типа, направленным на уничтожение гораздо большего государственного насилия. Притворяясь, что любое насилие одинаково — это очень удобно для привилегированных людей, якобы выступающих против насилия, ведь им выгодно насилие государства и есть что терять от насилия революции.

Проникнуть на военную базу, залить там всё своей кровью и разбить ракеты молотками, как нам говорят, ненасильственно, но взорвать завод «Литтон Системс» (где изготавливали компоненты крылатых ракет) в любом случае — насилие, даже если никто бы и не пострадал. Почему? Обычный ответ или утверждает, что бомба

¹⁵ Burt Green, «The Meaning of Tiananmen», *Anarchy: A Journal of Desire Armed*, no. 58 (Fall-Winter 2004): 44.

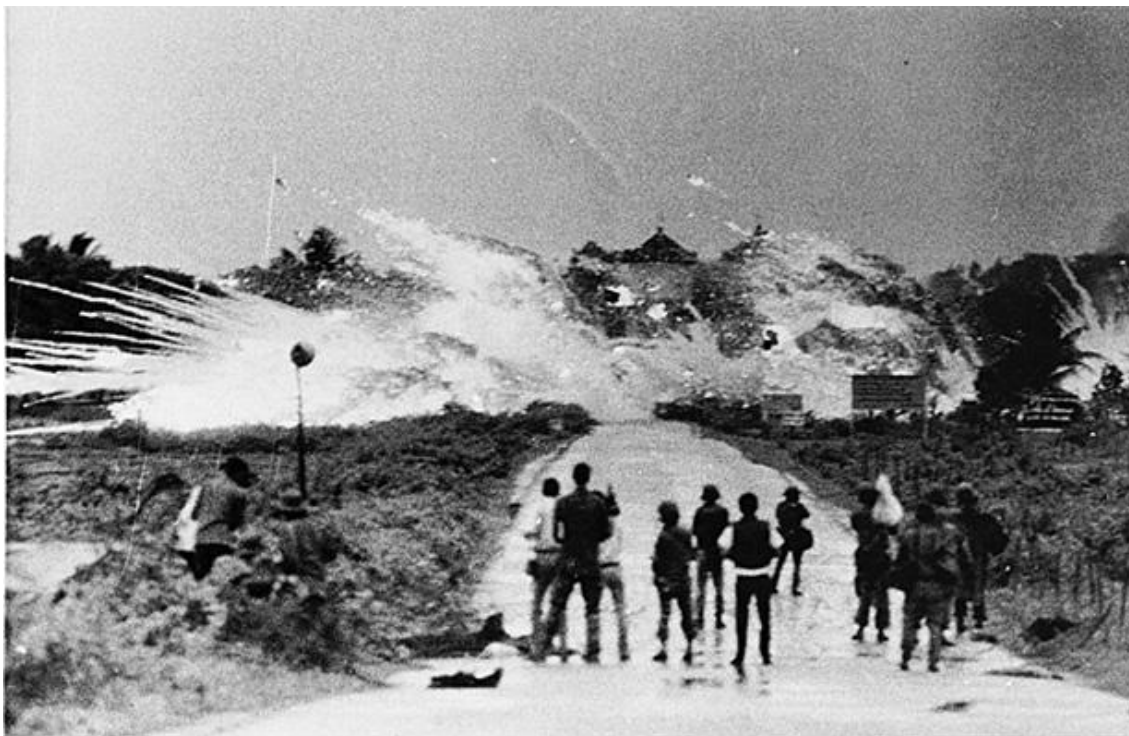
несёт угрозу людям, в отличие от пожилых белых монахинь с молотками, или что при использовании активистами бомбы они не смогут обеспечить безопасность людей вокруг. Первый аргумент игнорирует два факта. Что считать угрожающим, определяется в основном заранее существующими предрассудками против определённых рас и классов, и для большей части мира за пределами Северной Америки неработающая ракета гораздо менее опасна, чем работающая ракета, и там неважно, сколько бомб пришлось взорвать в развитых странах для того, чтобы эти ракеты не смогли взлететь. Уж точно не может быть сомнения, что взрыв уничтожает ракеты лучше, чем удары молотком. Второй аргумент, как я заметил, игнорирует возможность жертв за пределами Северной Америки. Бомба гораздо вернее, чем молоток, гарантирует, что фабрика не сможет производить ракеты, и ракеты в распоряжении империалистических государств убивают гораздо больше людей, чем бомбы (или молотки) в руках групп городских партизан. Но это соображение настолько далеко от сознания пацифистов, что монахини, на которых я ссылаюсь, основывали значительную часть своей защиты в суде на том аргументе, что они не причинили ракетному заводу, на который проникли, никакого реального вреда, кроме символического.¹⁴ Интересно, можно ли их вообще считать сторонниками ненасилия после того, как они намеренно упустили возможность вывести из строя основной инструмент войны?

На устроенном мной семинаре по ошибкам ненасилия я провёл небольшой опыт для демонстрации того, как расплывчато общепринятое представление о насилии. Я попросил участников, среди которых были сторонники как ненасилия, так и использования различных тактик, встать, и по мере того, как я медленно читал список возможных действий, переходить на одно место, если они считали это действие насильственным, и на другое место, если они считали его ненасильственным. Действия включали в себя, например, покупку одежды, изготовленной в потогонном цеху, поедание мяса, убийство волком оленя, убийство кого-либо, собирающегося взорвать в толпе бомбу, и т. д. Почти никогда между участниками не было полного согласия, и некоторые из действий, сочтённых насильственными, они также сочли нравственными, в то же время некоторые из участников сочли определённые ненасильственные действия аморальными. Вывод, явно следующий из этого упражнения: имеет ли реальный смысл настолько основывать нашу стратегию, наши союзы и наше участие в активизме на концепте, который настолько туманен, что даже два человека не могут сойтись на том, что он означает?

Попытки дать реальное определение насилия ведут к двум результатам. Либо насилие определяется буквально как нечто, вызывающее боль или страх, и не может считаться аморальным, так как включает в себя естественные действия, такие как рождение потомства или поедание других существ ради выживания. Или же насилие определяется с позиций моральной оценки последствий, и в этом случае бездействие или неэффективность перед лицом большего насилия также следует признать насилием.¹⁵ Оба эти определения исключают ненасилие — первое из-за того, что

¹⁴ Judith Kohler «Antiwar Nuns Sentenced to 2 1/2 Years», Associated Press, July 25, 2003. Я не буду никого осуждать за использование в суде любой стратегии, которую он сочтёт подходящей, но в данном случае довод монахинь правдиво отражает тот факт, что они не произвели никаких реальных, физических разрушений на ракетном заводе, когда у них безусловно была возможность их произвести.

¹⁵ Третье возможное определение может попытаться провести черту, основанную на здравом смыс-

Бомба из смеси напалма и белого фосфора, сброшенная южновьетнамскими ВВС, взорвалась на шоссе у деревни Чангбанг, Вьетнам, 1972 г.

Дети бегут по шоссе после напалмовой атаки на их деревню.

насилие неизбежно и нормально; а второе потому, что ненасилие следует считать насильственным, если оно не может положить конец системе насилия, а также из-за того, что все привилегированные люди должны рассматриваться как соучастники насилия, вне зависимости от того, считают ли они себя пацифистами. Но пацифисты продолжают ошибочно думать, что насилие достаточно точно определено и что можно притворяться, будто использование насилия влечёт за собой неизбежные моральные последствия.

Тодд Аллин Морман в журнале «Social Anarchism» ссылается на Эриха Фромма, чтобы провести точное разделение между «рациональной властью» и «иррациональ-

ле, между потенциальными вершителями насилия. Если бы мы жили в политэкономии, основанной на потребностях, здравый смысл признал бы потребность людей в самозащите и в жизни, свободной от угнетения; поэтому революционная деятельность, направленная на движение к обществу, в котором каждый сможет реализовать свои потребности, не может считаться насильственной. Поскольку мы живём в обществе, в котором наша концепция справедливости основана на наказании, — другими словами, поведение правильных людей заключается в избегании правонарушения — здравый смысл считает уплату налогов (империалистическому государству) ненасилием, хотя при этом платить наёмному убийце считается насилием. Несмотря на то, что оба действия приводят к схожим результатам, безусловно, легче ожидать от людей избегания последнего действия (требующего инициативы) и разрешить им совершать первое действие (то есть плыть по течению). В таком обществе (например, в нашем) пацифизм на самом деле является пассивизмом, поскольку несовершенство насилия больше связано с избеганием виновности, чем со взятием на себя ответственности.

¹⁶ Todd Allin Mormon «Revolutionary Violence and the Future Anarchist Order», *Social Anarchism*, no. 38 (2005), 30–38.

ной властью». Морман уверяет, что «анархизм против всех форм иррациональной власти и поддерживает уместную рациональную власть».¹⁶ Иррациональная власть основана на удержании людей в подчинении, в то время как рациональная власть определяется как влияние, добровольно предоставленное личности на основании её опыта и компетентности. «Невозможно использовать насилие для введения высшего анархистского порядка, поскольку насилие неизбежно воспроизводит психологические отношения, противоречащие целям анархистской революции». Предсказуемым образом он утверждает, что нужно вступать в революцию мирно, потому что в противном случае мы только «восстановим государство в новой... форме». Так почему же возможно прекратить насилие сейчас, до революции, а после — нельзя? Почему нам говорят, что мы неизбежно и невольно станем авторитарными после насильственной революции даже тогда, когда нас убеждают сломить психологические стереотипы нашего насильственного общества и отказаться от воинственной борьбы? Морман не отвечает, как он может рассматривать людей детерминистически в конце предложения, когда в начале того же предложения относился к ним как к носителям свободной воли. Подозреваю, причина в том, что академические работники вроде Мормана боятся последствий, которые их ожидают, если они не откажутся от воинственной революции (что означает отказ от революции в целом). Вместо этого они предпочитают отстаивать свою «рациональную власть» и притворяться, что способствуют процессу, который каким-то образом сделает государство ненужным. Безусловно, главный наш вклад в теорию, как анархистов, заключается в том выводе, что государство было ненужным с самого своего начала, но тем не менее продолжает удерживать и наращивать власть. Силлогизм Фромма или, по крайней мере, его интерпретация Морманом теряет из виду то, что для «иррациональной власти» «рациональная власть» неактуальна, бессмысленна и бессильна.

На мой взгляд, было бы гораздо легче покончить с психологическими отношениями насилия и господства, уничтожив социальные институты, политические и экономические структуры, созданные специально для воспроизведения насильственного господства. Но сторонники ненасилия смело трубят отступление, заявляя, что нужно лечить симптомы, хотя болезнь тем временем может распространяться, защищаться и вотировать прибавки к собственной зарплате. Морман заявляет: «Насилие способно атаковать только физические проявления социальных отношений, составляющих государство. Нельзя убить эти социальные отношения физическим нападением».¹⁷ Оставив в стороне тот факт, что этот довод полностью ложен в отношении туземных культур, отражающих империализм и вторжения извне (в этих случаях убийство или изгнание колонизатора действительно убивает колониализм, если это получается сделать до вестернизации), давайте примем узкий европоцентризм Мормана и сосредоточимся на обществах, в которых угнетатель и угнетённый принадлежат к одной и той же нации или культуре. Оппонент только что установил, что насилие может уничтожить лишь физические, но не психологические проявления угнетения. Любой разумный человек, исходя из этого, рекомендовал бы революционную борьбу, содержащую в себе и деструктивную, и созидательную деятельность — наси-

¹⁷ Todd Allin Morman «Revolutionary Violence and the Future Anarchist Order», *Social Anarchism*, no. 38 (2005), 34.

лие против угнетателей и их инфраструктуры вместе с одновременной заботой о своём обществе и его исцелением. Морман и тысячи пацифистов, мыслящих, как он, вместо этого объявляют, что нам нужно сосредоточиться на психологическом освобождении, избегая при этом физической борьбы. Как они не видят довод, параллельный их же аргументу и заключающийся в том, что психологические действия не могут уничтожить физические проявления государства — непостижимо. Возможно, они верят, что социальные отношения угнетения сами по себе независимы, а физические структуры угнетения воображают чем-то отдельным и эфемерным, но это упрощённый взгляд. Социальные отношения и физические структуры нельзя полностью разделить (особенно в реальности, а не в философии, поскольку эти термины — аналитические инструменты, облегчающие разговор о разных аспектах одного и того же), и они явно развиваются совместно. Физические структуры и социальные отношения взаимозависимы и усиливают друг друга.

Морман также придерживается тоталитарной концепции революции. «Революционер проповедует новый набор социальных отношений и уничтожает старые не обучением, примером или разумной аргументацией, но властью, страхом и шантажом: столпами иррациональной власти».¹⁸ Этот аргумент предполагает, что непацифистская революция должна вестись против людей, обладающих неадекватной философией или политически неправых — людей, верящих в неправильные вещи (именно так видит революцию политическая партия). Но освободительная борьба имеет более одной оси координат. Она может быть культурной, в виде борьбы за изгнание иностранного колонизатора и буржуазных политических партий, приобретших характеристики такого колонизатора (согласно определению Фанона); или же она может быть структурной: уничтожать структуры централизованной власти и иерархические институты, не целясь в каких-либо конкретных людей, кроме тех, которые предпочтут сражаться на стороне власти. После того, как революция уничтожит все структуры капитализма — захватит все фабрики, перераспределит всю землю, сожжёт все деньги, — людей с капиталистической философией не нужно будет подвергать чисткам или запугивать иррациональной властью. Не имея военного аппарата для внедрения капитализма или полицейского аппарата для его защиты, они — как люди — вполне безвредны, и либо научатся делать что-нибудь созидательное в своей жизни, либо умрут от голода, так и не поняв, что уже не могут кому-нибудь платить, чтобы на них ишачили. Типичная пацифистски-анархистская конструкция Мормана основывается на евроцентристском, политическом видении революции, в котором революционная партия захватывает власть и с помощью некоего централизованного аппарата навязывает своё видение свободы всему остальному обществу. На деле, само общество — как оно есть на данный момент, искусственное объединение людей, не имеющих добровольного интереса к общему сотрудничеству, — следует уничтожить. Воинственное революционное движение может уничтожить главную опасность — правительство, которое удерживает вместе массу различных форм управления в единой нации-государстве. Сделав это, мы уже не будем нуждаться в некой рациональной, «разумной» идеологии, чтобы сдерживать всех вместе,

¹⁸ Todd Allin Morman «Revolutionary Violence and the Future Anarchist Order», *Social Anarchism*, no. 38 (2005), 35.

ведь общества разделятся на меньшие, естественные объединения. Революционерам не придётся использовать насилие, чтобы убедить всех вести себя определённым образом, так как единообразие не будет необходимым в масштабах всей страны.

Аргументация Мормана также основана на аксиоматике западной культуры, не признающей иных причин для насилия, кроме установления господства. Эта система координат тесно связана с изначальной тоталитарностью западной культуры (что явно проявляется и в этактичности пацифизма, наделяющего привилегиями государственное насилие, активно ругая насилие восстания). Идея того, что использование «насилия» автоматически создаёт иррациональную власть, не имеет смысла с точки зрения культурных ценностей, которые не обязательно рассматривают насилие как инструмент достижения господства. Согласно мифу народов Манде, творец Мангала принёс в жертву Фаро, чтобы спасти всё, что осталось от творения. Напротив, в греческой мифологии Хронос пытался убить своего сына, а позже Зевс также пожрал свою любовницу, Метис, *чтобы сохранить свою власть*. Второй пример построения сюжета типичен для западных мифологий. Использование насилия происходит продуманно, ради захвата власти и насильственного контроля, или импульсивно, когда причиной, как правило, выступает ревнивое желание обладать другим существом. Эти повторяющиеся сценарии не универсальны для всех культур.

Они также не универсальны для всех ситуаций. Коллективное, скоординированное насилие для установления и навязывания нового комплекса социальных отношений, которые нужно поддерживать за счёт насилия, или революция путём захвата централизованных институтов — это пути к созданию или сохранению насильственной власти. Но путь к социальным переменам лежит не только через эти два варианта. Мы рассмотрели, что Франц Фанон описывал насилие как «очищающую силу», когда его используют для освобождения люди, измученные и униженные колонизацией. А понятие колониализма относится сегодня к коренным народам, к прямым колониям от Гаваев до Самоа и к оккупированным зонам от Курдистана до Ирака, причём похожую ситуацию мы наблюдаем на территории неокolonий Африки, Азии и Латинской Америки, а также «внутренних колоний», оставшихся от популяций рабов в США. Короче говоря, колонизация по-прежнему относится к сотням миллионов людей и вовсе не изжита. Фанон помогал FLN («Фронту национального освобождения») в Алжире и работал в психиатрической больнице, специализируясь на психологии колонизированных народов и на психологических последствиях их освободительной борьбы. Другими словами, ему уместнее, чем Эриху Фромму, оценивать психологию насилия, ставящего своей целью освобождение, исходя из положения большинства населения Земли — не с точки зрения образованной политической партии, стремящейся переделать фасад мира, но с позиции людей, угнетаемых такой насильственной системой, что им остаётся или давать ей отпор силой, или социопатически выплескивать это насилие друг на друга. Рассуждая о колонизации и сопротивлении ей, Фанон пишет: «Общеизвестно, что большие социальные волнения уменьшают распространённость делинквентности и психических заболеваний».¹⁹

Добавим к этому длинному списку заблуждений то, что сторонники ненасилия всё время повторяют, что средства определяют цель — как будто никогда не бывало

¹⁹ Fanon, «The Wretched of the Earth», 306.

Баррикады во время «Алжирской войны за независимость», Алжир, 1960 г.

трансформаций, результаты которых фундаментально отличались от вызвавших их средств. Например, после Войны Красного Облака в 1866 г. Лакота не опустили до вакханалии насилия из-за того, что совершили моральный/психологический проступок, убив белых солдат. Напротив, они наслаждались почти десятилетием

²⁰ Churchill and Vander Wall, «Agents of Repression», 103–106.

²¹ Именно это советовал академический анархист Говард Эрлих в своём центральном обращении к Съезду североамериканских анархистов в Афинах, штат Огайо, 14 августа 2004 г.

²² Прочитано в видеоролике, включённом в фильм: Sam Green and Bill Siegel, director/producer, «The Weather Underground» (The Free History Project, 2003). Что касается гибкости приверженности Ганди ненасилию, интересны его слова о сопротивлении палестинцев: «Мне жаль, что они не выбрали путь ненасилия в сопротивлении тому, что справедливо считают неприемлемым вторжением в свою страну. Но, в соответствии с принятыми канонами правильного и неправильного, нельзя ничего возразить против сопротивления арабов перед лицом превосходящего их противника». Jews for Justice in the Middle East, «The Origin of the Palestine-Israel Conflict», 3rd ed. (Berkeley: Jews for Justice in the Middle East, 2001). Цит. по изд.: Martin Buber and Paul R. Mendes Flohr «A Land of Two Peoples» (New York: Oxford University Press, 1983).

²³ Ненасильственные активисты часто полагаются на СМИ для распространения своей точки зрения. Я уже приводил многочисленные примеры, связанные с акциями протеста. Другой пример: 31 января 2006 г. в рассылке предположительно радикальной антиавторитарной группы «Еда вместо бомб» активист предложил акцию во время обращения президента Буша «О положении страны». Предложение заключалось в том, чтобы тысячи людей искали в Google фразу «импичмент Бушу» во время его речи. Предполагалось, что корпоративные СМИ обратят внимание на это сомнительное событие и предадут гласности его вместо своего обычного поверхностного анализа самопрезентации Буша. Незачем и объяснять, почему этого не случилось.

относительного мира и автономии, пока Кастер не вторгся на территорию Чёрных холмов в поисках золота.²⁰ Но вместо того, чтобы приспособлять средства (наши тактики) к ситуации, в которой мы находимся, нам предлагают принимать решения, основываясь на условиях, которых вообще нет, действуя так, как будто революция уже произошла и мы живём в новом лучшем мире.²¹ Этот полный отказ от стратегии игнорирует даже то, что ни один из двух прославленных лидеров ненасилия (Ганди и Кинг) не верил в то, что пацифизм является универсально применимой панацеей. Мартин Лютер Кинг признавал, что «те, кто делает мирную революцию невозможной, тем самым делают неизбежной насильственную революцию».²² С учётом возрастающей консолидации СМИ (предполагаемых союзников и инструмента морализма в глазах ненасильственного активиста²³), а также возрастающего репрессивного потенциала правительства, можем ли мы действительно верить, что пацифистское движение смогло бы преодолеть правительство в вопросе, в котором для интересов власть имущих компромисс будет неприемлем?

Список типичных заблуждений закрывает слишком уж частое заявление о том, что насилие отталкивает людей. Это ослепительная чушь. Видеоигры и фильмы, полные насилия, популярнее всех. Даже явно несправедливые войны получают поддержку не менее половины населения, кроме того, часто слышно отзывы, будто армия США слишком гуманна и сдержана по отношению к врагам. С другой стороны, именно ханжеские пикеты со свечами отталкивают большинство людей, не участвующих в них и торопливо, с ухмылкой, проходящих мимо. Голосование также отталкивает миллионы людей, знающих ему цену, и многих из тех, кто участвует в нём из-за отсутствия лучших вариантов. Призыв «возлюбить» каким-то образом «врага твоего» отталкивает людей, знающих, что любовь — нечто более глубокое и интимное, чем поверхностная улыбочка в адрес шести миллиардов чужих людей одновременно.²⁴ Пацифизм также отталкивает миллионы бедных американцев, тихо радующихся каждый раз, когда копа или (особенно) федерального агента убивают.²⁵ Настоящий вопрос заключается в том, кого и какое насилие отталкивает? Один анархист пишет:

«Даже если бы насилие не привлекало средний и верхний классы, кого это волнует? Они уже получили свою насильственную революцию и сейчас мы в ней живём. Но вообще говоря, само утверждение, что насилие отталкивает средний и верхний классы, полностью лживо... они всё время поддерживают насилие, будь то подавление забастовки, полицейское насилие, тюрьмы, война, санкции или смертная казнь. С чем они реально борются, так это с насилием, направленным на смещение как их самих, так и их привилегий».²⁶

Безрассудное насилие, подвергающее людей ненужным рискам, даже не стремясь быть эффективным или успешным, скорее всего, оттолкнёт людей — особенно тех,

²⁴ Малькольму Иксу пришлось сказать это о заявлениях в духе Ганди на тему всеобщего братства и любви: «Моя вера в братство никак не удерживает меня от того, чтобы защищать себя в обществе от народа, чьё неуважение к братству делает его склонным надеть мне на шею петлю, закреплённую на дереве». Perry «Malcolm X: The Last Speeches», 88.

²⁵ Например, мои знакомые в тюрьме консервативно осуждали «вашингтонского снайпера» и даже надеялись, что его приговорят к казни. Но когда к списку его жертв добавился внештатный агент ФБР, они тут же выразили невероятное удовлетворение.

²⁶ Ashen Ruin, «Against the Corpse Machine», 31. Fanon, «The Wretched of the Earth», 54.

кому уже приходится выживать при насильственном угнетении, — но борьба за выживание и свободу часто привлекательна. Недавно мне посчастливилось вступить в переписку с узником «Чёрной армии освобождения» Джозефом Боуэном, которого посадили после того, как коп, пытавшийся его убить, сам оказался покойником. «Джо-Джо» добился уважения других заключённых после того, как вместе с другим эком убил надзирателя и помощника надзирателя, а также ранил командира охраны в Хорнелсбургской тюрьме в Филадельфии в 1973 г. в ответ на интенсивные репрессии и преследования за религиозные убеждения. В 1981 г., когда попытка массового побега, которую он помогал организовать, была сорвана и превращена в ситуацию с захватом заложников, СМИ уделили огромное внимание ужасным условиям содержания в тюрьмах Пенсильвании. За время пятидневного противостояния в «Philadelphia Inquirer» и общенациональной прессе вышли десятки статей, проливающих свет на тяготы заключённых и подчеркивающих тот факт, что все эти люди, которым нечего терять, продолжают сражаться с угнетением и плохими условиями содержания. Некоторые статьи в корпоративных СМИ даже выражали симпатию к Джо-Джо,²⁷ и в конечном счёте правительство согласилось перевести дюжину восставших в другую тюрьму, а не применять штурм со стрельбой — свою излюбленную тактику. Прямо скажем, в результате осады Боуэн настолько раскачал весы политической власти, что политикам пришлось защищаться и требовать расследования условий содержания в тюрьме Гратерфорд. В этом и многих других примерах, включая сапатистов в 1994 г. и шахтёров Аппалачи в 1921 г., люди обретают человеческий облик именно тогда, когда берутся за оружие, чтобы сражаться с угнетением.

С момента выхода первого издания этой книги ко мне обращались многие люди, не являвшиеся активистами, но выразившие поддержку и признательность за позицию, высказанную в этой книге. Активисты могут предположить, что эти люди безразличны к современным социальным движениям, поскольку никогда не участвовали в них. Но они снова и снова говорили мне, что хотят принимать участие, только не знают как, поскольку вся видимая им организационная деятельность вращается вокруг мирных акций протеста, в которых им не хотелось бы участвовать и которые явно не могут ничего добиться. Один человек из рабочего класса рассказал мне, как при вторжении США в Ирак он прыгнул в машину и два часа ехал в Вашингтон, чтобы принять участие в акции протеста, не зная никого из участников. Когда он приехал и увидел мирную толпу, ведомую полицией в клетку для протеста, он сразу же развернулся обратно и поехал домой.

²⁷ Главный пример: Stephen Salisbury and Mark Fineman «Deep Down at Graterford: Jo-Jo Bowen and „The Hole“», The Philadelphia Inquirer, vol. 305, no. 121, November 8, 1981, A1. Первые шесть абзацев статьи посвящены Джозефу Боуэну и его опыту в «Яме» (неформальное название этой тюрьмы — *прим. пер.*). Они включают в себя цитаты Боуэна или его комментарии, создающие ощущение рассказа от первого лица, — читатель как бы переносится в тюрьму и оказывается рядом с ним. Восьмой параграф начинается так: «Но Джозеф Боуэн также заставил участников переговоров — а вместе с ними и мир — увидеть в нём больше, чем трёхкратного убийцу, внезапно обретшего власть. Через участника переговоров Чака Стоуна и СМИ, освещавших каждый нюанс его пятидневной осады, Боуэн также заставил окружающий мир столкнуться с реалиями другого мира — мира институтов, которые он и тысячи других заключённых в Пенсильвании считают угнетающими и расистскими, отнимающими у людей не только достоинство, но, иногда, и жизнь».

Частые случаи участия ненасильственных активистов в контроле над революционными движениями и их саботаже, а также их неспособность защищать революционных активистов от государственных репрессий, как и их спокойствие при самых бесплодных «победах», подразумевают наличие у ненасильственного активизма скрытой мотивации. Мне представляется, что наиболее распространёнными мотивами пацифистов являются извлечение выгод из своей высокоморальной позиции и заглушение чувства глубокой вины за то, что, видя многочисленные системы угнетения, связанные с ними самими, они не пытаются осознанно разобраться с этими системами. Уорд Черчилль предполагал, что белые пацифисты хотят защититься от репрессий, превращая свой активизм в позёрство и формулируя общественную организацию послереволюционного мира, пока цветные люди планеты несут все потери в сражении за этот мир.²⁸ Это далеко не та роль солидарных товарищей, которую пытаются разыгрывать белые пацифисты.

Хорошим примером служит ненасильственный активизм, направленный против «Школы Америк» (SOA). Деятельность против SOA включает в себя одну из самых больших кампаний гражданского неповиновения, проведённых за последние годы, и она привлекла к участию и заручилась поддержкой множества ведущих пацифистов. Во время моего участия в активизме против SOA я считал гражданское неповиновение и тюремный срок способами продемонстрировать фарсовую и авторитарную природу демократического процесса и стимулировать эскалацию в сторону настоящего революционного движения, направленного на все аспекты капитализма и империализма, а не только на SOA. Насколько было бы смешно вести кампанию за закрытие одной военной школы, когда многие другие институты, да и вся структура капиталистического государства, занимаются тем же самым! Но после завершения срока моего тюремного заключения я увидел, что для пацифистского большинства в «движении» против SOA гражданское неповиновение является самостоятельной целью для давления на Конгресс, рекрутирования новых участников, смягчения чувства вины от своих привилегий и обращения к моральной праведности тех, кто, так сказать, кладёт деньги им в рот. Это дало им право заявлять, отсидев сравнительно лёгкие сроки по шесть месяцев и менее, что они «свидетельствовали» и «проявляли солидарность с угнетёнными» в Латинской Америке.²⁹

Несмотря на все фанфары, ненасилие отжило свой век. Ненасильственная теория покоится на огромном количестве манипуляций, фальсификаций и заблуждений. Ненасильственная практика неэффективна и является самоцелью. В революционном смысле ненасилие не только никогда не работало, его никогда и не существовало. Водить машину, есть мясо, платить за аренду, платить налоги, быть доброжелательным с копом — всё это насильственные действия.³⁰ Глобальная система и все её компонен-

²⁸ Churchill, «Pacifism as Pathology», 70–75.

²⁹ Чтобы убедиться в преобладании таких настроений среди пацифистов — противников SOA, и услышать эти нелепые заявления, повторяемые до тошноты, достаточно всего лишь посетить ежегодный митинг перед Форт-Беннинг, где базируется SOA.

³⁰ «Есть мясо и платить налоги» — здесь всё, наверное, понятно. Исследование индустрии производства алюминия (и сопутствующего ему строительства ГЭС), условий труда на автозаводах, загрязнения воздуха от двигателей внутреннего сгорания, уровня смертельных ДТП, автоматически порождаемых автомобильной культурой, и способа, которым индустриальные страны приобретают свою нефть объясняет, почему вождение машины является насильственной деятельностью до такой степени, что мы

ты погрязли в насилии; оно навязано, вынуждено, невольно. Для тех, кто страдает под гнётом колониализма, военной оккупации или расового угнетения, ненасилие не всегда является вариантом — людям приходится либо насильственно сражаться против своего угнетателя, либо переключить это насилие в антисоциальное насилие друг против друга. Франц Фанон пишет:

«Здесь на уровне коллективных объединений мы явственно распознаём известные поведенческие механизмы избегания. Как будто погружение в братоубийственную кровавую баню позволяло им игнорировать препятствие и откладывать на потом выбор, всё-таки неизбежный, поднимающий вопрос о вооружённом сопротивлении колониализму. Так, коллективное самоуничтожение в очень конкретной форме является одним из способов разрядки мышечного напряжения коренного народа».³¹

Мир — не вариант до тех пор, пока не будет уничтожено централизованное насилие, то есть государство. Надеяться только на построение альтернатив — чтобы поддерживать остальных активистов, сделать государство ненужным, и исцелять всех от насилия, чтобы предотвратить «самоуничтожение» — также не вариант, поскольку государство может раздавить альтернативные структуры, не способные себя защитить. Если бы нам позволяли жить так, как мы хотим, революция была бы не очень-то и нужна. Мы насильственно ограничены следующими вариантами наших действий: активно поддерживать насилие системы; молчаливо поддерживать это насилие, не посягая на нее; поддерживать некоторые из существующих насильственных попыток уничтожения системы насилия; или следовать новым, оригинальным путям борьбы, чтобы сразиться с этой системой и уничтожить её. Привилегированным активистам нужно понять то, что населению остального мира известно слишком давно: мы в центре войны и нейтралитет невозможен.³² На данный момент вокруг нет ничего, заслуживающего слова «мир». Вопрос скорее в том, чьё насилие нас больше пугает и на чьей стороне мы стоим.

не можем серьёзно воспринимать морального пацифиста, водящего машину. Употребление тофу в современной экономической системе неразрывно связано с использованием рабского труда иммигрантов, генетической модификацией сои и вытекающего отсюда уничтожения экосистем и пищевых культур, а также с возможностью США подрывать культуры натурального хозяйства по всему миру, подпитывая глобализацию угрозой и реальностью голода. Оплата аренды поддерживает собственников жилья, готовых вышвырнуть семью на улицу, если она вовремя не платит, инвестирующих в экоцидальную застройку и бесконтрольный рост городов, а также помогающих их джентрификации, чему сопутствует жестокость по отношению к бездомным, цветным и бедным семьям. Доброжелательность к копу способствует мазохистской культуре поклонения, позволяющей представителям закона и порядка безнаказанно бить и убивать людей. Лишь крайняя особенность исторического момента позволяет полиции пользоваться широкой народной поддержкой, и даже считать себя героями, хотя они издавна были известны как негодяи и лакеи правящего класса.

³¹ Fanon, «The Wretched of the Earth», 54.

³² Art Burton, «We are at war...» (основной доклад, People United, Afton, VA, June 19, 2004). Бертон был членом Ричмондской «Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения» (NAACP). Сапатисты описывают сегодняшний мировой порядок как Четвертую мировую войну, и их настрой имеет отклик по всему миру.

VII. Альтернатива: возможности революционного активизма

Я привёл немало резких и даже едких аргументов против ненасильственного активизма и не стремился их смягчить. Я ставил своей целью обратить внимание на критику, которую слишком часто заглушают, сорвать с дискурса движения хватку пацифизма — удушающую хватку, обладающую во многих кругах такой монополией на мнимую мораль и стратегический/тактический анализ, что она даже заранее исключает признание любой реальной альтернативы. Потенциальным революционерам нужно понять, что пацифизм настолько бессодержателен и контрпродуктивен, что альтернатива ему является насущной необходимостью. Только признав это, мы сможем честно взвесить различные пути борьбы — и, надеюсь, в плюралистической, децентрализованной манере — вместо того, чтобы пытаться навязывать всем линию партии или единственно верную революционную программу.

Моя позиция заключается не в том, что все пацифисты — охранители и продажные skóry, лишённые всяких достоинств, и что им нет места в революционном движении. Многие пацифисты — потенциальные революционеры и действуют из лучших побуждений, просто они не сумели пойти дальше своих культурных стандартов, программирующих инстинктивно реагировать на агрессию против божественного Государства как на величайшее преступление и измену. Некоторые пацифисты проявляли настолько твёрдую приверженность революции, брали на себя такие риски и приносили такие жертвы, что они выше критики, обычно заслуженной пацифистами, и даже представляют собой угрозу функционированию статуса-кво особенно тогда, когда их мораль не мешает им работать в солидарности с непацифистскими революционерами.¹ Суть в том, что пацифизм как идеология с претензиями, выходящими за рамки личной практики, неисправимо служит интересам государства и безнадежно психологически связан со схемами господства патриархата и превосходства белых.

Продемонстрировав необходимость замены ненасильственной революционной практики, я хотел бы определить точнее, чем мы можем её заменить, поскольку многие непацифистские формы революционной борьбы обладают своими характерными недостатками. В дебатах пацифисты обычно обобщают некоторые распространённые ошибки нескольких типичных исторических революций, но избегают любого детального анализа и считают вопрос решённым. Но вместо того, чтобы говорить, например «Смотрите, насильственная Российская Революция привела к новому насильственному и авторитарному правительству, поэтому насилие заразительно»,²

¹ Мне вспоминаются Хелен Вудсон и мой бывший соответчик Джерри Завада как идейные революционеры-пацифисты.

² Хотя эта конкретная фраза — моё собственное перефразирование, сам довод часто звучит из уст

— было бы полезно отметить: всё, чего хотели ленинисты, — это авторитарное капиталистическое государство, покрашенное в красный цвет, с ними во главе, и в общем-то они вполне достигли своих целей.³ Мы также можем указать на тогдашних революционеров-анархистов Южной Украины, последовательно отказывавшихся от власти и годами освобождавших обширные регионы от немцев, националистов-антисемитов, белых и красных, — при этом не навязывая свою волю освобождаемым, которых они вдохновляли на самоорганизацию.⁴ Чтобы и дальше избавляться от мистифицирующего, поверхностного анализа пацифистами истории, можно было бы, испачкав наши руки, залезть поглубже в исторические детали и проанализировать степени насилия, возможно, показав, что в плане структурного разложения и государственных репрессий Куба Кастро — результат насильственной революции, пожалуй, менее насильственна, чем Куба Батисты. Однако у Кастро и так достаточно апологетов, что отбивает у меня охоту тратить свою энергию подобным образом.

Общим элементом всех авторитарных революций является их иерархическая форма организации. Авторитаризм СССР или Китайской Народной Республики был не мистическим наследием использованного ими насилия, но прямой функцией иерархий, с которыми они неизменно сочетались. Странно, бессмысленно и совершенно неверно утверждать, что насилие всегда порождает определённые психологические стереотипы и социальные отношения. Однако иерархия неотделима от психологических стереотипов и социальных отношений доминирования. Фактически, бóльшая часть бесспорно несправедливого насилия в обществе уходит корнями в насильственные иерархии. Другими словами, концепт иерархии обладает большой аналитической и моральной точностью, которой лишён концепт насилия. Поэтому для настоящего успеха освободительная борьба должна использовать любые необходимые способы, согласующиеся с построением мира, свободного от насильственных иерархий.

Этот антиавторитаризм должен быть отражён как в организации, так и в этике освободительного движения. С точки зрения организации, власть должна быть децентрализована: никаких политических партий или бюрократических институтов

ненасильственных активистов. Тодд Аллин Морман начинает свою статью «Революционное насилие и будущий анархистский порядок» указанием на то, что ни одна из насильственных революций в США, России, Китае или на Кубе «не привела к справедливому обществу, к свободному обществу или даже к „раю для рабочих“» (30).

³ Я сужу о мотивации ленинистов по целям и действиям их лидеров — будучи членами авторитарной организации, рядовые большевики явно придавали бóльшую важность повиновению руководству, нежели своим личным наклонностям, хорошим или плохим. Цели и действия руководства ленинистов с самого начала включали в себя: улучшение и расширение царской тайной полиции, воссозданной как ЧК; насильственное превращение миллионов независимых крестьян в подневольных работников; блокирование прямого бартера между производителями; введение косной иерархии между оплатой офицерам и солдатам; кооптацию армии, во многом составленной из бывших царских офицеров; захват, централизацию и окончательное уничтожение независимых рабочих советов; заявки и получение займов на развитие от английских и американских капиталистов; торг и сотрудничество с империалистическими силами в конце Первой мировой войны; подавление активизма и публикаций анархистов и социальных революционеров; и так далее. См.: Alexander Berkman «The Bolshevik Myth» (London: Freedom Press, 1989), Alexandre Skirda «Nestor Makhno, Anarchy's Cossack: The Struggle for Free Soviets in the Ukraine 1917–1921» (Oakland: AK Press, 2004), и Voline «The Unknown Revolution» (Montreal: Black Rose, 2004).

⁴ Подробное описание их движения см. в: Alexandre Skirda «Nestor Makhno, Anarchy's Cossack».

Группа махновцев в Познанщине (Польша), 1922 г.

быть не может. Практически целиком власть должна быть сосредоточена на низовом уровне — у индивидов и групп, работающих в рамках местных сообществ. Поскольку низовые движения и местные сообщества ограничены обстоятельствами реальной жизни и имеют постоянный контакт с людьми вне движения, идеология склонна перетекать вверх, концентрируясь в «национальных комитетах» и на других централизованных уровнях организации (сводящих вместе похожих людей, погружённых в абстракцию и удалённых от контакта с повседневными реалиями большинства). Мало что обладает большим потенциалом для авторитаризма, нежели авторитетная идеология. Поэтому как можно больше автономии и власти по принятию решений должно оставаться на низовом уровне. Когда местным группам нужно объединяться на федеративных началах или как-то иначе координироваться в широких географических рамках, — а трудность нашей борьбы потребует координации, дисциплины, совместного пользования ресурсами и общей стратегии, — любая возникающая организация должна гарантировать, что местные группы не утратят своей автономии, и, какие бы высшие уровни организации ни создавались (региональные или национальные комитеты или федерация), они должны быть слабыми, временными, часто заменяемыми, отзываемыми и всегда зависящими от ратификации их решений местными группами. В противном случае у тех, кто займёт высшие уровни в организации, скорее всего, разовьётся бюрократическое мышление, и у организации, вероятно, появятся свои интересы, которые вскоре разойдутся с интересами движения.

Кроме того, ни одна организация не должна монополизировать движение. Организации не должны быть империями; они должны быть временными инструментами, которые переплетаются, быстро разрастаются и отмирают, когда в них отпала необходимость. Движение будет здоровее и устойчивее к поглощению, если будет существовать многообразие групп, заполняющих различные ниши и преследующих схожие цели,⁵ и эти группы будут менее подвержены конкуренции, если люди в движении чаще будут принадлежать к нескольким группам вместо того, чтобы отдать свою лояльность одной группе.

Помимо этого, жизненно важен вопрос культуры, или этос освободительного движения. Ненасильственные структуры легко разлагаются, если культура и устремления тянут составляющих их людей в разные стороны. Прежде всего, культура освобождения должна предпочитать плюрализм монополии. На уровне борьбы это означает, что мы должны отказаться от мнения, будто есть всего один правильный путь, будто мы должны добиваться подписания всеми единой платформы или общего вхождения в единую организацию. Напротив, борьба выиграет от множественности стратегий, атакующих государство с разных сторон. Это не значит, что все должны работать отдельно или в противоположных направлениях. Нам нужно координироваться и объединяться, насколько это возможно, для увеличения нашей коллективной силы, но при этом надо также понимать, какая степень однородности реально достижима. Нельзя заставить всех согласиться, что одна стратегия борьбы — самая лучшая; такая точка зрения, действительно, скорее всего, неверна и непродуктивна. В конце концов, разные люди обладают разными силами и опытом, а также сталкиваются с разными аспектами угнетения: только логично, что должны быть разные пути борьбы, на которых мы все одновременно сражаемся за освобождение. Авторитарный монотеизм, присущий западной цивилизации, побудил бы нас, сторонников конкретной стратегии, рассматривать эти другие пути как глупые отклонения, как конкуренцию — мы даже могли бы попытаться подавить эти другие тенденции в движении. Антиавторитаризм требует, чтобы мы отбросили такое мировоззрение, поняли неизбежность различий и думали о людях, выбирающих другой путь, как о союзниках. В конечном счёте мы не пытаемся навязать всем единое утопическое общество после революции; цель заключается в уничтожении централизованных структур власти, чтобы каждое сообщество имело такую автономию для самоорганизации, которую все его члены коллективно сочтут наилучшей для достижения их нужд, при этом любой участник сообщества мог бы легко присоединиться к свободным ассоциациям взаимопомощи⁶ или покинуть их. Каждый обладает врождённым потенциалом свободы и самоорганизации, поэтому, если мы определяем себя как

⁵ В своей статье для полицейских стратегов «Прямые действия анархистов» Рэнди Борум и Чак Тилби указывают на то, что, хотя в некоторых случаях децентрализация оставила анархистов изолированными и более уязвимыми для репрессий, в целом очевидно, что децентрализация значительно осложняет внедрение в радикальные группы и их подавление. Коммуникация, координация и солидарность являются критическими компонентами выживания децентрализованных сетей. Borum and Tilby «Anarchist Direct Actions», 203–223.

⁶ Без автономии не может быть свободы. Базовое введение в эти и другие принципы анархизма см. в: Errico Malatesta «Anarchy» (London: Freedom Press, 1920); или: Кропоткин П. А. «Взаимопомощь как фактор эволюции». Хорошая статья с размышлениями об анархистском революционном процессе, аналогичными высказанным мной: Wolfi Landstreicher «Autonomous Self-Organization and Anarchist

анархистов, наша задача не в том, чтобы обратить всех остальных в анархизм, а в том, чтобы использовать наш кругозор и коллективный опыт для защиты от поглощения нас системными левыми, а также предоставлять модели автономных социальных отношений и самоорганизации культурам, где их сейчас нет.

Ассамблея на заводе Форха, Аргентина, 2004 г.

В антиавторитарной борьбе также существует вопрос лидерства. Традиционное представление о лидерстве как о некоей институционализированной или насильственной роли, удержании власти над людьми, является иерархическим и подавляющим развитие людей. Но также верно и то, что люди не равны по своим способностям, что эта революция потребует огромного умения и что грамотные, не самовлюблённые люди добровольно поручат кому-либо, более компетентному, чем остальные, ненасильственное и временное лидерство. Подход антиавторитарного этоса к лидерству заключается в том, что власть нужно постоянно перераспределять вовне. В зону ответственности людей, оказавшихся в позиции лидеров, будет входить предоставление движению своих умений и обучение им других людей без попыток удерживания власти за счёт своих особенных способностей.

Добавим, что антиавторитарный этос поддерживает бескомпромиссную войну с угнетением, но противостоит растаптыванию побеждённых; он предпочитает примирение, а не наказание.

Intervention». См. также: Roger White «Post Colonial Anarchism» — эта работа содержит много важных аргументов о праве каждого сообщества и народа на автономное самоопределение и выбор собствен-

С устроенными подобным образом структурами и культурой освободительное движение имеет больше шансов на успех создания нового мира без авторитарной системы. Всегда будут противоречия между эффективностью и освободительным началом, и в сложности борьбы остаётся немало пограничных зон, но это помогает рассматривать развитие антиавторитарной практики как постоянную битву между двумя требованиями (эффективностью и свободой), противоречивыми, но не взаимоисключающими. Пацифистское видение борьбы, основанное на полярной дихотомии между насилием и ненасилием, нереалистично и обречено на провал.

Говоря конкретнее, трудно составить общий список правил, как освободительное движение, используя всё разнообразие тактик, должно вести свою борьбу. Отдельным группам нужно решать это самим, основываясь на тех условиях, в которых они находятся, — а не на предписаниях какой-либо идеологии. Тем не менее, скорее всего, антиавторитарному освободительному движению понадобится сделать акцент на создании автономной культуры, способной сопротивляться контролю сознания со стороны СМИ, а также на создании социальных центров, бесплатных школ и больниц, земледельческих общин и других структур, способных поддерживать сообщества, участвующие в сопротивлении. Вестернизированным народам также нужно развивать коллективные социальные отношения. Люди из развитых стран, даже будучи анархистами, не становятся исключением из правил, пропитываясь индивидуалистическими формами социальных взаимодействий, основанных на наказаниях и привилегиях. Нам нужно внедрить работоспособные модели восстановительного или трансформативного правосудия для того, чтобы полиция и тюрьмы действительно не были нужны. Пока мы зависим от государства, мы никогда его не свергнем.

Читатели могут заметить, что некоторые из перечисленных первостепенных требований к освободительному движению не содержат признаков «насильственности» действий. Надеюсь, что на данном этапе мы с вами уже способны отбросить дихотомию между насилием и ненасилием. Использование насилия — не этап борьбы, над которым нужно трудиться и который необходимо пройти, чтобы победить. Изолировать насилие бесполезно. Скорее, нам нужно знать об определённых типах репрессий, с которыми, вероятно, нам придётся столкнуться, об определённых тактиках, которые, вероятно, нам придётся применить. На каждом этапе борьбы нам нужно культивировать воинственный дух. Наши социальные центры должны воздавать честь воинственным активистам, находящимся в тюрьмах или убитым государством; в наших бесплатных школах нужно обучать самообороне и истории борьбы. Если мы будем откладывать принятие воинственных принципов до тех пор, пока государство не усилит репрессии до уровня, явно подразумевающего, что оно объявило нам

ных методов борьбы.

⁷ Например, «Чёрная армия освобождения», одна из самых успешных городских партизанских групп в США, проиграла во многом из-за нехватки открытой структуры поддержки, см.: Jalil Muntaqim «We Are Our Own Liberators» (Montreal: Abraham Guillen Press, 2002), 37–38. Положительный опыт демонстрирует, например, анархистская партизанская армия под предводительством Махно в Украине. Она смогла так долго вести эффективную партизанскую войну против неизмеримо большей и лучше вооружённой Красной Армии именно потому, что пользовалась огромной поддержкой крестьян, прятавших и лечивших раненных партизан, предоставлявших еду и припасы и собиравших информацию о расположении врага. Skirda, Makhno, «Anarchy's Cossack», 248, 254–255.

Сапатисты на «Марше за мир», Мексика, 2011 г.

войну, будет уже слишком поздно. Культивирование воинственности должно идти рука об руку с подготовкой и информационно-пропагандистской деятельностью.

Опасно оказаться полностью отрезанным от общей реальности, используя только такие тактики, которые никто не поймёт и тем более не поддержит. Люди, действующие преждевременно и закрывающие себя для народной поддержки, станут лёгкими мишенями для правительства.⁷ Но говоря это, мы понимаем, что не можем позволить себе руководствоваться в своих действиях лишь приемлемым для широкой публики. Общественное мнение формируется государством — потакать общественному мнению означает потакать государству. Скорее, мы должны работать над усилением воинственности, просвещением через показательные действия и повышением уровня приемлемого порога воинственности (по крайней мере в тех слоях населения, в которых мы видим потенциальную поддержку). Радикалам из привилегированной среды придётся проделать самую тяжёлую работу, поскольку их общественное окружение склонно к самым консервативным реакциям на воинственные тактики. Привилегированные радикалы, как представляется, в качестве оправдания своей пассивности более склонны спрашивать: «Что подумает общество?».

Улучшение отношения к воинственным тактикам — непростая работа, мы должны постепенно подводить людей к принятию ими более воинственных форм борьбы. Если единственный выбор, который мы можем предоставить, лежит между швырянием бомб и голосованием, почти все наши потенциальные союзники выберут голосование. И, хотя для принятия и применения людьми более опасных, смертель-

ных тактик требуется преодоление большего количества культурных барьеров, эти тактики не могут быть поставлены на вершину некой иерархии. Фетишизация насилия не повысит эффективность движения и не сохранит его антиавторитарные качества.

Природой самого государства продиктовано то, что любая борьба за освобождение, вероятно, постепенно превратится в вооружённую борьбу. Сегодня многие народы уже вовлечены в вооружённую борьбу, чтобы освободиться прямо сейчас, включая иракцев, палестинцев, Иджо в Нигерии, некоторые из коренных народов Южной Америки и Папуа — Новой Гвинеи, и, в меньшей степени, антиавторитарные группы в Греции, Италии и других регионах. Пока я пишу эти строки, местные активисты, анархисты и профсоюзники, вооружённые лишь кирпичами и палками, удерживают баррикады в мексиканском штате Оахака против надвигающегося наступления военных. Некоторых из них уже убили, и, поскольку военные нападают снова и снова, им нужно решать, прибегать ли к эскалации тактик, чтобы увеличить свои возможности самозащиты, но рискуя при этом ещё худшими последствиями. Не скажу, что вооружённая борьба является идеологической необходимостью, но для многих людей во многих местах действительно становится необходимым свергнуть государство или хотя бы защищаться от него силой. Было бы прекрасно, если бы большинству не приходилось проходить через процесс вооружённой борьбы, чтобы освободить себя. Учитывая степень глобальной интеграции экономик и правительств можно с уверенностью сказать, что очень многие режимы могли бы легко рухнуть, если бы их ослабили расходящиеся волны мировой революции. Но некоторым народам придётся испытать вооружённую борьбу, а некоторым уже приходится, и будет непростительно, если наша революционная стратегия станет извлекать выгоды из уверенности в том, что другие народы должны умирать в кровавых конфликтах, а мы — оставаться в безопасности.

Нам нужно принять тот факт, что революция — это социальная война, не потому, что мы любим войну, а потому, что осознаём: текущий статус-кво является вялотекущей войной и вызов государству приведёт к интенсификации этой войны. Мы также должны принять то, что революция делает неизбежным межличностный конфликт, поскольку определённые классы людей наняты защищать централизованные институты, которые мы должны уничтожить. Людей, продолжающих обесчеловечивать себя, выступая агентами закона и порядка, нужно побеждать любыми необходимыми способами до тех пор, пока они не смогут больше мешать автономной реализации народом его нужд. Я надеюсь, что в процессе этого мы сможем построить культуру уважения к нашим врагам (многие не-западные культуры показали, что действительно можно уважать человека или зверя, которого ты должен убить), что поможет предотвратить чистки или возникновение новой власти, когда существующее государство будет побеждено. Например, можно считать приемлемым убийство более сильного врага (скажем, того, на кого нужно покушаться скрытно из-за опасности расправы со стороны государства), считать нежелательным убийство равного по силе (когда это может быть оправдано только в стеснённых обстоятельствах или при самообороне), и явно аморальным и презренным убивать более слабого (например, уже побеждённого).

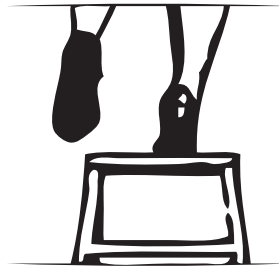
Протестующие пытаются спасти раненного из пистолета оператора. Позже он скончался в больнице, Мексика, 2006 г.

Мы можем добиться успеха в своём революционном активизме, если будем стремиться к чистым, долгосрочным целям, но мы не должны забывать о краткосрочных победах. Люди должны выживать и получать заботу уже сейчас. Нужно признавать, что насильственная борьба против крайне могущественного врага, в которой окончательная победа может казаться невозможной, способна приводить к небольшим краткосрочным победам. Проигрывать битвы может быть лучше, чем вообще не сражаться; сражения воодушевляют людей и учат нас тому, что мы можем воевать. Ссылаясь на поражение в Битве у горы Блэр в Угольной войне 1921 г. в Западной Вирджинии, кинорежиссёр Джон Сейлс пишет: «Психологическая победа в те жестокие дни была, возможно, важнее. Когда покорённый народ понимает, что может дать совместный отпор, жизнь их эксплуататоров уже никогда не будет такой комфортной».⁸

Смело сопротивляясь и черпая в этом внутренние силы, мы сможем двигаться вперёд, минуя малые победы, чтобы добиться окончательной победы над государством, патриархатом, капитализмом и господством белой расы. Революция необходима, и революция требует борьбы. Есть много эффективных форм борьбы, и некоторые из них способны привести к мирам, о которых мы мечтаем. Чтобы найти один из верных путей, нам нужно наблюдать, оценивать, критиковать, общаться и, прежде всего, учиться действуя.

⁸ John Sayles «Foreword», in Lon Savag's *Thunder in the Mountains: The West Virginia Mine War, 1920–21* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1990).

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Питер Гелдерлоос
Как ненасилие защищает государство
2014

Книга с rtpbooks.info, невошедшее введение с poslezavtra.be
Переводчик: Александр Толмачёв; Редакторы: Соня Любимова, Александр Пушкин;
Корректор: Соня Любимова; Подбор иллюстраций: Александр Книжник, Александр
Толмачёв; Дизайн, вёрстка: Александр Книжник

ru.theanarchistlibrary.org